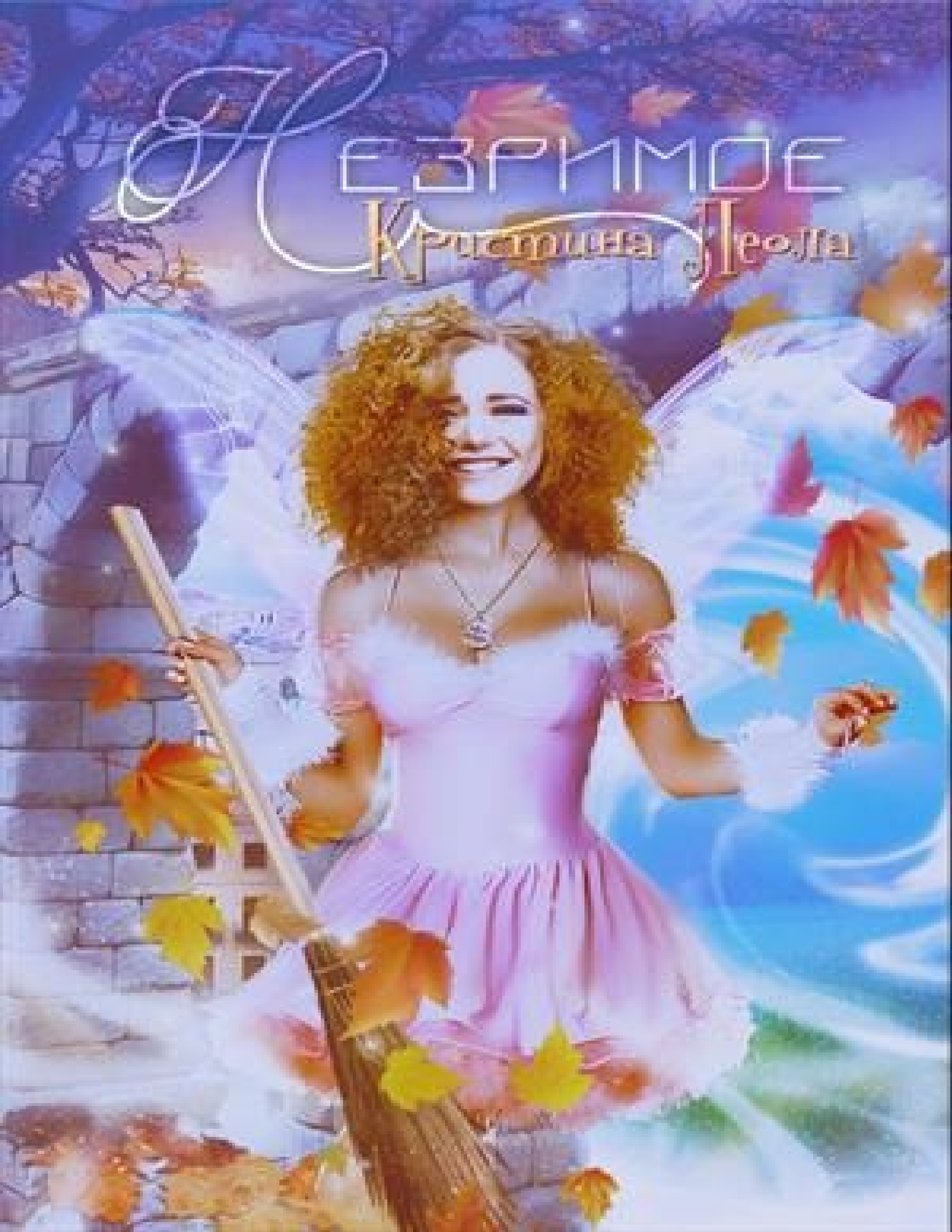

С

ЕЗРИМОЕ

Кристина Теодора

Annotation

Все-таки правы были высшие, когда решили не открывать простым смертным все тайны изнаночного мира. Хватит и того, что вообще рассказали о существовании волшебства. И вот уже десять лет маги различных направлений вливаются в повседневную жизнь обычных людей. Помогают им строить, воевать, творить, ловить преступников... но при этом тщательно берегут свои секреты.

Например, что призраки – никакая не выдумка. Или что того заплутавшего туриста сожрал вовсе не медведь, а норг, от одного изображения которого непосвященный тут же грохнется в обморок. Или что странное поведение мэра на прошлой неделе вызвано отнюдь не наркотиками, как твердит пресса, а подхваченным паразитом с изнанки.

Людам ни к чему знать все. Не готовы они к такому потоку правды.

А за тем, чтобы тайное оставалось тайным, следим мы. Брежатые. Незримые стражи. А если честно – просто очень слабые маги, которым резерва хватает только на заклинание невидимости. Мы подслушиваем, подглядываем и докладываем.

Словом, паршивая у нас работенка...

Серебряный призер конкурса "Юмор и Магия"!

-
- [Кристина Леола. Незримое](#)
-

Кристина Леола. Незримое

Глава 1

Итак, все в этом мире шло своим ходом – за исключением всего остального, что решительно шло наперекосяк.

(с) Терри Пратчетт

Вообще, у меня нет привычки носиться по городу на таких скоростях. Это, мягко говоря, страшновато, а в подобном наряде в начале осени еще и чертовски холодно. До синих губ холодно, до дрожащих пальцев, до отбивающих морзянку зубов.

Впрочем, наряд – исключительно моя вина. Кто ж в здравом уме спорит с охотниками? Еще и на желание? Споры в любом виде опасны, но охотники есть люди бесчестные и беспринципные, готовые на любую подлость ради победы, а уж ради победы надо мной – и подавно.

Вот я и проигралась, так что пришлось нацепить обтягивающий до отказа легких леотард, розовую балетную пачку и блестящие полупрозрачные крылья явно из какого-то детского набора, ибо лямки-резинки жали невероятно. Благо хоть волшебную палочку не вручили – эти могли. В таком виде я должна была провести весь рабочий день, ровно до половины шестого, если не случится ничего непредвиденного.

В 17:28 я заглянула в соседний кабинет и, отвесив шутникам размашистый поклон, злорадно захохотала. Изображать вселенское зло мне никогда не удавалось, но тут вроде неплохо вышло. По крайней мере, охотники скисли и демонстративно уткнулись в мониторы. Ну да, как же, они так старались, а я весь день в закутке просидела. Нехорошо.

А в 17:29 на Главной Доске (сокращенно ГД или, если поэтично, Гадине) с противным писком высветилось мое имя и требование немедленно явиться по указанному адресу для выполнения своих непосредственных обязанностей. Хотя нет, не так. Мне приказали явиться не «немедленно», а «НЕМЕДЛЯ», что значительно ухудшало дело. «НЕМЕДЛЯ» у нас только Ковальчук вызывает. Любит он это слово и капслок. И если вызывает Ковальчук, значит, рабочий день затягивается. Значит, проклятая пачка еще не один час будет колоть ноги сквозь тонкие колготки и раздражать слух противным шуршанием...

Лица охотников в тот миг озарились таким счастьем, таким искренним, неподдельным воодушевлением, что я невольно залюбовалась. А потом представила физиономию начальства, когда оно узрит меня во всей этой розово-блестящей красе, и стало вдруг очень грустно. Мы с начальством ладим даже меньше, чем с балетными пачками, а еще одного выговора мое личное дело могло и не выдержать.

Но деваться было некуда.

Хотя кое-чем я себе все же помогла: достала из заначки выданный на крайний случай усилитель. По-моему, преобразование в одну из Винкс – случай самый что ни на есть крайний. От людей можно скрыться и простым заклинанием, которое я в силу профессии освоила давно и прочно, но от магов-то оно не спасет. А с усилком летай по городу хоть в чем мать родила – никто не заметит. Разве что высшие, но их тут всего два штуки, и я сильно сомневаюсь, что главу Магического следственного управления или председателя Надзорного комитета когда-нибудь занесет на мой маршрут. Они, наверное, и забыли, что кое-кто из нашей братии до сих пор передвигается на метлах, и вряд ли поднимают головы, когда выходят из своих «мерседесов» и «БМВ».

Знали б вы, как я мечтаю о машине. О любой развалюхе, главное, чтоб с колесами и сиденьем, но нельзя. Не положено брежатым. Мы же почти все время под пологом, а невидимая машина – потенциальная угроза. То ли дело метла: летишь себе, никого не трогаешь, морозишь задницу, костеришь охотников, предвкушаешь встречу с Ковальчуком, от коего ни один усилитель не спрячет, ибо начальство благодаря договору может подчиненного под любым мороком разглядеть...

Как назло, место назначения находилось в противоположной части города, и к концу полета меня уже не пугала ни грядущая головойка, ни неизбежные нотации родни, которой наверняка доложат о моем очередном позоре; зубы стучали, изо рта валил пар, и хотелось только поскорее спешиться и укутаться во что-нибудь теплое. Плащ эти гады взять не разрешили, мол, уговаривались именно на такой наряд, а мы же гордые, нам же чужое мнение важнее здоровья. Тратить хилый резерв на согрев тоже нельзя, вдруг для работы потребуется. В общем, день заканчивался неважнецки. Хорошо хоть заканчивался. Вызови меня с самого утра, было б еще веселее. А так...

Он появился из ниоткуда.

Ладно-ладно, это я задумалась, не рассчитала скорость и рано снизилась, и в результате метла остановилась не по приказу, а пробив лобовое стекло полицейской тачки. Меня, разумеется, швырнуло вперед,

шибануло распрекрасным ликом о мигалки и отбросило в сторону. Не было б защиты – прощай жизнь. Но это не первая моя «авария», так что нужный амулет я не снимаю даже в ванной, мало ли... полы скользкие, зеркало хрупкое, осколки острые...

Итак, меня швырнуло, шибануло и отбросило, и вот тогда-то из ниоткуда появился Он. Конечно, я не сразу сообразила, что это человек, и приняла его за стену, которая, стоило в нее врезаться, почему-то начала заваливаться и извергать проклятия. А уж когда соприкоснулась с асфальтом, и вовсе зарычала не хуже раненого норга.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем до меня наконец дошло, что падение остановилось, никто больше не рычит, а сама я лежу на чем-то твердом, но теплом, вцепившись руками в... ткань?

– Какого... фея?

Автоматически зажмуренные глаза пришлось открыть и встретиться с взглядом незнакомца. Очень злобным, надо сказать, взглядом, не сулящим ничего хорошего. Мужик смотрел на меня так, будто я ему самое дорогое прищемила, что вполне вероятно, но не в том суть. Он меня видел.

Меня. Видел. Человек.

Я с трудом разжала одеревеневшие пальцы и начала сползать с недружелюбного тела, кажется, попутно надавливая на всевозможные болевые точки, потому что мужик кряхтел и морщился, а потом не выдержал и, ухватив меня под мышки, поднялся сам. Получилось у него далеко не с первой попытки, но в конце концов мы все же оказались на ногах. Точнее, незнакомец стоял, удерживая меня на вытянутых руках, а я балансировала на носочках ботинок. Хозных таких ботинок, почти армейских, и явно не подходящих к общему розовому ансамблю.

Черные – не то от природы, не то от злости – глаза мужчины метнулись к метле, торчащей из лобовухи, и вернулись ко мне. Будь он магом, уже бы испепелил, а так только легкий зуд вызвал. И желание побыстрее исчезнуть.

Кстати об этом...

Быстро ощупав шею, я поняла, что шнурка с усилителем нет. Наверное, порвался при столкновении. А мое собственное заклинание невидимости слетело еще раньше, пока я размышляла об охотниках, холоде, начальстве и бренности бытия. Вернуть его – не проблема, но толку-то? Уже ведь спалилась. А если исчезну прямо в руках непосвященного, с меня потом три шкуры сдерут и на рудники отправят. Фигурально, но лучше б буквально, потому как рудники явно приятнее пятиминутной отповеди от любого из моих родичей. А ссылку в Сибирь

еще практикуют?

Кажется, я опять задумалась и пропустила вопрос, ибо мужик смотрел на меня выжидающе.

– А?

– Кто. Такая? – отрывисто произнес он хриплым голосом.

Не сексуально хриплым, как в дамских романчиках, а таким, слышав который, хочется самоудавиться и бочком уползти в какую-нибудь дыру, да поглубже.

– Соня, – выдавила я.

Ну а что? Имя ему ни о чем не скажет, а я пока подумаю, что делать дальше...

Самое печальное, что на место преступления, куда меня вызвали, я таки прибыла. Одна полицейская машина, так некстати выросшая на пути, уже показатель. А значит, и незнакомец, чьи ладони я сейчас обильно заливаю потом, имеет отношение к расследованию. Полицейский? Следак? Преступник? Жертва? Хотя в нашем отделе жертвы обычно куда мертвее, но мало ли. Так или иначе, он связан с делом. И с Ковальчуком. Мне крышка.

Я украдкой поглазела по сторонам.

Ну точно. Частный дом на удивление деревенского вида – я думала, таких в черте города уже не осталось, – еще одна полицейская «лада» с мигалками, скорая, пара неопознанных автомобилей, а вон и «хендэ» моего ненаглядного шефа. Хорошо хоть из людей на улице только я и пострадавший мужик, есть шанс выкрутиться. Но как?

На забвение мне не хватит ни сил, ни умений. Да и если б хватило – Ковальчук заметит вмешательство, и тогда меня не то что уволят, а убьют к чертям.

Притвориться сумасшедшей? Все б ничего, и даже метлу, почти под корень всаженную в ветровое, как раз объяснит какая-нибудь крайняя степень безумия. Но в таком случае меня все равно под белы ручки отведут куда следует, и наказания не избежать.

Надо давить на жалость.

На что нынче ведутся мужики? Барышня в беде?

– Оглохла?

Меня хорошенько встряхнули, возвращая к реальности. Да уж, такой и ребенка-лапушку не пожалеет, а во мне из милого разве что кудряшки, да и те, как говорит Ковальчук, «раздражающе рыжие».

– П-простите?

– Спрашиваю, что здесь забыла, Соня? И почему на метле?

Не в бровь, а в глаз.

Как ни странно, на помощь пришел давний совет сестрицы: не знаешь, что делать, – нападай.

Нет, драться я не собиралась, но словесное нападение и правда могло оказаться неплохой защитой. В конце концов, если передо мной представитель органов, он ведь должен представиться, верно? А если нет, разве я обязана отвечать на не пойми чьи вопросы?

– А вы сами, собственно, кто?

Наглеть и «тыкать» я пока не рискнула. Зато не упустила случая поморщиться и подергаться, дабы продемонстрировать, что мне тут как бы не очень комфортно висится.

Мужик скрипнул зубами и весьма грубо опустил меня на землю. А я, внутренне злорадствуя, наблюдала, как он вытирает ладони об идеально отглаженные брюки.

– Старший следователь Ржевский, Следственный отдел по Заволжскому району. – Видимо, что-то такое отразилось на моем лице, потому что он сквозь зубы добавил: – Да, Ржевский. Нет, не поручик. Майор юстиции.

Я вообще-то хотела спросить, не Дмитрием ли его звать, ну да ладно.

– Софья Зеленцова... п-практикантка Магического следственного управления.

Понятия не имею, откуда взялась эта «практикантка», но ничего умнее в голову не пришло. Майор ведь уже понял, что я маг, а учет магов у людей строгий. Пусть с момента «великого разоблачения» и миновало больше десяти лет, но обе стороны по-прежнему друг другу не доверяют, приглядываются и принимают. «Долбаные Гарри Поттеры», как называет нас молодежь, в любой город приезжают и уезжают под запись – да здравствует двадцать первый век, да здравствует диктатура. Впрочем, знали б люди, сколько мы от них скрываем, вообще бы всех перебили.

Я, к примеру, представитель самого постыдного секрета магического сообщества. Незримый соглядатай. Самой иногда противно...

– Не слышал ни о каких практикантках, – нахмурился Ржевский.

Я закусила губу:

– Я... это... не зарегистрировалась еще.

– А здесь откуда?

– С-случайно... заблудилась. А там кто-то из наших есть, да? – Я кивнула на дом.

Ржевский оглянулся и вновь воззрился на меня, подозрительно прищурившись:

– Ну есть.

– Не выдавайте меня, а? – Как же плохо, что я не умею наивно хлопать ресницами. Пару раз пробовала, и, по словам очевидцев, это походило скорее на эпилептический припадок. Так что теперь я даже пытаться не стала. Просто угрюмо уставилась на майора исподлобья. – Я правда случайно, а они меня на переаттестацию отправят.

– Может, и стоило бы, – пробормотал Ржевский и тяжело вздохнул. – Зарегистрируешься когда?

– Утром первым делом! – горячо пообещала я, не веря собственному счастью.

Неужели действительно отпустит?

– А с этим что делать? – Он кивнул на пробитое стекло машины.

– Ну я... метлу заберу, а дыра... эм... хулиганы?

Не рассказывать же ему, что мне просто не по силам ничего починить.

Майор устало потер переносицу. До этого я старалась смотреть куда угодно, только не на его лицо, а теперь взгляд притянуло словно магнитом. А он ничего. Высокий. И волосы торчком, и легкая небритость, как я люблю, и такое красивое сочетание темных глаз и светлой шевелюры. Еще б не зыркал так злобно, вообще б цены не было.

– Дай свою вещь, – наконец буркнул Ржевский.

– Что?

– Любую. Хоть шнурок, хоть сережку, если это не амулет.

Вот ведь... научили на мою голову. С другой стороны, не знай он таких подробностей, никакие мои уговоры не подействовали бы.

Я вытщила гвоздик из правого уха и бросила его в протянутую ладонь майора.

– Значит так, – сурово начал он, сунув сережку в карман куртки, – если в девять утра не увижу в базе практикантку Софью Зеленцову, натравлю на тебя всех магов области, поняла?

Я судорожно сглотнула и кивнула.

– А теперь вали... нет, подожди. – Я замерла, уже вцепившись в метлу. – Почему в таком виде?

– Я это... с другом поспорила.

Почти правда. Разве что не с другом, а с подлыми охотниками, которые наверняка сжульничали. Ну не мог этот пузан Рогожин быстрее меня вокруг парка пробежать, даже если учесть, что я потеряла не меньше минуты, отбиваясь от какого-то Тузика, принявшего мою ногу за свою любимую игрушку. Я же видела Рогожина в деле. Его даже свои подкалывают и не любят брать в рейды – кому нужен неповоротливый хряк

в сражении с одичавшим призраком или особо буйным храпуном?

Помнится, недавно даже кто-то неслабо пострадал из-за его отвратной физической подготовки. Кажется, в начале лета дело было – тогда даже подняли вопрос о комиссии, сдаче нормативов и возможном увольнении...

А вот поглядите-ка. Гад встретил меня на финише с мерзкой улыбочкой. И призванные в качестве свидетелей Иринка и Толик из бухгалтерии поклялись, что никто не магичил.

Вот хоть убейте, не верю. Может, и не магичили, но точно какую пакость провернули. От этих охотников всего можно ожидать.

Вы не думайте, я разберусь. А когда разберусь, они у меня всем отделом будут в балетных пачках щеголять.

– Ну-ну. – Еще один тяжелый вздох. – Ладно, исчезни, пока я не передумал.

Хорошее слово «исчезни», правильное. Только мне нельзя. Слишком долго маги внушали людям, что невидимость – высшая степень мастерства, энергозатратная и практически никому недоступная. Все для блага человечества, а то паранойя – штука опасная. Начнут в каждом дуновении ветерка шпионов подозревать. Мы, конечно, существуем, но отнюдь не в таких масштабах.

В общем, пришлось уходить ножками, волоча за собой метлу. Совать ее между ног и взлетать на глазах Ржевского как-то не хотелось. Хотя утопала я недалеко, до первого поворота, где максимально укрепила заклинание невидимости и вернулась.

Кружение возле машины в надежде отыскать усилитель ни к чему не привело. Что ж, втыком больше, втыком меньше... Хотя амулет жаль, новый мне теперь точно не доверят.

И только смирившись с потерей и развернувшись к дому, я поняла, что Ржевский не скрылся внутри, а замер у крыльца и следит за мной глазами. Какого?.. Я проверила заклинание и нахмурилась. Отлетела в сторону – взгляд майора устремился следом. Поднялась выше – он задрал голову. Но при этом, могу поклясться, смотрел сквозь меня. Не видел, а будто... чувствовал? Такое бывает?

Я показала неприличный жест – майор не отреагировал. Значит, точно не видит. Все страньше и страньше.

Я еще какое-то время поразвлекалась, заставляя его вертеться туда-сюда, и чуть не свалилась с метлы, когда сережка в левом ухе завибрировала.

«Даже знать не хочу, почему ты выглядишь как Динь-Динь на стериодах, – раздался в голове голос Ковальчука, – но, может, уже

зайдешь в дом? У меня тут люди шныряют по комнатам без надзора. Я должен знать, что они делают и о чем говорят».

«Я... – Я вновь посмотрела на крыльцо, но Ржевский уже скрылся за дверью. – Сейчас».

И что мы имеем в итоге?

Плюс: сегодня майор меня, скорее всего, не сдаст.

Минус: признаться шефу все равно придется, ибо без его ведома зарегистрировать новую практикантку невозможно.

Плюс: вероятно, все обойдется без широкой огласки.

Минус: Ковальчук теперь с меня живой не слезет и будет ежедневно напоминать о моей глупости и некомпетентности. Не то чтобы он раньше этого не делал, но ведь всегда есть куда расти.

Плюс: за всеми переживаниями я забыла о холоде.

Минус: теперь вспомнила.

Минус: возвращаться домой придется под покровом ночи, так как усилитель потерян, а без него мой блистательный наряд увидят все маги.

Минус: ночью еще холоднее.

Минус: переодеться не во что.

Минус: охотники порадуются.

Плюс: завтра будет новый день.

Минус: этот еще не закончился.

Глава 2

Он всегда недолюбливал людей, которые «никого не хотели обидеть».

Удобная фраза: произнес ее – и обижай кого хочешь.

(с) Терри Пратчетт

Внутри дом оказался таким же деревенским, как снаружи. Тут тебе и цветастые половички, и ситцевые занавески, и вязаные салфетки, и даже самая настоящая печь. Только почему-то помещений в избытке. Помню вот, в детстве гостила у троюродной тетки под Вологдой, так там дом вроде и немаленький был, а как зайдешь – всего-то сени и одна огромная комната, где и готовили, и ели, и спали, да второй этаж с парой закутков.

Здесь же комнат хватило бы на среднюю цыганскую семью с гостями.

Теперь понятно, чего Ковальчук нервничал. Стен и людей много, а он один – за каждым не уследить.

При виде меня шеф, кстати, только глаза закатил да чуть плечами передернул. Уже ж полюбовался, как я за окном летала, потому и не удивился толком. Впрочем, он бы, наверное, и так не удивился. Чего стоит

цитата из характеристики, которую Ковальчук дал мне после двух месяцев совместной работы: *«Непредсказуемость и талант к импровизации хороши в умеренных дозах и исключительно тогда, когда направлены на дезориентацию врага. В случае же Зеленцовой об умеренности и врагах речи не идет, а потому ее выходки уже вполне закономерны, ожидаемы и причиняют вред лишь ее ближайшему окружению».*

Как завернул. Я не с первой попытки осмыслила. Зато когда прониклась, попыталась свести свои «выходки» к минимуму, дабы вновь стать непредсказуемой. К сожалению, как оказалось, результат зависит не только от меня. Сегодняшние события тому пример.

Шеф слегка кивнул, благословляя меня на обход дома, и вернулся к рассказу одного из полицейских о том, как они прибыли по вызову, как слышали шум и так далее, и так далее. Я такое уже не первый раз слышу и всегда поражаюсь, насколько в действительности скучно им живется – до копов из крутых боевиков точно далеко. Этому бедолаге даже дверь выбить не довелось – преступник все оставил нараспашку. И свет везде зажег, чтоб служители закона в темноте не шныряли и, не дай бог, не поранились. Разве что неоновую стрелку над трупом не повесил и сам не задержался – смылся через окно.

Мысленно посочувствовав почти коллегам, я планомерно двинулась по комнатам, прислушиваясь, приглядываясь и даже принохиваясь. Я не ищайка, конечно, но бабуля еще в детстве объяснила, что любой из нас может уловить остаточный след магии на одном из уровней. Моим инструментом оказалось обоняние. Слабенькое, но хоть что-то. Если б сама с пеленок не тренировалась, и такого бы не было, ибо в универе на занятиях об этом вообще лишь мельком упомянули и даже не подумали предложить развивать.

Короче, я глазела и нюхала. И не находила ничего интересного.

Люди уныло выворачивали наизнанку шкафы, стряхивали пыль с полок, поднимали ковры в поисках потайных люков. А второй из присутствующих магов (первый, разумеется, Ковальчук) стоял столбом на лестнице, закрыв глаза и бездумно шлепая губами.

Макс Пружинка.

Насколько задорна его фамилия, настолько же сам он зануден и чванлив.

Протискиваясь мимо него на второй этаж, я случайно задела крылом плечо в твидовом пиджаке (с налокотниками!), и Пружинка, распахнув очи, устремил на меня тяжелый взгляд. Затем чуть отстранился, дабы обозреть меня во всей красе и, подобно шефу, закатил глаза. Я даже на миг

понадеялась, что обратно они уже не выкатятся, но, увы...

Я все же удержалась, не фыркнула, не состроила рожицу – просто продолжила свой путь. Второй этаж был разбит на четыре комнаты, и три из них оказались совершенно пусты. Вот прям совершенно. Ни единого предмета мебели, никаких штор-ковров-крючков-чего-угодно. Даже пыли не было, что совсем уж странно. Будто кто-то только что прошелся тут влажной тряпкой, но не оставил после себя ни физических следов, ни запахов.

И да, полный штиль на обонятельном уровне напрягал сильнее всего. Если внизу я ничего не почувствовала, потому что там не применяли магии, то здесь царила нездоровая стерильность. Искусственная.

Ввиду отсутствия в этих трех комнатах вещей их никто и не обыскивал, так что я направилась напрямик к четвертой, откуда доносились голоса.

И едва ступив на порог, чуть не бросилась прочь. Во-первых, потому что один из голосов принадлежал моему знакомцу Ржевскому, который при моем появлении вскинул голову, нахмурился и пару секунд сверлил взглядом дверной проем. Благо, потом передернул плечами и вновь уставился на собеседника. А во-вторых, потому что общались они над трупом.

Я почему-то думала, что его уже увезли, ан нет. Лежит родименький, ручки-ножки в стороны раскинул – прям Витрувианский человек, так и хочется обвести по кругу.

Должна признаться: я их до одури боюсь. Трупов, в смысле. И их бывших хозяев, что могут отираться поблизости.

В этом иррациональном страхе я искренне виню своего ненормального старшего братца, который в нежную пору моей юности с чего-то загорелся идеей раскрыть мой потенциал. Игорь ни в какую не верил, что в нашей семье могло родиться подобное мне недоразумение, и вбил себе в голову, будто причина столь слабых (читай «никаких») способностей в некоем ментальном блоке.

Этой мыслью он заразил почти всех родичей, в результате чего снимали сей таинственный блок дружно и со вкусом. Только бабуля не впала во всеобщий маразм, но и спасти меня почему-то не спешила, лишь с любопытством энтомолога наблюдала за этим блошиным цирком со стороны.

Именно в тот год я приобрела большинство своих фобий и бзиков, однако финальная ночь в морге до сих пор является мне в кошмарах. Такая себе шоковая терапия.

Несуществующий блок, разумеется, сниматься и не подумал, и семейство, печально поглаживая меня по голове, сдалось. Вот только я теперь не могу без содрогания слушать рассказы охотников про призраков, смотреть ужасики и находиться в радиусе десяти метров от трупа.

Ну почему, почему именно здесь они решили поболтать, да еще и на такую интересную тему?

Зажмурившись, я шагнула в комнату и по стеночке отползла в сторону, чтобы не загоразживать проем, если вдруг кто решит войти. Да так и стояла, стараясь выровнять дыхание и за своими суматошными мыслями не пропустить ничего важного. Чертовы проволочные крылья впивались в спину, но уже через несколько фраз я перестала обращать на боль внимание.

– ...так он тебе и сказал.

– Я не дам им наш отчет, пока не предоставят свой.

В ответ на суровый тон майора его собеседник хмыкнул:

– Думаешь, им до нашего есть дело? Да они только вошли и уже узнали все, над чем мне еще полчаса биться.

Ржевский заскрипел зубами. Заинтригованная, я даже осмелилась приоткрыть глаза и была вознаграждена видом его угрюмой физиономии. Затем майор с шумом выдохнул и посмотрел вниз на сидевшего на корточках лысого бородача – явно судмедэксперта. Хотя широченные плечи и черные линии татуировки над воротом рубахи рождали совсем иные ассоциации. По мне, так он куда гармоничнее бы смотрелся в кожаных штанах на байке и в окружении грудастых блондинок, чем в белом халате и со скальпелем.

– Что уже известно? – после небольшой паузы спросил Ржевский.

Бородатый поджал и без того тонкие губы:

– Вряд ли собирались убивать. Читали память, перестарались.

Он развернул голову трупа и указал на левый висок. Я отчетливо видела мерцающее зеленое пятно, которое с каждой секундой едва заметно бледнело, но эти двое ничего видеть не могли. Так откуда?..

– Если прикоснуться – будто льдом обжигает, – ответил «байкер» на мой невысказанный вопрос. – И слегка пульсирует.

Майор задумчиво покивал.

– А с чего взял, что убивать не хотели?

– Не, может, после читки и убили бы, да только он сам раньше времени помер. Другой висок не тронут, не закончили они. То ли защита на нем стояла, то ли работал дилетант. Взорвали мозг к чертям.

– Да ты прям будто сам колдовать научился, – кисло пробормотал

Ржевский.

Бородач встал и потряс явно затекшими конечностями. В выпрямленном состоянии он возвышался над немаленьким майором на целую голову. Какие у нас нынче... патологоанатомы.

– Нам каждый год устраивают курсы повышения квалификации по методам распознавания магического воздействия. Видимо, их психи постоянно что-то новенькое выдумывают. Понятно, что нам рассказывают далеко не все, но с паршивой овцы, как говорится... Ты б тоже сходил, полезно, знаешь ли.

– Мне своих курсов хватает. Задолбали, если честно. Вообще не понимаю, на черта мы им сдались. – Майор потер переносицу. Кажется, любит он этот жест. – И дураку ясно, что нас водят за нос как слепых котят.

– Рабочая сила, брат, – бородач похлопал его по плечу, – рабочая сила. На что-нибудь да сгодимся. Ладно, не кисни. Что в отчете писать?

Старший следователь Ржевский задумался, а я наострила уши.

– Пока ничего. Проведи полное вскрытие.

– На кой? – удивился судмедэксперт. – Дело ж явно не по нашей части. Сбагриваем им трупак с пометкой «магия» и умываем руки. Все равно шагу ступить не дадут.

– Сделай, – настаивал майор. – Считаю, у меня предчувствие.

Не нравились мне его предчувствия. И косые взгляды в мою сторону не нравились. Слышала я про интуитов, слепых к магии, но даже чувствительных, однако не встречала прежде. Похоже, наконец встретила. Впрочем, ничего не скажешь.

От греха подальше я вышла в коридор, решив послушать дальнейшую беседу оттуда, но самое интересное уже закончилось. Скабрзные шутки бородач о магах и волшебных палочках я интересным не считаю.

Впрочем, уходить было нельзя, так что я дождалась, когда эти двое покинут комнату, и поплелась за ними на первый этаж. Там кивнула Ковальчуку, мол, кое-что есть, показала язык опять закатившему глаза Пружинке и приготовилась к долгому ожиданию.

Однако уже через пару минут сережка вновь завибрировала и раздался мысленный голос шефа:

«Ну что?»

Я посмотрела в дальний угол комнаты, где он сидел за столом, внимательно слушая Ржевского и бородача, и усмехнулась. Прямо Юлий Цезарь.

«Следак – интуит, чует меня. Они знают, что убийство магическое. Думают, кто-то неудачно считал память. Но все равно хотят провести

полное вскрытие».

«Чушь», – фыркнул Ковальчук, а я даже слегка обиделась.

«Они умеют такое определять», – начала объяснять, но он перебил:

«Да я не про убийство. Про интуита. Их проверяют. Ржевский в этом плане бревно бревном, так что расслабься».

Ну да, а я мнительная идиотка.

Впрочем, доказывать что-то начальству – себе дороже. Я предупредила, а уж он пусть сам решает, внимать или насмехаться.

«Кстати, о Ржевском...»

Ну а чего тянуть? Пока шеф занят с людьми, глядишь, переберется и потом не будет сильно орать.

Не вдаваясь в подробности, я рассказала о своем небольшом столкновении с майором и острой необходимости зарегистрировать меня как практикантку. Ковальчук в другом конце комнаты застыл и слегка побледнел, так что бородатый судмедэксперт даже поинтересовался его самочувствием.

Что шеф отвечал вслух, я не слышала – морально настраивалась на мысленный вопль. Но в голове прозвучал на удивление спокойный голос:

«Когда-нибудь... когда-нибудь мне воздастся за все мучения».

А потом мое уважаемое начальство встало и нарочито громко провозгласило:

– Полное вскрытие – это замечательно. Не возражаете, если мой сотрудник поприсутствует? Прислали к нам тут одну практикантку... с острой нехваткой подобного опыта.

* * *

Домой я возвращалась злая, как тысяча подпаленных рушек. И не только из-за надменной улыбочки шефа, которой он одарил меня после своего торжественного объявления. И даже не потому, что лобовуху полицейской «лады» он не сам починил, а попросил Пружинку. Теперь о моем приключении не то что все управление узнает – вся страна.

Для них обоих стекло склеить – что затылок почесать, но этот недобитый кембриджский профессор соорудил такую мину... Мол, и даже на такой пустяк ты, бестолочь, неспособна.

Происходило все прямо на глазах людей, однако вряд ли кто-то что-то заметил. Пружинку я, конечно, ненавижу, но работает он быстро и качественно. Лишь майор окинул невредимую машину насмешливым взглядом, покосился на невозмутимого Ковальчука и еще раз зыркнул в мою сторону. Не интуит, как же.

Короче, не в том дело.

Злилась я из-за единственной фразы, брошенной шефом перед самым отъездом. Я тогда не сдержалась, попросила мысленно: «*Не надо*». Я готова многое стерпеть, лишь бы не идти на поклон к начальству, так что это дорогого стоит. Но бесчувственный ублюдок даже не повернулся в мою сторону.

«*Не явишься – уволю*».

Вот и все.

Разве это не моральное издевательство над личностью? Он же знает, знает обо всех моих тараканах! И ладно б это были просто взбрыки из разряда «не хочу, не буду», но меня ж в прозекторской так накроет, что мама не горюй. Неужели я его настолько достала?

Когда Ковальчук шагал к машине, я царапала ручку метлы, с трудом сдерживаясь, чтобы не рвануть следом и не повыдирать его черные космы. Отрастил, понимаешь, патлы до плеч, в хвостик теперь завязывает. Из-за него моя нелюбовь к длинноволосым мужчинам лишь усилилась. Ну не должна у мужика шевелюра быть как у бабы. Уж лучше пусть лысиной блестит, как тот же судмедэксперт, чем благоухает кокосовым бальзамом.

Зато наши девицы на работе готовы часами обсуждать, как переливались сегодня его чернильные пряди, да как сверкали изумрудные очи. Начитались романтических опусов, теперь не видят, что за всем этим лоском скрывается тиран и деспот. Темный властелин недоделанный. Такие только в романах и хороши, а в жизни этого конкретного индивида хочется прикопать под ближайшим кустом.

Натравить бы на Ковальчука бабулю... Вот бы кто показал ему ценность смирения и милосердия. А может, и волосы бы укоротил.

В общем, разозлил меня шеф основательно, так что разом были забыты и холод, и мой наряд, и маги, которые могли его увидеть. Наверное, и увидели, не знаю. Я как-то по сторонам не смотрела, направив все силы на то, чтобы в пылу гнева не влипнуть еще куда-нибудь. Не удивлюсь, если меня даже на магвиз засняли, и скоро обитатели сети смогут поржать над идиоткой с детскими крыльями. Плевать.

Дверь я открывала так яростно, что чуть ключ в замке не погнула. Затем стянула ботинки, швырнула метлу в угол и уставилась на свое отражение в длинном зеркале, висящем прямо напротив входа.

Обалдеть.

Кудри торчком, крылья перекошены, розовые слои пачки местами отделились от резинки на талии и теперь болтаются вокруг разорванными лентами. И да, за грязью и пылью там и розового уже не разглядеть. Но самое главное – лицо. Кажется, столкновение с мигалками все же не

прошло даром. На щеке синяк, губа разбита.

Одним словом, красotka.

Не фея, а ведьма после шабаша. И я в таком виде пыталась майору на жалость давить?

Злость чуток поутихла. А когда я протопала на кухню и увидела, кто преспокойно попивает мой любимый чай с ромашкой, и вовсе исчезла, сменившись чистой паникой.

– Нет, – пробормотала я, глядя в точно такие же как у меня золотисто-карие глаза. – Нет-нет-нет-нет-нет. Я все-таки разбилась, умерла и попала в лимб. А ты – мой личный вечный кошмар.

– И я рада тебя видеть, – как ни в чем не бывало улыбнулась Зеленцова Дарья Викторовна и потянулась к последней венской вафле на тарелке.

Моей вафле! Только мысли о любимом лакомстве грели меня всю дорогу домой, и вот...

Но тут глаз зацепился за некий предмет, небрежно оставленный в углу у холодильника, и я поняла, что в прозекторскую завтра побегу вприпрыжку. И там же останусь ночевать. И жить.

Чемодан. Огромный клетчатый чемодан на колесиках.

– Нет, – еще раз прошептала я.

– О да, – довольно протянула сестрица и хлебнула чаю. – Где ты меня поселишь?

Плюс: я не умерла от разрыва сердца.

Минус: я не умерла от разрыва сердца.

Глава 3

Вся беда с невообразимыми ужасами состоит в том, что их легко вообразить...

(с) Терри Пратчетт

Я люблю родных. Вероятно, стороннему наблюдателю наши отношения могут показаться странными и даже несколько нездоровыми, но, поверьте, это отнюдь не из-за отсутствия теплых чувств. Просто нам лучше... врозь.

И всем остальным лучше, когда мы врозь.

Клан Зеленцовых – это машина разрушений, которую, коли она запущена, невозможно ни остановить, ни направить в нужную сторону, ни подчинить законам логики. И конкретно моя семья – родители и родные братья и сестры – двигатель этой машины. Роли порой тасуются, клапан становится распределительным валом, а стартер каким-нибудь поршнем, но

общая суть неизменна. Брат отца, дядя Володя, и пятнадцать его сыновей от разных женщин – это наш металлический, пуленепробиваемый корпус. Прочие многочисленные дяди, тети, кузены – различные поддерживающие системы, от видеонаблюдения до жизнеобеспечения. А бабуля... бабуля – гусеничное шасси, что тащит нас вперед, к ей лишь ведомой цели.

Что касается меня... Я та самая непонятная фиговина, которая вроде бы была частью механизма, но после переборки осталась не у дел, и теперь никто не знает, куда ее приткнуть, ведь и без нее все прекрасно работает.

Я не обижаюсь, сама прекрасно осознаю, насколько отличаюсь от остальных.

Однако семь лет назад, когда ввиду некоторых печальных событий на общем сборе приняли решение «Один город – один Зеленцов» (супруги, несовершеннолетние дети и однофамильцы не считаются), я не преминула этим воспользоваться.

Не сразу, конечно. В то время я еще училась, потом «искала себя» в путешествиях по миру, потом пыталась освоить «человеческую профессию» и сдалась лишь в прошлом году. Тогда-то и выяснилось, что в моем любимом городе, где когда-то родилась бабушка и познакомились мама с папой, еще никто не отметил, и территорию можно занимать.

Причины подобной странности разъяснились уже через пару недель.

Просто так уж вышло, что во всех местных магических ведомствах служит кто-нибудь, кому моя бесчисленная родня когда-то наступила на хвост. Бывшие одноклассники, однокурсники, коллеги, любовники и прочие-прочие.

Маги – народ злопамятный. Я полгода не могла оформить покупку квартиры из-за «бюрократических препон», а точнее, из-за связей некой разобиженной барышни, с которой близнецы Влад и Стас Зеленцовы некогда сыграли не самую добрую шутку. А ремонт и вовсе до сих пор не закончила, ибо материалы теряются по пути из магазина, рабочие исчезают с авансом, и следов не найти.

Теперь уже сама потихоньку ковыряюсь, благо, всего две комнаты и кухня, и хотя бы часть удалось сделать наемными руками. Плохо, что деньги почти закончились, и если меня уволят, жить придется со шторочками вместо дверей в ванной и туалете и голыми стенами в спальне.

Не рассчитала я дедушкино наследство. А без него было бы совсем печально.

Понятия не имею как, но старик умудрился каждого внука обеспечить энной суммой на собственное жилье. Учитывая наше количество, дедуля ограбил банк, не иначе. А если вспомнить, что последние три года перед

смертью он провел, скрываясь от всего мира, даже от собственной жены (что крайне сложно, знаю не понаслышке), возможно, не совсем банк.

Так или иначе, возвращаясь к теме городов, Ярославль я люблю и уезжать отсюда не собираюсь.

Старинный, красивый, мудрый. А все недруги со временем поймут, что мстить мне за остальных Зеленцовых – все равно что пинать безобидного маленького львенка. В смысле, сама вряд ли смогу достойно ответить кому-нибудь большому и грозному, но если придут мама с папой, да весь прайд подтянется...

Не то чтобы я сама это так уж хочу...

Если честно, я даже удивилась, когда меня безропотно приняли в Магическое управление. Понятно, что брежжатые всегда нужны, но с таким семейным анамнезом... Теперь подозреваю, что я – личное наказание Ковальчуку за какой-то провал. Доказательств нет, однако бесится он весьма показательно.

Я пыталась тихонько выведать у своих, не пересекались ли их пути с моим ненаглядным шефом – пока никто не признался. Впрочем, не суть. Время идет, Ковальчук привыкает, я приживаюсь. Еще б удалось хоть неделю без происшествий отслужить, вообще бы было прекрасно.

Вот только присутствие сестры вряд ли этому поспособствует.

Я со вздохом перевернулась на другой бок и уставилась в темноту. Диван скрипел, тревожные мысли не иссякали, сон не шел.

С Дашкой мы так и не поговорили. Пока уставшая, грязная и злая я отмокала в ванной, эта зараза заняла спальню и скоренько отключилась. Видимо, «где ты меня поселишь» – вопрос чисто риторический. И как теперь уснуть, не зная, зачем и надолго ли она явилась? У меня и так работа (да и вся жизнь) нервная, а тут еще новый стресс.

Нет, сестра у меня хорошая. Вообще-то, самая лучшая. Но с ней сложно.

В детстве мы были не разлей вода. Погодки, да и внешне похожи как близнецы, разве что я единственная, кто унаследовал мамины рыжие волосы (остальные уродились в папу, брюнетами), а Дашке единственной достался мамин же вздернутый нос. Но в остальном – как две капли.

Мы не расставались ни на миг, меня даже в школу пропихнули на год раньше, потому что без любимой сестры я устраивала дикие истерики. А в мои двенадцать и ее тринадцать произошло сразу несколько роковых событий.

Во-первых, наша сестра Ольга вышла замуж. Во-вторых, брат Игорь уехал учиться в академию (откуда через три года и привез ту самую идею о

ментальном блоке). И в-третьих, наши неугомонные родители явили свету пятого отпрыска – Матвея, которому и посвятили все свое время.

Мы с Дашкой внезапно будто остались один на один с миром, и это при таком-то таборе родни.

Все б ничего, но без опеки старших сестренка вдруг как никогда остро осознала, насколько я слаба – слепой щенок среди бушующего океана магии, – и провозгласила себя моей защитницей.

Приятно, скажете вы. Лестно. И донельзя обременительно.

Дело в том, что Дашка ни в чем не знает меры и в своей опеке преступала все мыслимые и немыслимые грани. Проклинала беззлобно пошутивших надо мной одноклассниц, выживала из школы учителей, якобы занижавших мне оценки, целовалась с понравившимися мне мальчиками, дабы доказать их никчемность. В общем, все банально.

Разве что в те годы маги еще не вышли на свет, и некоторые Дашкины фокусы привлекли внимание высших. Учились-то мы в обычной школе, а не в каком-нибудь Хогвартсе. У нас только вузы магические, а в детстве, будьте добры, тренируйтесь в кругу семьи.

Скандал тогда вышел знатный, но самое страшное, что я за сестру не вступилась. Я устала от ее опеки, устала терять подруг и парней, устала от того, что и шагу не могу сделать без назойливой тени за спиной. *«Поранишься, споткнешься, уколешься, обожжешься»*. Невыносимо. Да, я неуклюжая, но не совсем же юродивая.

Короче, я молча выслушала все упреки взрослых и даже не попыталась выгородить Дашку. А она восприняла это как предательство. Я не превратилась во врага и новую цель для ее проклятий, но отношения заметно охладились. Позже и Даша сумела отыграться: когда меня целый год мучили всевозможными экспериментами для раскрытия потенциала, она с удовольствием поучаствовала в разработке сценариев.

За сим мы посчитали себя квитами и разбежались в разные стороны. Последний раз я слышала о сестре месяцев семь назад – тогда она собиралась замуж за какого-то британского графа.

И вот Дашка здесь. С чемоданом. Посапывает на моей кровати. Или уже не посапывает?

Я вскинулась, заметив отразившийся в экране телика шар света, что плыл по коридору от спальни к залу. Вскоре в дверь шагнула Дашка. Замерла на пару секунд, затем подкралась к дивану и поднесла руку с пульсаром к самому моему лицу. Я моргнула, и сестра отпрянула.

– Не спишь?

– Как видишь.

– А чего со мной не легла? Я специально на краешке устроилась.

Ага, на краешке. Когда я заглянула в комнату, Дашка валялась поперек кровати в позе морской звезды.

– Не хотела мешать.

– Можно?

Я пожала плечами, и она юркнула мне за спину, нарочно прижав холодные ступни к моим ногам.

– Ай! Лягушка.

Диван заскрипел с удвоенной силой. Чую, не выдержит он нас обеих.

Дашка обхватила меня за талию, притянула к себе и уткнулась носом в волосы.

– Все так же пахнешь карамельками.

– Неправда!

Она лишь фыркнула, и вновь повисла тишина. Сердце щемило, на глаза наворачивались слезы.

– Я с завтрашнего дня в Демидовском ЯрГУ историю магии преподаю, – вдруг заявила сестрица.

– А они в курсе?

С нее станется прийти и поставить ничего не подозревающих бедолаг перед фактом.

– Конечно, сами же пригласили.

Я резко повернулась и приподнялась на локтях.

– Одну из Зеленцовых пригласили преподавать в старейшем вузе Ярославля? – уточнила недоверчиво.

– Ну да. Я как кое-кому кое-какие фотки отправила, так сразу и пригласили.

Вот же...

Я устало откинулась на подушку и вперилась взглядом в потолок. Дашка пристроила голову на моем плече.

– Зачем?

– Я должна быть здесь.

– Зачем?

– Сонька... что-то грядет. Знаю, тебе моя защита не нужна, но я должна быть здесь.

Я закрыла глаза.

У Дашки сильный дар предвидения, только такой же непутевый как она сама. Сплошные предчувствия, никакой конкретики.

Что-то грядет...

Черт, ну неужели ж не видать мне спокойной жизни?

* * *

Отдел встретил меня тишиной и пустотой. Только Липка Аббасова в комнате отдыха потягивала чай и довязывала пинетки для третьего внука. Я посмотрела на часы – ровно восемь. До начала рабочего дня еще тридцать минут, но у нас все приходят пораньше. Что происходит?

– Ли-и-ип?

– А? – Седовласая артефакторша оторвалась от вязания и поправила круглые очки. – О, привет. Все у главного. Чего-то совещают.

– А мне надо? – Я неуверенно помялась в дверях, искоса поглядывая в дальний конец коридора.

– Сказал, чтоб присоединялась, как явишься, – припечатала Липа. – Иди-иди, он сегодня джоже добрый.

Верилось с трудом, но...

– Стой, погоди, – внезапно подскочила артефакторша.

– М?

– Слушай, Сонь... – Она вроде как даже замялась и покраснела, что выглядело несколько дико и неестественно. Румянец этому невозмутимому лицу не шел категорически. – Ты в последнее время за Ковальчуком ничего странного не замечала?

– Например? – нахмурилась я.

– Ну вот, знаешь, он у меня все про какие-то артефакты спрашивает, о каких я в жизни не слыхивала. И это я-то! Понимаешь?

Я не понимала.

– А что странного-то? Если по делу...

– Так в том и дело, что не по делу! И вообще он будто сам не свой... Все время в кабинете запирается, разговоры какие-то слушает, да личностей подозрительных привечает. Я ведь не сплетница, ты знаешь, но напрягает меня это. Что-то неладное в управлении творится, а никому будто и дела нет.

– Наш отдел – это еще не все управление. – Я пожала плечами. – Да и где нам постигнуть помыслы руководства.

– Ладно, – махнула рукой Липка. – Но ты, коли что странное заметишь, не молчи. О таких вещах сразу докладывать надо, куда следует. А то под крышей таких вот богаделен порой и скрывается самое настоящее зло...

Это меня сейчас так аккуратно агитируют накатать на Ковальчука кляузу? Вы не подумайте, что я против – было бы за что, но... это еще страннее якобы странного поведения шефа. По мне, так в нем ничего не изменилось. А вот Аббасова сейчас почти пробудила моего внутреннего Шерлока, мирно спящего почитай всю жизнь.

– Хорошо, Липа, молчать не буду, – пообещала я, не желая развивать неприятную тему.

Обо всем этом можно подумать и позже, когда нервы не будут дребезжать от предстоящих трудовых подвигов.

Я одернула рубашку, откинула за спину волосы, утром выпрямленные Дашкой, и, глубоко вдохнув, отважно пошла к кабинету шефа. Сегодня я – идеальный сотрудник. Никаких крыльев, никаких раздражающих кудряшек, даже синяк сестренка залечила, хотя я боялась доверять ей свое лицо. Волосы-то ладно, отрастут, а пластика мне сейчас не по карману. Тем не менее Дашка справилась. И проводила меня на работу как на смертный бой. Теперь вот боюсь, как бы не прискакала сюда лично – защищать от «грядущего».

Пару раз стукнув костяшками по косяку, я осторожно просунулась в дверь. Ко мне тут же синхронно повернулись пятнадцать голов, растянувшихся по обе стороны длинного стола. Еще одна голова, шестнадцатая, Ковальчуковская, хмыкнула и открыла рот:

– Ну проходи, коли соизволила явиться.

Руки помимо воли сжались в кулаки. Скотина. Знает же, что я не опоздала.

Я неуклюже протиснулась в кабинет и поискала глазами место. Разумеется, за столом все было занято, и лишь в углу слева от двери приютился одинокий стул.

Дважды скотина.

Я плюхнулась на жесткое сиденье и с трудом удержалась, чтобы угрюмо не скрестить руки на груди. Еще не хватало изображать тут нахохлившегося воробья. Обойдутся.

– Итак, – начал Ковальчук, обрывая шепотки охотников. – Раз уж гражданка Зеленцова теперь с нами, можем обсудить напрямую связанные с ней вопросы.

Я напряглась. Неужели... неужели он расскажет, что я спалилась человеку? Это ж ему в минус, кто-нибудь из услужливых доложит выше, и все, прощай и Соня, и Ковальчук.

– Я решил, – продолжил шеф, – что пора провести небольшой эксперимент. Открытое расследование.

– Чего? – опешил Рогожин, почесывая живот. – А у нас бывают закрытые? Ну, кроме внутренних.

– Открытое с нашей стороны по отношению к людям, – пояснил Ковальчук, явно сдерживаясь, чтобы не закатить глаза. – Никакой тайной слежки, никаких уверток, никаких брежневых.

Народ вновь взволнованно зашептался.

– Точнее, – повысил голос шеф, – брежжатый будет, но исключительно в зримой форме. Софья Викторовна любезно согласилась сыграть роль представителя управления в текущем деле и стать временным напарником человеческого следователя.

Софья Викторовна сидела в углу и силилась не уронить челюсть.

А потом до Софьи Викторовны дошел коварный план начальства, и от удивления не осталось и следа.

И это меня он называл предсказуемой? Сам-то.

Думаю, остальные тоже догадались (или скоро догадаются), что «открытое расследование» – сплошная фикция. Ага, позволил бы кто-то Ковальчуку проводить подобные эксперименты. Не ему решать, что говорить непосвященным. Не ему фильтровать правду.

А значит, я – лишь отвлекающий маневр. В стиле «О, а давайте спустим мартышку с поводка и, пока следак будет ее ловить, быстро раскроем дело».

Свинство, но я сама виновата. Если б не попалась поручику, в смысле майору, то работала бы как всегда, за кадром. А теперь...

– Вопросы? – вернул меня к реальности шеф.

Я бросила на него хмурый взгляд и покачала головой. Остальные еще переваривали информацию, но тоже послушно мотнули черепушками.

– Отлично. Ну а сейчас... Софья Викторовна, вас, по-моему, ждет вскрытие? – напомнил Ковальчук.

Уж лучше бы оно и правда меня ждало. Наверное, лежать на столе гораздо проще, чем наблюдать за процессом со стороны.

Под смешки коллег я покинула кабинет, точно робот прошла по коридору, добралась до своего стола и, упав в кресло, смежила веки. Но мне и минуты не дали посидеть спокойно.

«Полагаю, ты оценила мое благородство, – раздался в голове голос шефа. – Больше я тебя спасать не буду».

Себя ты спасал, кретин.

Осознав, что чуть не отправила эти слова по мысленной связи, я опустила голову на стол и пару раз от души треснулась.

«Так точно».

Как же сложно контролировать тон, даже если говоришь не вслух.

«Кстати, надеюсь, твоя родня не станет помехой. Я слышан об их буйном темпераменте, и такое количество Зеленцовых в одном месте меня смущает».

Я выпрямилась и невидяще уставилась перед собой.

«В смысле?»

«Соня, ты в курсе, что за последние трое суток шестеро твоих родственников зарегистрировались в Ярославле на неопределенный срок?»

«Эм... да. Да, конечно».

Нет, нет, не в курсе! Почему я не в курсе? Что происходит?

«Хорошо. Придерживай их. Тебе лишние проблемы ни к чему».

А то я не знаю...

О черт, черт, черт.

Дрожащими руками я выудила из кармана мобильник и набрала номер сестры, который взяла у нее утром.

Один гудок, второй. Ну же, Дашка, ответь!

– Уже соскучилась? – В ее голосе слышалась улыбка.

– Кто? – выдохнула я в трубку.

– Что «кто»?

– Кто еще приехал?

– Куда?

– Дашка, не зли меня. Шестеро наших в городе. Без тебя пятеро. Кто?

– Пятеро? – Удивление было неподдельным. – Ого. Черт, детеныш, я правда не знала. Давно приперлись?

– В последние трое суток. И это только те, что отметились официально. Кто-то мог и зайцем проскочить.

Я вот, например, и дальше бы жила без отметки, так как брежатым не положено заявлять о себе людям.

– Я постараюсь все выяснить, – пообещала сестра.

– Дашка, чего им надо, а? Чего им всем вдруг понадобилось?

Она помолчала. А потом произнесла непривычно устало:

– Наверное, тоже чувствуют. Что-то грядет.

А может, это они и грядут? По крайней мере, я в своей жизни еще не встречала катастрофы страшнее Зеленцовых. Думаю, большинство их знакомых тоже.

Нажав отбой, я откинулась на спинку кресла и зажмурилась.

Плюс: ???

Минус: !!!

Глава 4

Люди никогда не видят то, существование чего им кажется невозможным.

(с) Терри Пратчетт

Мне выдали проездной.

Гребаный проездной на автобус.

Я даже не сразу поняла, что произошло, и еще несколько секунд тупо пялилась то на пластиковую карточку в своей руке, то на Нину из отдела хозяйственного обеспечения, то на метлу, которую она пыталась вырвать из моих одеревеневших пальцев.

– Велено, – процедила Нинка и с удвоенной силой потянула на себя мой транспорт. – Во избежание... искушения... и... эксцессов.

Ну да, разумеется.

Я наконец ослабила хватку, и подлая рейдерша вместе с метлой отлетела к стене. Затем распрямилась, гневно сдула со лба соломенную челку и отчеканила:

– Ни полетов, ни исчезновений, ни самодеятельности.

Глядя в ее удаляющуюся спину, я поняла, что за потерянный усилик буду задарма служить любимому управлению верой и правдой до самой смерти. Конечно, пока разозленная Нина о нем не вспомнила, но когда вспомнит...

Я тяжело вздохнула, сунула проездной в карман пиджака и, предварительно загуглив нужный маршрут, поковыляла на остановку. Хотела колеса и сиденье? Получите, распишитесь.

Правда, до сидений мне добраться так и не удалось. Еще бы, утром, в будний-то день. Толпа студентов и старушек бодро пронесла меня по проходу и впечатала в заднее окно, где все полтора часа пути по пробкам я любовалась надписью, нацарапанной на слое грязи кем-то не шибко брезгливым: «Жизнь прекрасна».

Охотно верю.

Особенно ярко я ощущала всю прекрасность этой жизни, когда на каждой остановке в автобус забивалось все больше народу, и меня, соответственно, все сильнее вдавливало в стекло. От грусти, безысходности и, если честно, безделья я начала строить рожи водителям машин, плетущихся за нами. Понятия не имею, разглядели ли они хоть что-то – слой грязи на окне и правда был внушительный, – но мне заметно полегчало.

Ровно до момента выхода из автобуса.

К дверям я устремилась заранее, втянув живот и протискиваясь мимо недовольных граждан с сакральным «Мне на следующей». И вот как-то не рассчитывала встретить в такой давке особо одаренную особу, додумавшуюся взять с собой еду. Если точнее – рожок мороженого, которое медленно, но верно таяло, пока девица возюкала наманикюренным

большим пальцем другой руки по экрану телефона.

Серьезно? Во-первых, осень на дворе, холодно уже на улице мороженое жрать. Во-вторых, я там руку с трудом смогла поднять, когда нос зачесался, а тут человек и ест, и эсэмэсится, и разве что хорнпайп не отплясывает. Годы тренировок?

Все эти мысли вихрем пронесли в голове, когда подтаявший клубничный шарик, щедро политый шоколадным топингом, при очередном подскоке автобуса на шикарных ярославских дорогах скатился с насеста и плюхнулся прямиком на мою рубашку. Жакет тоже зацепило, но он был старым и темным, а рубаха – новенькой, белой, прекрасной...

Я бы, наверное, поскандалила. Не люблю это дело, но воспитывать молодежь надо. Однако в этот миг автобус фыркнул, дернулся и, не успев толком остановиться, распахнул двери, и меня вынесло на улицу вместе с другими выходящими. А пока я уныло пялилась на загубленную рубашку, госпожа Удача продолжила демонстрировать мне филейную часть.

Хлынул дождь. Не начался, не заморосил, именно хлынул. Без предупреждающих плевков, грома, молний, внезапных затемнений и прочих спецэффектов. Поначалу я даже решила, что это только мне повезло попасть под выплеснутую кем-то воду из ведра, но народ вокруг всполошился и бросился врассыпную, так что...

Стоит ли упоминать, что в нужное здание я заходила мокрая насквозь и мало похожая на «идеального сотрудника», коим пыталась казаться? Отяжелевшие брюки норовили сползти, ботильоны противно хлюпали, по прозрачной, льнущей к телу рубашке расползлось шоколадно-клубничное пятно, а жакет... проще уже было выбросить, чем реанимировать. От утренней укладки не осталось и следа. Сейчас волосы висели темно-медными сосульками, но я знала, что стоит им подсохнуть, и над моей головой воспарит знатное рыжее афро.

Впрочем, поводы для радости тоже имелись. В попытке придать образу серьезности я сегодня не накрасилась, так что превратиться в печальную панду мне точно не грозило. А еще документы и деньги не пострадали, несмотря на мою нелюбовь к дамским сумкам и привычку таскать все жизненно важное в карманах. Мужскую привычку, как не раз попрекала бабуля. А вот отец вместо упреков, памятуя о моей способности оказываться в самых странных местах и ситуациях, взял и подарил зачарованную от кражи и повреждений обложку для документов, очень удачно вписывающуюся во внутренний карман любой куртки или жакета. Брат следом подарил мужское портмоне, скорее в насмешку, чем от души, но я не возражала. Удобно.

В общем, если взвесить плюсы и минусы, все не так плохо... Наверное.

Охранник на входе дотошно сверил мою мокрую персону с фоткой в паспорте, чему-то покривился и, заставив расписаться в толстенной тетради, отправил «направо, прямо, вверх, налево, направо, прямо, направо и до упора». Правда, пришлось еще ненадолго задержаться, когда рамка распищалась на наличие ключей в заднем кармане моих мокрых штанов. Подумаешь, забыла. Но въедливый служитель закона явно взял меня на заметку как потенциальную террористку.

Даже не знаю, радоваться ли такому рвению...

В областное бюро судебно-медицинской экспертизы я попала впервые. Вполне себе обычная больничка. Кирпично-серая снаружи, желто-белая внутри. Даже не верилось, что за этими совдеповскими дверьми проводятся супер-сложные лабораторные исследования. В том числе и магические. Мне говорили, что тут есть «наше» отделение, но к этой стороне профессии меня как-то не тянуло. И вряд ли когда-нибудь потянет, учитывая, что и к самой профессии я отношусь постольку-поскольку и мертвецов боюсь до обморока.

Ну вот, вспомнила.

Пока тряслась в автобусе, горевала о рубашке и мокла под дождем, все было нормально. А в этих гулких пустых коридорах все страхи ожили и мерзкими змеями завозились внутри, вызывая тошноту.

Решительно поджав губы, я ускорила шаг. Как там сказал охранник? Направо, прямо, вверх... А в фильмах морги всегда в подвалах. Никому нельзя верить. Налево, направо, прямо...

Внезапно оказавшись в просторном холле с диванчиками и огромными листьями в горшках, я слегка растерялась, ибо направо отсюда дороги не было. Благо, на одном из диванчиков обнаружился задумчивый дяденька в форме санитаря.

Я откашлялась:

– Простите.

Эхо моего голоса звонко отразилось от стен и потолка – даже я вздрогнула. А дяденьке хоть бы хны. Он лениво поднял голову и устремил на меня совершенно равнодушный взгляд.

– А где тут... ну... эта... – Нужное слово никак не находилось, так что я неуверенно закончила: – ...Для разделки трупов?

– Секционная, – услужливо подсказали за спиной.

Честное слово, я не специально. Просто очень-очень боюсь мертвецов и призраков. Знамо дело, в рукопашной ни одних, ни других не одолеть,

однако инстинкты оказались сильнее здравого смысла. Я развернулась и впечатала кулак в лицо стоявшего за спиной подсказчика быстрее, чем успела узнать голос. А когда от пронзившей руку боли разум прояснился, товарищ старший следователь Ржевский уже зажимал нос ладонью и что-то мычал.

– Простите! – Я ринулась было к нему, но майор резко выбросил перед собой руку.

– Стоять.

– Простите... я не хотела, правда. Я...

– Заблудилась? – Он наконец отнял от лица ладонь, убедился, что крови нет, и, кривясь, потрогал пальцами патрицианский нос. – Метко, но слабо. Ждешь нападения, практикантка Зеленцова?

– Нет. – Я бережно прижала к груди пострадавшую руку. – Просто неуютно тут...

– Да уж. С такими нервами в морге делать нечего. Хорошо хоть заклятем не пульнула, или что у вас там в арсенале. – Ржевский мгновение помолчал и вдруг подозрительно прищурился. – А сама с собой часто общаешься?

– В смысле? Я же... – Я обернулась к диванчикам, да так и замерла с открытым ртом.

Санитара нигде не было.

Для верности я еще покружилась вокруг своей оси, но холл оказался совершенно пуст.

– Но он же...

Язык пришлось прикусить. Что тут скажешь? Что незамеченным мимо нас он пройти не мог? Что мага я бы узнала? Или что призрак – по крайней мере те, что встречались мне – совсем не похожи на людей, потому не спутаешь?

И у кого же тогда я спрашивала дорогу в эту... как ее... секционную?

Тайна века.

Поджилки отчетливо затряслись.

– Простите, – в тысячный раз повторила я, угрюмо зыркнув на задумчивого майора и изо всех сил сдерживаясь, чтобы не начать нервно оглядываться. – Я сегодня не в форме.

– Вижу. – Он красноречиво осмотрел меня с ног до головы, не упуская ни единой детали. – С другом поспорила?

– Шефу не угодила, – вздохнула я. – Ведите уже на свое вскрытие.

– Ну, во-первых, на своем вскрытии я рассчитываю оказаться в чуть менее живом виде, – хмыкнул Ржевский. – А во-вторых, опоздала ты,

практикантка Магического управления, всех, кого надо, уже разделали.

– Правда? – Кажется, голос мой прозвучал чересчур радостно, потому как майор, не выдержав, рассмеялся.

– Ты в курсе, что это место работает шесть часов в день? Половину времени режут и изучают биологический материал, а вторую половину – пишут отчеты.

Я чуть было не позавидовала местным трудягам, но быстро вспомнила, о какой работе речь, и зябко передернула плечами.

– Так что теперь?

– Теперь? – Ржевский непроизвольно снова дотронулся до носа. – Ждем отчет.

Не успела я в очередной раз сглупить и выдать свое трусливое «Здесь?», как весь этаж вдруг накрыло пронзительным женским визгом – таким громким, что, клянусь, даже стекла в окнах дрогнули. Я так и не смогла определить источник звука, но майор уверенно устремился в тускло освещенную кишку коридора, и мне не осталось ничего другого, кроме как припустить следом. Торчать в холле, где бродят исчезающие санитары, я точно не собиралась.

Повторившийся вскоре визг привел нас напрямик к распахнутой белой двери, за которой обнаружилась... видимо, та самая секционная. Просторное помещение, кафельные стены и пол, в углах какие-то шкафы, а по центру – два металлических стола с раковинами в изголовьях. Чистых, без тел, крови и тому подобного, что не могло не радовать. И все б ничего, но над одним из столов висела и переливалась иссиня-черная клякса, не прибавляя мне желания войти внутрь.

– Твою же... – выругался рядом майор.

Полностью согласна.

Тихие всхлипы привлекли наше внимание к прижавшейся к стене хрупкой блондинке в голубом халате. Она пыталась бочком добраться до двери, но при каждом шевелении кляксы ноги несчастной подгибались, и она начинала сползать вниз, чтобы через секунду вновь выпрямиться.

Ржевский решительно подбежал к девице, сгреб ее в охапку и выволок в коридор. Я все это время одним глазом следила за кляксой, но та и не думала сдвигаться с места, будто чего-то ждала, и этим чем-то явно были не мы с майором.

– Вызывай магов, – велел он девушке и та, кивнув, унеслась прочь.

Везет же. И как жаль, что наша с начальством мысленная связь работает только на близком расстоянии, а то б я уже сигналы SOS насвистывала.

– Ну и что это за хренотень? – вполголоса поинтересовался Ржевский, замерев рядом со мной в дверном проеме.

А я попыталась вспомнить, что ему можно рассказать, а что нельзя. Все-таки как хорошо было раньше, когда я не общалась с людьми напрямую... И пусть норг сожрет идиотов-политиков, придумавших эти тайны мадридского двора вместо нормального взаимодействия.

– Это... м-м-м... – Ай, была не была. – Проклятье.

Майор помолчал.

– И чего оно тут... висит?

– Это проклятье на результат, – со вздохом пояснила я. – То есть, когда проклинаят не конкретного человека, а какую-то затею, предприятие в целом. Оно должно рушить планы, но никак не убивать. И если вдруг тот из участников, к кому первому прицепилось проклятье, умер...

– Оно перекидывается на другого? Ищет новую цель?

Умный какой.

– Да. По сути это сгусток магии. В нем вложенные знания проклинаящего и все воспоминания первого проклятого. Так что получившееся... существо почти разумно. Оно просчитывает варианты. Но я понятия не имею, почему оно вдруг стало видимым. И кого ждет...

– Ты с таким справишься? – деловито уточнил Ржевский.

Хотелось бы соврать, но волею шефа нам вроде как работать вместе. Точнее, мне делать вид, что работаю, и путаться под ногами, но сути это не меняет. Нельзя, чтобы излишняя вера в мои способности стоила майору жизни.

– Я... весьма слабый маг, – пробормотала я. – Вообще, справиться справлюсь, но потом неделю буду пустая.

Кажется, Ржевский не особо удивился или расстроился и вновь о чем-то задумался, впериw взгляд в кляксу.

При всей своей трусости сейчас я не особо боялась. Потому что будь целью я, все бы уже давно закончилось. Я бы и пикнуть не успела и уж точно не увидела бы проклятье во всей красе. Впрочем, ладно я. Почему его видят люди?

– Сказали... маги через минуту... – донесся откуда-то слева тихий голосок.

Мы с майором синхронно повернули головы и уставились на вернувшуюся санитарку.

– Ты чего здесь? – изумился он.

– А можно я быстро того... – девица неопределенно махнула рукой с зажатым в ней телефоном, – селфи сделаю. А то ж не поверит никто.

Загадочная женская душа. Минуту назад она визжала как резаная и на ногах устоять не могла, а теперь жаждет сфотаться с монстром.

– Ну-ка брысь отсюда! – не на шутку разозлился Ржевский и даже сделал угрожающий шаг в сторону санитарки.

Та ринулась прочь. И я бы даже посмеялась над нелепостью ситуации, кабы в этот миг что-то не разбудило проклятье. Клякса всколыхнулась, булькнула, сжалась в шар и вдруг резко раздулась и выпустила блестящие чернильные шипы, живо напомнив мне не то иглобрюха, не то бомбочку из игры «Сапер».

А может, и диковинную собаку, унюхавшую добычу.

Я по-прежнему не сомневалась, что это не мы с майором, но все же убраться с пути не помешало бы. Вот только атака проклятья оказалась неожиданно быстрой. Я только и успела, что отпихнуть в сторону Ржевского и всплеснуть руками – дальше сработали инстинкты. Когда черная гниль коснулась пальцев, а сердце замерло, сила сама хлынула наружу, без контроля и ограничений. Вся без остатка.

Помню, как иглобрюха охватило белое пламя, как адски жгло ладони, немели губы и почему-то чесался нос. Кто-то кричал. А потом меня отшвырнуло к стене, и мир померк.

* * *

Спине было холодно, а ногам – очень и очень тепло. Стараясь не потревожить дребезжащую как стекло голову, я чуть приподняла веки, порадовалась отсутствию яркого света и открыла глаза полностью. А увидев над собой шестиглазую операционную лампу – слава богу, выключенную, – как-то быстро сообразила, где лежу, и слетела с этого клятого стола для вскрытий со скоростью пули.

Уже ни головная боль не волновала, ни ватные конечности.

Мысли сталкивались и спутывались в клубок из невнятного: «Да как же?.. Что?.. Почему?.. Я же не?..»

И нет, я не умерла, иначе откуда бы взялось это состояние дикого похмелья?

Разумеется, ноги меня не удержали. И даже не столько из-за слабости, сколько из-за того, что обуви на них не было – лишь черные в желтую полоску шерстяные носки, которые нещадно скользили по кафелю.

Пару секунд поизображав бегемота на льду, я все же плюхнулась на задницу и, кажется, всхлипнула, потому что со всех сторон ко мне вдруг потянулись люди и маги. Перед глазами все поплыло, так что лиц я уже не видела, только размытые силуэты, зато голоса слышала отчетливо и сразу же узнала глубокий низкий тон судмедэксперта-байкера.

– Куда ж так спешить, – пожурил он и, подхватив меня под мышки, легко усадил обратно на стол. Я нервно дернулась, за что удостоилась укоряющего цоканья. – Да ничего с тобой на этом столе не сделают, посиди минуту, очухайся.

Похоже, выглядела я не слишком воодушевленной, ибо добрый доктор хохотнул и потрепал меня по плечу с заветным «ну-ну».

– О, всплыла, Зеленка? – раздался веселый голос охотника Махова.

– Зеленка? – переспросил за моей спиной Ржевский.

– Так точно, – подтвердил еще один охотник, Антадзе, и следом я услышала мерзкое хихиканье Рогожина. Они что, всем отделом прибыли? – Зеленка, потому что...

– ...Толку от меня, что от зеленки при огнестрельной ране, – закончила я, яростно моргая в надежде наконец прояснить зрение и увидеть эти наглые рожи.

– Ну почему же, – вклинился в разговор тот, кого я тут точно не ожидала услышать – Ковальчук собственной персоной. – Сегодня Софья Викторовна себя проявила... отличилась, так сказать, по полной.

Не знаю, кого шеф пытался обмануть, но от интонаций, с которыми он произнес слово «отличилась», щеки вдруг обдало жаром. А от снисходительных ноток в следующей фразе Рогожина захотелось сползти под стол и просидеть там до самой старости.

– Не ругай девочку, шеф, она ж целое проклятье уничтожила. Будет о чем внукам рассказать.

Ну не сволочь, а? Сам в последний раз тварь с изнанки уничтожал, когда еще пузо не наел, то есть в далекой-далекой юности.

Пелена с глаз наконец спала, и я узрела всех собравшихся. Шестерых охотников (и правда, почти весь отдел), одного пограничника (теперь понятно, как они так быстро явились, хорошо иметь ходячий телепорт под боком), Ковальчука (и даже не морщится и глаза не закатывает) и судмедэксперта (хоть одно дружелюбное лицо в толпе). Майор-не-поручик по-прежнему стоял за моей спиной, но оборачиваться я не стала, было как-то стыдно встречаться с ним взглядом.

Хотя что я такого сделала? Ну выжалась по дурости до отключки, ведь не просто же так. Зато его спасла от, может, и не смертельных, но весьма неприятных последствий.

И все же, все же... Стыдилась я, скорее, отношения ко мне окружающих.

Я уставилась на свои новообретенные полосатые носки – судя по размеру, прежде принадлежавшие доброму доктору – и стиснула руки на

коленях.

– Ладно, умирающий лебедь, вставай, отвезу тебя домой, – внезапно со скорбным вздохом объявил шеф, и я испуганно вскинула голову.

Чего это он?

– Я сам отвезу, – излишне резко сообщил Ржевский, и я, окончательно растерявшись, все-таки обернулась.

– Правда?

– Ну раз уж мы с тобой теперь напарники, – хмыкнул майор и одарил шефа таким красноречивым взглядом, что лично у меня никаких сомнений не осталось: все ужимки магов старший следователь видит насквозь.

Да и как тут не увидеть, коли в напарники подсовывают кого-то вроде меня? Пряма мастера интриг, куда деваться.

– Дело ваше, – пожал плечами Ковальчук. – Зеленцова, с утра на совещание, потом поступаешь в распоряжение майора. Истощение у тебя, конечно, сильное, но медицинского вмешательства не требует и работе не помешает. За пару дней восстановишься.

Ну это он загнул, пары дней мне явно не хватит, но спорить я не стала. Покорно кивнула и вновь уставилась на пчелиные носки, пока шеф и охотники, о чем-то тихо переговариваясь, покидали секционную.

– Хорошие у тебя коллеги, – фыркнул Ржевский.

– Фантастические, – подтвердила я.

– А я тебе тапочки приготовил, – вклинился судмедэксперт.

Я удивленно выпучила глаза, и он виновато улыбнулся:

– Обутки твои совсем размокли и развалились. Не в носках же по земле... Вот. – Мне протянули резиновые тапки размера эдак сорок шестого. Под стать носкам. – До машины дойти хватит.

– Я... спасибо... я верну... и... – От нежданной заботы абсолютно незнакомого человека в глазах защипало.

– Да прям, – отмахнулся здоровяк и будто бы даже смутился. – Уж этого добра у меня полно. – Затем помолчал немного, неловко переступил с ноги на ногу и вдруг затараторил: – Ладно, детки, у меня рабочий день уже два часа как закончился, дома семеро по лавкам, а я тут с вами торчу. Отчет завтра с утрачка, звиняйте, не поминайте лихом, поскакал, охранник вас выпустит.

Провожая взглядом широкую спину, я силилась осмыслить услышанное. Два часа... и если рабочий день тут с девяти до трех, то... Глянув на настенные часы, я удивленно распахнула рот. Почти половина шестого!

Это ж сколько я провалялась? И если охотники прибыли почти сразу,

то зачем задержались так надолго? Ни за что не поверю, будто они ждали моего пробуждения.

– Нам было чем заняться, – сказал Ржевский, словно прочитав мои мысли. – Маги твои какие-то замеры делали, я свидетельницу опросил, с экспертом побеседовал. Это только кажется, что все быстро.

– И что выяснили? – отрешенно спросила я. Такие провалы во времени кого угодно собьют с толку. – Проклятье как-то связано с нашим делом?

И вот тогда до меня дошло, что о «нашем деле» я не знаю ничего от слова «совсем». Ладно, покойнику считали память, это мы в курсе. Подробности вскрытия завтра в отчете. Но как его звали? Чем занимался? Враги и возможные мотивы? Родственники в пределах города? Seriously, что я собралась расследовать? Уже целый день «напарник», и почти все время провела без сознания.

– Черт, я и о деле-то нифига не знаю, – вслух покаялась я.

– Успеется, – отмахнулся поручик. – Мне только в обед подтвердили личность. Дом убитому не принадлежал, никаких связей с хозяевами нет, документов на месте не нашли, так что пришлось повозиться. Утром будет как отчет эксперта, так и выписка по банковской карте, и начнем. Вольешься по ходу.

И чего он такой добренький? Ну не дурак же.

– Мне... – Я осеклась.

Понятия не имею, что хотела сказать. Мне искренне жаль? Мне не хватило храбрости послать шефа подальше? Мне не хватит сил, чтобы прикрыть тебе спину, так что покрепче держись за ствол? Кстати, а оружие у него есть? Что-то не замечала...

– Идем, – прервал мои терзания Ржевский. – Все важное завтра.

Действительно. Сегодня я уже ни на что не способна.

* * *

До машины поручик меня буквально тащил, ибо носков и тапочек оказалось мало, чтобы мои ноги соизволили нормально функционировать. Кстати, охранник при виде нас срочно схватился за телефон – никак ФСБ у него на быстром наборе, – но, нервно прижимая трубку к уху, двери все же открыл.

Меня молча выволокли на улицу, водрузили на переднее пассажирское и даже помогли пристегнуться. Пока Ржевский обходил черный седан – марку я не признала, – я опустила козырек, чтобы полюбоваться на свое отражение. Но крохотное зеркальце тут же заполонили нечесанные рыжие кудри, и я испуганно захлопнула этот ужас.

Лучше не представлять, как выгляжу, и так нервы ни к черту. Впрочем,

образ взъерошенного одувана так и так возник в голове.

Ехали по какому-то незнакомому мне маршруту – наверное, в объезд вечерних пробок, – и первые минут пятнадцать после того, как я назвала адрес, молчали. А потом поручик вдруг резко вынул что-то из кармана и протянул мне, не отрывая взгляда от дороги. Я автоматически подставила ладонь, куда упал мой скромный гвоздик с зеленым блестящим камешком.

– Спасибо, – невольно улыбнулась я.

– Не за что.

– Майор, а...

– Ян.

– Что?

– Меня зовут Ян... напарница.

– А я Соня.

– Уж помню, – хмыкнул Ржевский. То есть, Ян.

– По поводу напарницы... – Я замялась, прокашлялась и продолжила: – Я честно постараюсь не мешать. Вы... ты же понимаешь, как у нас все, и...

– Ты не помешаешь, – оборвал он. – Даже поможешь.

– Да?

– Да. Слушай, давай начистоту. Я ненавижу игры, пусть этим политики страдают. Я следователь и, смею надеяться, хороший. И прекрасно понимаю, что мне особо нечего противопоставить магам. Обычно. Но в этот раз они сами себя перемудрили. Вручили мне козырь. Тебя.

– Меня?

Неприкрытое удивление в моем голосе его рассмешило.

– Да, тебя. Может, во всяких вуду-юду ты не сильна, зато знаешь матчасть. И видишь всякое, что мне недоступно. Я ж заметил. Лучшего консультанта не найти. Поможешь, и мы с тобой в легкую утрем нос этим твоим... коллегам. Тогда и посмотрим, от кого толку как от зеленки.

Меня что, пытаются защитить от своих же? Я даже слегка подвисла, а Ян понял мое молчание по-своему.

– Или тебе дали четкие инструкции мне мешать?

– Нет, что ты, – быстро выпалила я. – Шеф просто назначил меня представителем управления в этом деле. Никаких инструкций!

– Ну если ты не считаешь добросовестное расследование убийства предательством своего сообщества... – Он не закончил, давая мне время решить, а я всерьез задумалась.

А предательство ли это? Я ведь не нарушу никаких приказов. Да, выдаваемую майору информацию придется дозировать, но по мелочи-то я

могу ему помогать? Те же сведения о проклятии оказались никакими не секретными – вон даже охотники при людях открыто об этом болтали. Надо просто освежить в памяти универские лекции, и все.

Я широко улыбнулась:

– Не считаю. Кое-кому...

«...утертый нос не повредит», – вот, что я собиралась сказать. Не успела.

Слова застряли в горле, когда на дороге перед нами внезапно вспыхнуло очень знакомое, а оттого еще более пугающее небесно-голубое кольцо портала, и как Ян ни жал на тормоз, машина все равно благополучно в него влетела.

Остановились мы уже по ту сторону. Прямоком на пустыре за новостройкой, в которой я жила. Экспресс-доставка.

Ян сидел, крепко вцепившись обеими руками в руль, и не мигая глядел перед собой.

– Что за?..

– Это... все хорошо. Я разберусь, – пробормотала я, неловко отстегивая ремень, хотя, если честно, слабо представляла, как буду разбираться.

Но когда я вывалилась из машины, водительская дверь тоже распахнулась, и на улицу уверенно выбрался Ян. Кажется, мое «я разберусь» его не впечатлило.

– Ну и кого винить за твое полумертвое состояние? Его?

Я на секунду зажмурилась и только потом обернулась на голос.

Плюс: в кои-то веки она винит кого-то помимо меня.

Минус: в *таком* виде я перед бабушкой еще не представала.

Глава 5

– Побудь здесь. Если там не опасно, я свистну.

– А если опасно?

– Заору.

(с) Терри Пратчетт

При общении с представителем старшего поколения Зеленцовых действуют почти те же правила, что и при встрече с лосем в дикой природе. Для начала, думаю, лучше в принципе не попадаться ему на пути. Но коли уж вас подвело везение или здравый смысл, то вариант только один: замереть, ни в коем случае не делать резких движений и не пытаться убежать – бесполезно.

Бабуля, конечно, не сохатый, следом не кинется, но пнуть что-

нибудь вдогонку может. Или найдет позже, и тогда уж точно мало не покажется...

А главное – не ведитесь на эту невинную внешность: милейший пучок седых волос, круглые очочки и чуть приподнятые в вечной улыбке уголки губ. Бабуля очень тщательно подбирала свой нынешний образ, разрываясь между двумя вариантами, и с тем же успехом могла остановиться на черном парике, развевающимся плаще и кроваво-алой помаде, что, по моему, было бы гораздо честнее по отношению к окружающим.

И нет, я не преувеличиваю, не драматизирую и не демонизирую дражайшую родственницу. Я ее, вообще-то, люблю едва ли не сильнее, чем родителей, боюсь почти так же, как призраков, и безмерно уважаю, а потому я объективна, как никто.

Итак, картина маслом: я – в перепачканной мятой одежде, пчелиных вязаных носках и резиновых тапочках и с прической а-ля «одуванчик полевой»; бабуля – с неизменной улыбкой и в белоснежном брючном костюме посреди грязного пустыря, и поручик Ржевский, задумчиво сдвинувший брови и застывший в несколько нелепой позе, с одной ногой на улице, а другой – в машине, потому что кое-кто (не будем показывать пальцем) обездвигил его заклинанием.

Смеркалось.

– Я слушаю, – все тем же «ласковым» тоном произнесла бабушка, пока я боролась с желанием запрыгнуть обратно в салон автомобиля и запереть дверь.

– Ба-а-а... зачем ты его так?..

– А ты хочешь, чтобы он стал свидетелем нашей беседы? – деловито уточнила она.

– Нет. Нет, просто...

– Ну и чудненько. Мальчик милый, но пустой, а я слишком устала, чтобы следить за каждым своим словом.

– Как порталами направо и налево светить, так не устала, – буркнула я.

– Что-что?

Казалось бы, шесть букв, а у меня аж внутренности свело, но, раз уж начала, отступить нельзя – сожрут с потрохами.

– Портал, говорю, почему не скрыла?

– Как это, не скрыла? – нахмурилась бабуля и сделала несколько затейливых пасов руками. – Все скрыла, что ж я, совсем уже что ли...

– Не знаю. – Я наконец отлепилась от машины и обхватила себя за плечи, не решаясь подойти ближе. – Майор его видел, пытался затормозить. И остальные на проспекте тоже, я слышала визг шин и крики. Может, и

авария была, но мы уже сюда вылетели.

Бабуля вперила в меня суровый взгляд, явно пытаюсь определить, а не вру ли я в надежде увильнуть от разговора. Но то ли я сегодня оказалась какой-то нечитаемой, то ли она не поверила собственным глазам, потому что после напряженной минутной паузы из строгого черного клатча на свет появился белый телефон, и бабушка не по годам проворно заскользила пальцами по сенсорному экрану.

– Ало, Володя? Да... да, здесь. Точно? Хм... Жертвы? Ну и славно. Нет, не нужно. Конечно. Разберемся.

Из этой краткой беседы я сделала два вывода: во-первых, любимый дядюшка тоже в городе, и во-вторых, авария таки случилась, потому что бабушка нахмурилась еще сильнее и даже мимолетно прикусила губу – жест крайне редкий и в полной мере демонстрирующий ее растрепанные чувства.

Что же творится в этом безумном, безумном мире?

Что-то для себя решив, бабуля кивнула:

– Ладно, идем. Обсудим все в квартире. – И развернувшись, поплыла к моей высотке, будто и не касаясь ступнями грязной неровной земли.

И это на каблуках. Я даже в тапочках буду тут запинаться через шаг.

Для справки: моей бабушке семьдесят четыре года, выглядит она на двадцать лет моложе, а соображает порезвее современных подростков.

Вот только сейчас упустила одну весьма значительную деталь.

– А как же майор? – Я растерянно уставилась на живое изваяние по другую сторону машины.

Бабуля оглянулась через плечо:

– Подправят память и отвезут домой.

– Нет!

Не знаю, какой бес в меня вселился, но подобное обращение с человеком, пять минут назад предложившим мне шанс поквитаться с обидчиками, показалось верхом несправедливости.

Коррекция памяти на самом деле не так страшна. В глубинные слои никто вмешиваться не станет, это все же уголовное, а чуть изменить события последнего получаса... на Ржевском это никак не скажется. Уверена, всех остальных свидетелей явления портала ждет примерно то же самое, только в меньших масштабах.

И все-таки... мерзко вот так предавать того, кто единственный за долгое время отнесся к тебе по-человечески. Играть с его воспоминаниями. И да, я не желала, чтобы он забыл наш разговор в машине. Ян был открыт и откровенен, и я хотела по возможности ответить тем же.

– Что? – Бабушка медленно развернулась.

– Нет, – повторила я, правда уже не так громко и отважно. Еще чуть-чуть, и начну бляеть. – Разбуди его. Скажу, что ты использовала артефакт. Он все равно ничего в этом не понимает и выпытывать или болтать не станет.

– Даже так, – задумчиво протянула бабуля и скрестила руки на груди. – Что ж, дело царское. Прошу...

Когда я вновь посмотрела на Яна, он уже стоял обеими ногами на улице и хмуро озирался. Зацепился взглядом за меня, потом заметил в отдалении бабулю и удивленно приподнял бровь.

– Магия не так всемогуща, как вам годами внушали авторы сказок, – процитировал он первую строчку из обращения высших к простым смертным десятилетней давности.

Тушэ.

Я криво улыбнулась:

– Бабушка в гости приехала, очень торопилась меня увидеть.

Бровь Яна поползла еще выше.

– Бабушка?

А вот это правильный ход. Заслышав удивление в его голосе и оценив неверящий взгляд, бабуля довольно приосанилась и даже не стала вмешиваться в наш разговор.

Ну, по крайней мере сразу.

– Ага. У нее артефакт есть и... в общем, ты сейчас возле моего дома. – Я развела руками.

– Что ж, значит, миссия выполнена, – усмехнулся Ян.

– Да. Спасибо.

– Пожалуйста. Мы же?..

– В Брагино, да.

– А Ленинградский?..

– Вот там. – Я указала в сторону нужного проспекта, испытывая легкую нервозность.

Несмотря на мои заверения, что майор ничего выпытывать не станет... кто его знает? Уж точно не я после одного дня знакомства.

– Не желаете ли выпить чаю, молодой человек? – все-таки не удержалась бабуля и так... красноречиво на меня зыркнула.

– Простите, – пробормотала я. – Бабушка, старший следователь Ржевский. Ян, а это моя бабушка, Вероника Михайловна.

Бабуля величественно кивнула, Ян улыбнулся и совершенно спокойно произнес:

– Очень приятно.

А я глубоко задумалась.

Бабуля пугала всех – от родных детей до оппонентов на каком-нибудь сборище магов, и неспроста. Так действовала огромная мощь, сокрытая в хрупком теле. Действовала не сама по себе, конечно, а по наущению хозяйки, так что, можно сказать, Вероника Михайловна Зеленцова намеренно вызывала в окружающих священный трепет. Дед рассказывал, мол, в юности она была очень милой и нежной барышней, но, когда настал час пробивать себе дорогу в магической среде, быстро наловчилась пользоваться внутренней силой и вскоре так привыкла к этому образу, что не смогла отделаться от него даже в семейной жизни.

Мы, близкие и любимые, понимали, что трясущиеся при разговоре с бабушкой поджилки отнюдь не означают скорой расправы, такова уж природа ее магии. Мы научились бороться со своим страхом и местами даже давать отпор. Но посторонний, не осведомленный, а тем более не одаренный... просто человек еще никогда вот так равнодушно не отвечал на бабулин кивок «очень приятно». Разве что «оч-ч-ч-чень п-п-прият-тно, гд-де здесь т-туалет?».

В общем, поручик в который раз меня поразил. А вот бабушку, кажется, нисколько. Она только хитро ухмыльнулась и еще раз кивнула – на сей раз мне. Одобрительно.

– За предложение спасибо, – продолжил Ян, – но мне нужно ехать, а Соне – отдохнуть. Рад, что есть кому о ней позаботиться.

И вот так нагло меня подставив, он попрощался, забрался в машину и медленно покотил через неровный пустырь к дороге.

– Милый мальчик, – повторила бабуля, пока мы провожали седан взглядами. – И хорошо, что пустой. С такой натурой да при силе... мы б у него по струнке вышагивали.

– Какой натурой? – не поняла я.

Она неопределенно передернула плечами:

– Такой. – И вновь поплыла к дому, даже не сомневаясь, что я двинусь следом. – Идем уже. Чую, разговор будет долгим и насыщенным.

* * *

Вероника Михайловна покинула мою квартиру за полночь, выжав из меня все подробности не то что сегодняшнего дня – всего последнего месяца! Особой памятью я никогда не отличалась, так что местами путалась и по десять раз меняла показания, а кое-какие вечера и вовсе не смогла внятно описать. Кажется, опираясь на эту частичную амнезию, бабушка заподозрила меня в злоупотреблении алкоголем.

Кто ж знал, что нужно каждый свой шаг посекундно фиксировать...

А главное – зачем?

Она мельком упомянула какую-то прапрабабку – феноменальную провидицу, от которой всем Зеленцовым (ну, всем, кроме меня, очевидно) перепала капля дара. Сама бабуля лишь вышла замуж за Зеленцова, так что ничего не почувствовала, но остальные всполошились. Клан уверен – назревает нечто серьезное. Здесь, в Ярославле. И я в эпицентре. И так как ничего не происходит с бухты-барахты, значит, я уже должна была заметить неладное. Какие-то знаки, странности, намеки... По их мнению, такое всегда бросается в глаза.

Вот только я, в очередной раз подтвердив свою ущербность и бесполезность, ни черта не заметила. Моя способность вляпываться на ровном месте не считается, ибо это врожденное.

Конечно, вслух я такого говорить не стала и старательно описала бабуле свои однообразно неудачные будни и выходные в надежде, что хоть она выловит из этого потока сознания какую-нибудь донельзя важную информацию.

Бабуля внимала и выпытывала, выпытывала и внимала, и хотя я далеко не спец в чтении лиц – особенно этого конкретного лица, – вряд ли она услышала что-то мало-мальски интересное. Вчерашнее убийство ее поначалу зацепило, но так как в «открытое расследование» я влипла по чистой случайности, в итоге это сочли досадным совпадением.

Наверное.

А может, завтра бабуля, словно заядлый Пинкертон, пойдет по следу.

Самое обидное, что, даже узнав о моем магическом истощении, жестокая женщина не сжалилась и не отпустила меня отдышаться, а продолжила допрос с двойным усердием.

В общем, спраживала я ее с внутренними фанфарами. А еще к тому времени так устала, что даже не подумала задавать собственные вопросы: кто из семьи еще в городе, какие у них планы, чем это грозит мне... Вряд ли бабуля бы вот так сходу ответила, а бороться одновременно с напором ее магической мощи и собственной слабостью я уже не могла.

Мне едва хватило сил удивиться ее последнему высказыванию.

– Передай Дашке, что от меня может не прятаться. А вот у Лондона к ней большие претензии.

За сим бабушка наконец-то – наконец-то! – благополучно удалилась, а я добрела до спальни и рухнула на кровать, кажется, вырубившись еще в полете.

* * *

Одна из подлостей жизни: ложишься спать вымотанная в твердой уверенности, что подрыхнешь минимум сутки, а просыпаешься посреди ночи все с той же усталостью, но сна ни в одном глазу.

Посмотрев на часы, бессердечно демонстрировавшие двадцать минут четвертого, я вновь зажмурилась и попыталась заставить себя отключиться. Тщетно.

Впустую убив еще полчаса, я наконец соскреблась с кровати и отправилась в путешествие по квартире: зал – включить компьютер и музыку, кухня – поставить вариться кофе, туалет и ванная – думаю, тут подробности излишни. И только уже закутываясь в полотенце после душа, я осознала, что не так.

Дашка не пришла ночевать.

Пугаться и нервничать я не спешила. Во-первых, зараза уверяла меня, что никуда не собирается, но свалила – значит, скорее всего, действительно банально пряталась от бабули, как та и предположила. Во-вторых, Дашка хоть и с прибабахом, но особа очень даже самостоятельная. Не дождавшись, когда предводительница клана отчалит, она наверняка сняла где-нибудь номер или, простите, мужика. Не то чтобы сестрица часто этим грешит, но при необходимости обеспечить себе место для ночлега сумеет. Ну и в-третьих, что самое главное... она обещала разузнать, кто еще из родни прибыл в Ярославль. Вполне вероятно, эта самая родня взяла ее в плен, то есть пригласила в гости.

Так что, как видите, причин для беспокойства нет. А вот чтобы воспользоваться поисковиком – очень даже. Должна же я узнать, что такого натворила Дашка в Лондоне.

Долго искать не пришлось. Магсеть просто кишела статьями, постами и видеозаписями об одном грандиозном в своей нелепости событии, да и в обычный человеческий интернет кое-что просочилось. Еще бы – весьма сложно скрыть от общественности внезапное превращение в жаб целое семейство британских аристократов и их приближенных. И нет, напрямую сестрица нигде не упоминалась, но догадаться несложно. Фамилию ее жениха – видимо, теперь уже бывшего – я помнила. Да и за проступки Дашка всегда наказывала с... фантазией и размахом. Похоже, проштрафился этот граф знатно. Не удивлюсь, если расколдовывать его пришлось поцелуем и наверняка непростым... Про остальных не в курсе, сложно судить, не зная контекста и степени вины каждого.

Так или иначе, день задался. Хихикая, я налила себе кофе и уже приготовилась провести ленивое утро на диване с книжкой, когда неожиданно ожил телефон. Причем номер на экране высветился

незнакомый, и я напряглась. Хорошее настроение сдуло подчистую.

– Да? – ответила настороженно.

– Если честно, не ожидал, что не спишь, – отозвалась трубка голосом поручика Ржевского. – Готова поработать?

– О... конечно, – отмерла я после небольшой паузы.

Интересно, у них все следователи приступают к трудовым подвигам в такую рань?

– Я б не беспокоил, но ситуация особая. Тебе знаком магазинчик «До рассвета»?

– Да.

Я нахмурилась, уже примерно представляя, зачем он позвонил. Упомянутую лавку магических зелий и редкостей от других подобных местечек, коих в нашем городе немало, отличает два ключевых момента.

Начать с того, что если остальные торгаши не брезгают наживаться на людях-зеваках, продавая им безобидные безделушки под видом таинственных артефактов и такие же бесполезные травяные настойки, то в «До рассвета» порядок совсем иной. Без сопровождения мага простой человек не то что туда войти не сможет – даже дверь не отыщет. Да и с сопровождением ему будет крайне сложно что-нибудь приобрести.

Ну а второй момент: лавка действительно открывается, едва солнце укатывает за горизонт, и работает исключительно до рассвета. С первыми лучами – хоть застучись, никто не ответит. Представляю, что за мысли лезут в голову людей, впервые об этом услышавших, но нет, хозяин магазина не вампир, их вообще не существует.

В отличие от других, не менее интересных... существ.

– Убитый часто туда наведывался? – догадалась я.

– Часто – не часто, но за пару дней до смерти потратил там без малого сорок тысяч.

Я невольно присвистнула.

Нет, в таких лавчонках есть товары и подороже, вот только все они... специфические. Кем же был наш труп при жизни? Впрочем, может, он набрал много-много мелочевки, кто знает.

Я посмотрела на часы – большая стрелка уже перевалила за пятерку. Сентябрь, светает сейчас где-то в половине седьмого, значит, времени в обрез. Одно хорошо – магазин расположен в моем районе, и пока Ян катится до Брагино, я успею высушить волосы и одеться.

– Буду готова через двадцать минут, – сказала я, уже доставая с полки фен.

– Сразу и выходи, – усмехнулся Ян, – подъеду через пять.

То есть, он притащился на другой конец города, даже не зная, найдет ли мага, чтобы попасть в лавку?

– А если б я не взяла трубку? Если б спала? – ехидно уточнила я.

– Бросал бы камешки в окошко и пел серенады, – совершенно серьезным тоном ответил Ян.

– А если б...

– Собирайся, – наглым образом оборвали полет моей фантазии. – Я готов ждать не больше пятнадцати минут.

– Без меня магазин все равно не найдешь, – буркнула я и нажала отбой.

Но, несмотря на легкую обиду, на лице сама собой расцвела улыбка.

Плюс: я наконец-то в деле!

Минус: днем наверняка буду клевать носом.

гла– Да.

Я нахмурилась, уже примерно представляя, зачем он позвонил. Упомянутую лавку магических зелий и редкостей от других подобных местечек, коих в нашем городе немало, отличает два ключевых момента.

Начать с того, что если остальные торгаши не брезгают наживать на людях-зеваках, продавая им безобидные безделушки под видом таинственных артефактов и такие же бесполезные травяные настойки, то в «До рассвета» порядок совсем иной. Без сопровождения мага простой человек не то что туда войти не сможет – даже дверь не отыщет. Да и с сопровождением ему будет крайне сложно что-нибудь приобрести.

Ну а второй момент: лавка действительно открывается, едва солнце укатывает за горизонт, и работает исключительно до рассвета. С первыми лучами – хоть застучись, никто не ответит. Представляю, что за мысли лезут в голову людей, впервые об этом услышавших, но нет, хозяин магазина не вампир, их вообще не существует.

В отличие от других, не менее интересных... существ.

– Убитый часто туда наведывался? – догадалась я.

– Часто – не часто, но за пару дней до смерти потратил там без малого сорок тысяч.

Я невольно присвистнула.

Нет, в таких лавчонках есть товары и подороже, вот только все они... специфические. Кем же был наш труп при жизни? Впрочем, может, он набрал много-много мелочевки, кто знает.

Я посмотрела на часы – большая стрелка уже перевалила за пятерку. Сентябрь, светает сейчас где-то в половине седьмого, значит, времени в

обрез. Одно хорошо – магазин расположен в моем районе, и пока Ян катится до Брагино, я успею высушить волосы и одеться.

– Буду готова через двадцать минут, – сказала я, уже доставая с полки фен.

– Сразу и выходи, – усмехнулся Ян, – подъеду через пять.

То есть, он притащился на другой конец города, даже не зная, найдет ли мага, чтобы попасть в лавку?

– А если б я не взяла трубку? Если б спала? – ехидно уточнила я.

– Бросал бы камешки в окошко и пел серенады, – совершенно серьезным тоном ответил Ян.

– А если б...

– Собирайся, – наглым образом оборвали полет моей фантазии. – Я готов ждать не больше пятнадцати минут.

– Без меня магазин все равно не найдешь, – буркнула я и нажала отбой.

Но, несмотря на легкую обиду, на лице сама собой расцвела улыбка.

Плюс: я наконец-то в деле!

Минус: днем наверняка буду клевать носом.

Глава 6

Зло, как правило, не дремлет и, соответственно, плохо понимает, почему вообще кто-то должен спать.

(с) Терри Пратчетт, Нил Гейман

Майор-поручик Ржевский оказался до отвращения аккуратным водителем.

В прошлый раз я этого как-то не заметила – состояние не располагало, да и бабулин портал знатно сократил наше совместное путешествие. А вот сегодня, почти выспавшаяся и безусловно бодрая, я тихонько зверела, когда Ян послушно следовал всем ограничителям скорости и тормозил на мигающий зеленый. И это на пустых предрассветных дорогах!

Впрочем, высказывать свое возмущение я не торопилась. Слишком плохо мы пока друг друга знали.

– Ты всегда так... нетороплив за рулем? – осторожно поинтересовалась я, постаравшись, чтобы в голосе не отразилась злость или насмешка.

– Ехать недалеко, торопиться некуда, – философски изрек Ржевский.

– А если, допустим, срочный вызов? – не унималась я.

– Мои клиенты обычно не против подождать минуту-другую.

И то верно.

– Кстати о клиентах, – решила я сменить тему. – Что насчет последнего? Я ж ничего не знаю.

– Знать особо нечего...

Как выяснилось, убитый был не местным. Точнее, родился и окончил школу как раз в Ярославле, но затем на кой-то черт перебрался в Иваново – никак здесь невесту не нашел. Там и проживал последние двенадцать лет, торгуя техникой. Десять лет назад, когда ввели обязательную регистрацию магов, отметился как среднего пошиба бытовик и с тех пор сидел тише воды, ниже травы. Что заставило обычного продавца-консультанта вернуться на малую родину – неизвестно. Родственников у него здесь не осталось: родители умерли, старшая сестра проживает в столице и братца не видела давным-давно. Бесчувственная стерва даже с телом возиться не пожелала, так что хоронить бедолагу будет государство. Когда раскроем дело, разумеется.

В общем, биография жертвы только добавляла вопросов. К примеру, откуда у него такие деньги на магические побрякушки? Да и зачем за ними надо было ехать аж за сто с лишним километров? Иваново, конечно, не мегаполис, но и там имеются подобные лавочки, а в век интернета вообще можно заказать что угодно откуда угодно. Ну и самое главное: где он жил целый месяц после приезда в город и до того, как решил вломиться в дом пары пенсионеров, отдыхающих в жарких странах, и поселиться там? А он именно что вломился и поселился – криминалисты подтвердили, несколько дней в чужом доме обитал. И там же встретил свою смерть. Супруги Филимоновы крайне удивились, когда им по телефону сообщили о неучтенном постояльце.

Короче, все страньше и страньше. Я бы предположила, что неприятности паренек заимел по месту прописки, попытался сбежать, но его настигли, а значит, надо бы связаться со следователями из Иваново, чтоб начинали копать у себя. Коллеги, друзья, подружка, соседи...

Но оказалось, я не одна такая умная.

– Там уже все проверили, – завершил свой рассказ Ян. – Жил как монах. Соседям кивал, коллегам улыбался, ни с кем не сблизился. С работы домой, из дома на работу. Все.

– А в сети?

– Что в сети?

– Активность проверили? Бытовики почти все мизантропы и обычно те еще гики. Наверняка либо в игрушки резался, либо вел активную жизнь сетевого тролля.

Он нахмурился и притормозил на очередном светофоре:

– У него дома компьютера не было. Даже интернет не проведен.

– Значит, был модем с симкой или типа того. – Я пожала плечами. – И ноут, который он взял с собой. Не проживет бытовик без сети, поверь. Они обычно с ног до головы гаджетами обвешаны, чтоб людям в глаза не смотреть, а вы при нем даже телефона не нашли. Так что нужно его местное логово.

– Это я и так знаю, – пробормотал Ян. – Проклятье, и чего ему в Иваново не сиделось...

На этот вопрос, увы, я ответить не могла.

– А что по вскрытию? – спросила, не особо рассчитывая на что-то новенькое. Версия с неудавшейся попыткой прочитать воспоминания вполне себе годная...

– Его отравили.

– Seriously? – Я даже рот от удивления приоткрыла.

– Ага. Егор не был уверен, но ваши маги подтвердили. Какой-то алмианой...

– Вот же... кажется, я знаю, что убитый покупал в лавке. – Поручик недоумевающе вскинул бровь, а я лишь ухмыльнулась. – Тормози у той обочины, приехали, сейчас и сам поймешь. Считаю, мы почти раскрыли дело. А ведь предчувствие тебя не подвело...

Ну вот когда я научусь вовремя затыкаться? Ян, конечно, не дернулся, не отвел глаз от дороги, дабы на меня попятиться – что вы, для этого он слишком дисциплинирован. Он спокойно припарковался в указанном месте, заглушил двигатель и повернул ко мне каменное лицо.

– В смысле?

Вот тебе и в смысле. Как теперь объяснить, откуда мне известно то, о чем он говорил наедине с судмедэкспертом?

– Ну ты ведь не просто так обычное вскрытие заказал, когда нашли следы магического вмешательства, – неуверенно проямлила я.

– Ага.

Кажется, допрашивать меня не будут, хотя в подозрительные личности явно уже записали.

Ян потянулся было к двери, но вновь посмотрел на меня:

– Мне нужно что-то знать об этом месте, прежде чем мы войдем?

И вдруг так захотелось сгладить собственную оплошность, раскрыв какую-нибудь нашу тайну, что я даже рот распахнула, но в итоге не выдала ничего особенного:

– Хозяин не очень дружелюбен.

Правильно. Подумаешь, лягнула ерунду, что ж теперь, сразу всю

подноготную магов выбалтывать? Нет, я лучше информацию приберегу на потом. Вот когда облажаюсь по крупному – а облажаюсь я всенепременно, – тогда и начну секретами фирмы делиться.

– А дружелюбного продавца он нанять не может? – пробормотал поручик, наконец выбираясь из машины.

– В таких лавках всегда торгуют сами владельцы, разве что изредка помощников берут. Товар специфический.

Ну а еще конкретно этот владелец с выдающимся именем Чпок Ульрих Демидович и прозвищем Чудик вообще мог терпеть живых существ в непосредственной от себя близости не более получаса. Потом начиналось кровопролитие.

Если по-хорошему, Чудик не виноват. Наследственность не выбирают. А ему посчастливилось оказаться потомком одного из Изгоев – магов-экспериментаторов, лет сто назад промышлявших запрещенными ритуалами. Точнее, тогда эти ритуалы еще никто не запретил, но проводить их разумно опасались. Почти все, кроме горстки идиотов.

Итак, некие студиозусы решили, что обычных магических способностей им мало, и возжелали себе всего-всего да побольше. Скажем, силу тролля, глаза василиска, крылья кого-нибудь из летающих или еще какую-нибудь прелесть. О том, что их тела для этого просто не приспособлены, никто не подумал. В результате сообщество получило несколько загубленных тварей и пятерых (из десяти изначальных) свихнувшихся магов. Ритуалы быстренько запретили, магов подлечили и отправили доживать их жалкие жизни в изгнании, но те умудрились еще и устойчивое потомство оставить, которое разбрелось по земле-матушке да расплодилось пуще прежнего. И вот в этих-то потомках порой и просыпаются последствия древнего колдовства...

Упомянутому Ульриху Демидовичу Чпоку еще повезло. Он всего лишь подвержен приступам ярости и на солнце превращается в камень, оттого и ведет исключительно ночной образ жизни. А вот со мной один парень учился – так его предок с драконами баловался. Но в наследство оставил не крылья, а огненное дыхание. Не самая приятная штука, особенно, когда не умеешь ею пользоваться.

Проявиться эти способности могут на какой угодно побочной ветке и через множество поколений, так что проследить тенденцию уже никто не пытается. Хотя изучать потомков пробуют, что не прибавляет им дружелюбия.

Наверное, правильно я не стала объяснять все это Ржевскому. Больше получаса мы в лавке все равно не пробудем – хозяин сам выставит, – а все

остальное лишь добавило бы ему головной боли.

Мысленно кивнув, я выбралась из машины и шагнула было к Яну, чтобы взять его за руку и сопроводить к невидимому для него крыльцу, но поручик и сам сориентировался. Без всякой посторонней помощи он уже бодренько поднимался по чуть подсвеченным ступенькам, над которыми в окружении разноцветных лампочек красовалась мрачно-готичная покосившаяся вывеска «До рассвета». Кажется, Чудик ее с начала века не менял.

Какого?..

– Стой!

Ян замер и оглянулся:

– Что такое?

– Ты видишь крыльцо? Вывеску? Дверь?

– Ну да. – Он помолчал. – А не должен?

– Вообще-то нет, но с этим мы потом разберемся. – Я припустила к лестнице. – Лучше я первая зайду, не будем напрягать хозяина.

* * *

Хозяин все равно напрягся, но тут уж я ни при чем. Видимо, просто настроение у него сегодня было неважное, так что, даже вопли в эти двери сама королева Англии, к которой Чудик питает необъяснимую и неистребимую любовь, вряд ли бы и ее ждал теплый прием.

– Чего надо? – обрушилось на нас вместо приветствия, стоило стихнуть колокольчику над дверью.

Я шагнула в сторону, пропуская вперед Яна, и мы замерли, так как идти в этой душной квадратной комнатухе особо некуда. Слева и справа – стеллажи со склянками, не дай бог заденешь и разобьешь. А прямо – заваленный всякой всячиной прилавок, из-под которого и доносился голос Чудика. Говорят, все самое интересное он прячет как раз в тайнике под полом, но наверняка этого никому не дано узнать. Зато я почти на сто процентов уверена, что столь тесное помещение для магазина он выбрал специально – дабы никто лишний раз не задерживался.

– И тебе не хворать, Ульрих. На пару вопросов ответишь?

Резину тянуть не стоило. Во-первых, рассвет скоро. Во-вторых, я и сама не особо жаждала компании бешеного не-до-тролля и с радостью бы провела это утро где-нибудь в другом месте.

– С чего мне на твои вопросы отвечать, Зеленка? – пробасил Чудик и наконец распрямился, явив нам свой ясный лик.

Надо сказать, умеет он произвести неизгладимое впечатление. Даже поручик на миг потерял самообладание и очень некрасиво выпучил глаза.

Однако быстро взял себя в руки, прокашлялся и представился:

– Старший следователь Ржевский. Следственный отдел по Заволжскому району. Нам ну...

– Районом ошибся, Ржевский, – перебил Чудик, почесывая волосатой ладонью череп, вытатуированный на бритой голове. – Еще минуту назад Заволжский находился в другом месте.

– Ульрих, у нас убийство, – встряла я. – Мы правда быстро, вопросы несложные. А иначе, ты ж знаешь Ковальчука, потащит в управление... средь бела дня...

Его Ковальчук никогда не тронет, скорее меня в секретаршах сгноит, и мы оба это прекрасно понимали, но, видимо, мой умоляющий тон пробрался даже под непробиваемую шкуру Чудика. Хрюкнув и крякнув, он откинул деревянную перегородку и тяжело шагнул вперед, отчего помещение стало казаться не просто маленьким, а прямо-таки непригодным для нахождения в нем трех человек сразу.

Мы с Яном синхронно задрали головы, чтобы лицезреть не грудь собеседника, а хотя бы его подбородок, и я услышала, как поручик сглотнул. Ну да, наследство троллей оно такое... Конечно, пропорциями и чертами лица Чудик ничем не отличается от людей, но когда ты такой огромный, на черты как-то уже никто и не смотрит – каждый представляет, как вскоре ему вырвут глазные яблоки через пупок.

– Две минуты, – вынес вердикт Чудик, и я ткнула локтем зависшего Яна.

– Кхм, да. – Он вновь прочистил горло и, вынув из кармана снимок, сунул его гиганту под нос. – Был здесь?

– Ну был. На прошлой неделе.

– Что покупал?

– Травки, корешки.

– На сорок тысяч?

– Ценные травки и корешки.

– Ульрих, – вмешалась я.

– Да алмианы он набрал на всю сумму. Свалился как снег на голову, я еле наскреб нужный вес. Такое ж заранее заказывают...

– Алмиану, – попугаем повторил Ян и грозно так уставился на меня. – Ты поняла.

– Она только здесь продается, – пожала я плечами и обратилась к Чудику: – Случайно не в курсе, для какого ритуала ее нужно принимать внутрь?

Он сдвинул кустистые брови:

- Траванулся что ли?
- Возможно.
- Ну в курсе, только этот бы не стал. Кишка тонка.
- А все-таки?

Поручик явно нервничал и очень хотел поучаствовать в разговоре, однако понимал, что не сможет задать нужных вопросов, а потом просто сопел и поочередно сверлил нас с Чудиком раздраженным взглядом.

– Алмиану заваривают для вызова Карателей. Но говорю же, такой хлюпик не рискнул бы.

– Спасибо, – от души поблагодарила я и в порыве даже потрепала бугристую руку. Чудик не оценил. – Идем.

Честь и хвала Яну, сопротивляться он не стал. Наверное, тоже заметил за мутным окном первые признаки рассвета и хоть не знал об особенностях организма Ульриха, все же слышал, что режим работы тут строгий.

– погоди, – неожиданно окликнул Чудик, когда я уже взялась за ручку двери. – Парень ваш не один был.

– С кем? Описать можешь? – оживился Ян.

– Имя могу назвать. Зеленка, ты ее знать должна. Из этих ведьм ночных... они вашему Ковальчуку знатно кровь испортили за последний год.

– Да уж, – скривилась я, вспомнив троицу оголтелых феминисток, устраивавших представления по ночам – с обнаженными полетами на метлах и прочими прибабахами в стиле Маргариты. – Которая?

– Блондинка. Ольга вроде.

Я потеряла лоб:

– Спасибо. Данные у нас в деле есть.

– Должна будешь, – пробасил Чудик и нетерпеливо взмахнул рукой: – А теперь валите. Не хватало еще из-за вас истуканом стать.

Я глянула на улицу и поспешно открыла дверь.

– А чего ты вообще это окно не замуруешь? – поинтересовалась напоследок. – Опасно же.

– Так красивее, – как идиотке объяснил Чудик и наконец вытолкнул нас из магазина.

Мы с поручиком еще какое-то время помялись на крыльце, слушая, как лязгает за спиной замок и закрываются жалюзи, а потом медленно двинулись вниз. Лестница там длинная и крутая, так что идти пришлось, уставившись под ноги и вцепившись в перила.

– Истуканом? – переспросил Ян.

– Это он так... образно.

– Ну да. Он как раз похож на любителя метафор и аллегорий.

Я невольно фыркнула, но, когда подняла глаза от ступенек, едва этим смешком не подавилась и только чудом удержалась на ногах.

– Стой, – просипела, цепляясь за руку Яна.

– Что та... – Он осекся. Похоже, тоже увидел, что поджидает нас внизу.

То было прекрасное осеннее утро. Розовые рассветные лучи скользили по золотистому ковру из опавших листьев, в воздухе плясали пылинки, звенели птичьи трели, а из пекарни по соседству доносился аромат свежих булочек с корицей.

– Что это за хрень? – прошептал Ян.

– Норг, – выдавила я.

Плюс: всегда мечтала умереть под птичьи трели и запах булочек.

Минус: и какого же черта все незримое и тщательно скрытое вдруг одно за другим становится явным?

Глава 7

– О-о. А как ты думаешь, в этом лесу есть что-нибудь съедобное?

– Да, – горько отозвался волшебник. – Мы.

(с) Терри Пратчетт

Лирическое отступление.

В детстве, слушая страшные сказки охотницы Анны Маклейн в ледящем кровью исполнении бабули, я, разумеется, не могла не заинтересоваться одним своеобразным существом под названием «норг». Прежде всего, впечатлял его внешний вид. Впечатлял всех без разбора, даже самых закаленных, а уж четырехлетнюю меня бабушкина иллюзия поразила настолько, что от моего вопля чуть все зеркала и окна в квартире не потрескались, а у папы потом еще пару дней звенело в левом ухе.

Впрочем, главу клана Зеленцовых «легкий» детский испуг не остановил, и вскоре она продолжила прививать мне любовь к прекрасному. И бабуля на полном серьезе считает норгов прекрасными. Не из-за шипастого тела, покрытого отвратительной слизью, не из-за лап, навевающих мысли о кузнечиках, и даже не из-за полной клыков пасти, что раскрывается во все стороны сразу, точно бутон тюльпана. Да, очень трепетное сравнение – бабулино. А любит она норгов за их полную невосприимчивость к магии – читай, неуязвимость.

Ну и еще за пару особенностей, как то: бесполое размножение, продолжительность жизни в сто пятьдесят лет и необходимость становиться видимыми каждые четыре года. Всего на денек.

Собственно, если б не эта необходимость, мы бы, возможно, так никогда и не узнали о столь «чудесных» тварях.

Очень занимательная получается картина: норг питается только тем, что его видит; видят его только другие твари – даже магам этого не дано (кроме крайне редких всевидящих, что и изучают эту прелесть); а потом наступает волшебный момент, чудище проявляется и – бац! – кому-то не повезло.

Чаще всего этим кем-то оказываются туристы, альпинисты и прочие экстремалы, забредшие на территорию зверя. Всевидящие, конечно, стараются оградить своих любимцев всякими предупреждающими знаками, но когда таблички с буквами останавливали людей? Магические контуры рядом с норгами тоже не действуют, так что, если вдруг один из них материализуется близ вашей палатки, можете писать завещание. Хотя нет, не успеете.

А теперь вопрос, даже три.

Первый: какого, простите, хрена тварюга делает посреди города, хотя никто из них прежде и близко к обитаемым селениям не подходил?

Второй: почему он видимый, когда эти горе-исследователи утверждали, что у них все звери на учете и в ближайшие полгода опасаться нечего даже туристам?

И третий: что делать двум бедолагам, застрявшим на узкой лестнице между норгом и запертым магазином, где нам явно не позволят укрыться?

Ян оказался хладнокровнее меня и соображал резвее.

– Он быстрый? – спросил шепотом.

– Молниеносный.

– Почему не нападет?

Я посмотрела на раздувающиеся ноздри, окруженные четырьмя выпуклыми глазками, и сглотнула:

– Принюхивается. Кажется, хочет поиграть.

– Сомневаюсь, что мне понравится его игра.

Норг фыркнул, я вздрогнула и наконец-то начала думать.

– Вызывай своих, – велел Ян, но я и так уже достала из кармана мобильник и, не глядя, ткнула в один из первых номеров в списке контактов.

Они так и обозначены цифрами – от единицы до девятки, – под которыми скрываются охотники нашего управления. Очень полезно в чрезвычайных ситуациях. Горячие клавиши еще полезнее, но не на сенсорном телефоне. Я один раз так уже попала...

Стараясь не делать резких движений, я медленно поднесла трубку к

уху и после пары гудков услышала недовольный голос Рогожина:

– Ты не вовремя.

Вот же невезуха, ну почему именно он?

– Срочно. Норг. У магазина Чудика. Видимый. Через пару минут буду трупом.

Даже такому идиоту, как Рогожин, не пришлось объяснять дважды. Во всяком случае, когда охотник отключился, я решила, что он поскакал собирать подмогу, и так же медленно убрала телефон в карман.

– Что теперь? – спросил Ян.

– Теперь надо продержаться.

Да, знаю, я оптимистка.

Впрочем, норг и правда почему-то не спешил нападать. Глядишь, так и простоим, пялясь друг на друга, пока не прибудет подмога.

Стоило этой мысли пронестись в голове, как тварь ринулась вперед. Без предупреждающих рыков и разбега – просто оттолкнулась от земли и в полете распахнула пасть, обдавая нас сногшибательным ароматом гнили.

– Прыгай! – одновременно крикнули мы с поручиком и так же синхронно перемахнули через перила.

Я налево, он направо.

Приземление вышло болезненным и не самым удачным, все-таки лестница высокая, а мы стояли почти на самом верху. Да и не привыкла я к каскадерским трюкам – ноги пронзило миллионами острых игл, я тут же рухнула на четвереньки, отбила и колени, и ладони, а потом еще и набок завалилась. Воплощение грации.

Не знаю, как приземлился Ян, но, когда я соскребла себя с земли, он уже огибал лестницу, спеша на помощь.

А вот норгу не повезло даже больше, чем мне. Не встретив на пути препятствий, он благополучно взлетел на крыльцо и на полном ходу вынес дверь магазина. Эти последствия его эпического прыжка я увидела уже после того, как Ян схватил меня за руку и поволок прочь.

Вот только погони не было.

И вообще улица подозрительно затихла – даже рассветные пташки петь перестали. Я резко замерла, заставив и поручика остановиться. Он попытался что-то сказать, но лишь открыл и закрыл рот – видимо, тоже оценил подозрительную тишину. Норг из лавки Чудика так и не вышел.

Мимо, отфыркивая черный дым, прошуршала какая-то советская колымага и скрылась за углом. На другой стороне улицы сутулый заспанный паренек выгуливал смехотворно крохотную собачку, придавая ей скорости легкими пинками. На нас он внимания не обращал. Я подивилась

было отсутствию людей и машин, а потом вспомнила, что сегодня суббота. Не спится только следователям прокуратуры, троллям, пекарям и идиоткам с магическим истощением вроде меня.

Еще раз оглядевшись и не заметив признаков подмоги, я медленно двинулась обратно к магазину, но почувствовала на плече руку Яна. Думала, назовет душой и скажет, что надо бежать, а нет, ошиблась.

– Уверена? – спросил он хмуро.

– Он либо исчез, либо подох. Иначе бы выскочил обратно.

Ян нехотя кивнул, и мы вдвоем осторожно направились к крыльцу.

– Занятные у вас зверушки, – пробормотал Ян, и я невольно хмыкнула:

– У нас?

– Ну это ж что-то магическое, значит, у вас. Я таких точно не встречал.

– Норги обычно невидимы, – призналась я со вздохом, – и неопасны.

– Обычно. Как и проклятья. И, как я понимаю, порталы. И еще куча всяческих чудес, о которых простым смертным знать не положено.

Я как раз шагнула на первую ступеньку и повернулась к поручику:

– Сейчас хочешь это обсудить?

– Ни сейчас, ни потом. – Он широко улыбнулся. – Я ж понимаю, что не все можно вывалить на широкую общественность.

Надо же, какой понятливый. Я вот и то не всегда понимаю, зачем мы скрываем то или иное явление. Не все, конечно, но кое о чем могли бы и рассказать – избежали бы кучи проблем. Хотя норги в это число не входят.

Путь по лестнице показался мне невероятно долгим. Ноги подкашивались, вспотевшая ладонь соскальзывала с перил, от бешеного стука сердца закладывало уши. Уже на самом верху Ян неожиданно заступил мне дорогу и первым приблизился к двери.

– Обалдеть.

Собственно, я, заглянув в магазин из-за его плеча, выразилась куда крепче, ибо открывшаяся нам картина была поистине монументальна.

Солнечные лучи радостно проникали в проем, по краям которого все еще болтались остатки массивной дубовой двери, и озаряли лавку желтоватым светом. Скользили по пыльным склянкам на полках, золотили амулеты на захлавленном прилавке. И окутывали сияющим ореолом застывшую в центре каменную фигуру хозяина. Да вот только застыл он не один, а в обнимку с трепыхающимся норгом.

Чудик сжал его в своих мощных руках, стиснул ладонью уродливую пасть и только потом обратился в камень. А зверь теперь, как ни пытался, не мог вырваться из хватки истукана.

– И не только зверушки у вас занятные, – пробормотал Ян, а в

следующий миг за нашими спинами раздался хлопок портала.

Оглянувшись, я увидела, как из пылающего кольца один за другим выскакивают охотники. По-голливудски вовремя, ничего не скажешь.

* * *

В машине я позорно отключилась.

Не уснула, а именно потеряла сознание. Не то испуг запоздало накрыл, не то магическое истощение и недосып сказались, а может, очередная стычка с охотниками, вызвавшая прилив раздражения, не прошла даром, и мозг попросту решил перезагрузиться.

Эти придурки чуть ли не в открытую во всем обвинили меня. Не в явлении норга, конечно – даже их извращенная логика не помогла бы списать это на мой счет, – но как минимум в окаменении Чудика. Мол, не явись я сюда, ничего бы и не было. И, дескать, какого это черта, я вообще тут что-то разнохиваю, неужто не поняла, зачем меня к тупому следаку приставили?

Сам «тупой следак» в момент излияний Рогожина и Ко, к счастью, был занят и ничего не слышал – следил за тем, как все еще брыкающегося норга вместе с Чудиком выносят из лавки напрямик в портал. А потом и за установлением магической печати на раскуроченную дверь понаблюдал с интересом. Я сразу поняла: он видит каждое плетение, каждый начертанный в воздухе символ. Слишком уж ярко горели его глаза, и очень уж загадочное выражение появилось на лице.

А идиоты охотники ничего не замечали. Думали, будто он просто малость обалдел от встречи с тварью, вот и стоит тут и пялится в пустоту. Ну-ну. И вон та тетка в доме напротив тоже просто обалдела, потому и фотографирует так и не схлопнутый портал из окна. Не будь улочка такой тихой и безлюдной, наверняка бы даже до Рогожина дошло, что что-то не так.

Я же ничего говорить не стала – пусть сами выкручиваются. Несправедливые обвинения не способствуют прекрасным порывам души. Лишь отметила про себя, что надо бы изучить родословную поручика. Это ведь только при нем все и вся становится видимым – больше нигде по городу таких аномалий не встречалось. Я бы узнала.

Ответить на нападки тоже не удосужилась, ибо считаю ниже своего достоинства реагировать на подобную глупость. Но от внутреннего возмущения это не спасло. Я даже пожалела, что рядом нет Ковальчука – несмотря на все мои к нему претензии, с логикой у шефа точно все в порядке. Он бы, как следует, отчихвостил этих альтернативно одаренных. Особенно когда они намылились подчистить Яну память.

Вот тут уж пришлось послать их... за официальным разрешением. Все-таки Ржевский не случайный свидетель, а следователь прокуратуры.

В общем, не знаю, усталость ли сказалась или негодование.

И как быстро Ян заметил мое состояние, тоже без понятия.

Очнулась от противных холодных уколов в лицо. Машина стояла у обочины где-то в районе «Лакокраски», дверь с моей стороны была открыта, а поручик сидел на корточках снаружи и старательно брызгал на меня водой.

– Ну, наконец-то, – проворчал, когда я недовольно на него зыркнула и отпихнула от себя мокрую руку. – Я уж решал, в какую страну лучше бежать.

– Зачем? – непонимающе прохрипела я, потирая виски.

– Ну как... уморил девку. Если не твой шеф, так твоя бабушка точно бы не простила.

Это да. Но зря он думает, будто от бабули можно вот так просто сбежать.

– Ты когда ела в последний раз, чудо в перьях? – горестно вздохнул Ян.

А я зависла. Действительно, когда? Если не считать утреннего кофе, то вчера на завтрак навернула булку с маслом и кашу. А потом был поход в бюро судмедэкспертизы, проклятье, отключка, портал, бабушка и под занавес практически кома...

Вывод: я слишком часто оказываюсь без сознания.

Желудок, словно только теперь вспомнив о том, что раньше его исправно наполняли, жалобно пискнул. Ян хмыкнул и, обойдя машину, уселся на водительское место.

– Отвезу тебя домой. Поешь, отдохнешь. Зря вообще выдернул так быстро после вчерашнего.

– А сам куда?

– В управление ваше.

Я встрепенулась:

– По этому делу?

– Ну да. – Ян повернул ключ зажигания и пристегнулся. – Мне обещали передать отчет по проклятью – на нашем оно трупы было или нет. Плюс дело этой ведьмы Ольги надо просмотреть. Ну и про алмиану и Карателей не мешало бы уточнить. Боюсь, все это можно сделать только у вас.

– Я с тобой, – решительно заявила я.

– Но...

– Напротив управы кафешка есть – перекушу, пока ты за отчетами ходишь. К тому же, про алмиану и Карателей тебе там никто и слова не скажет. А я скажу.

– Даже так, – усмехнулся он.

Я упрямо скрестила руки на груди:

– Вот по дороге и расскажу, сэкономим время. Сам говорил – я твой козырь.

И после сегодняшнего общения с охотниками, козырю очень захотелось раскрыть дело раньше команды магов.

Разворачиваться к моему дому Ян не стал, и я довольно откинулась на спинку сиденья.

Под заунывную песнь моего желудка машина устремилась к центру города.

Плюс: мы, наверное, первые выжившие после встречи с норгом.

Минус: путь в лавку Чудика мне теперь заказан – даже если он без особых потерь переживет свое временное отвердение.

Глава 8

Волшебники могут примириться с любыми лишениями и неудобствами,

при условии, что они происходят не с ними.

(с) Терри Пратчетт

О Карателях я тоже знала исключительно из поведенных бабулей сказок, но признаваться в этом Яну не собиралась. В конце концов, в мире магии сказки и легенды порой содержат куда больше правдивой и полезной информации, чем научные изыскания величайших умов. А если вдруг возникли дополнительные вопросы – магсеть и гугл в помощь.

Если вкратце, то Каратели – это крайняя мера для тех, кто отчаялся добиться справедливости. Система неидеальна, времена, когда можно было ткнуть в кого-то пальцем, обвинить во всех смертных грехах и добиться казни, давно позади. Не то чтобы я по ним скучала... но иногда виновный, даже не скрывающий своих деяний, избегает наказания. И тогда-то любому магу средней руки выпадает шанс побыть вестником правосудия.

Для этого достаточно выпить простой, но ядовитый коктейль и особым заклинанием воззвать к изнанке. Если твои обвинения справедливы, если требуемое наказание оправдано, то явятся по душу преступника жуткие сущности, коих у нас и прозвали Карателями. И тогда не страшен призывающему яд, будет жить как прежде, только с чувством выполненного долга. Но если он ищет выгоду, если сам нечист помыслами

или возводит на другого напраслину, то Каратели не откликнутся. А яд через положенное время сделает свое дело.

Проблема в том, что сущности изнанки мыслят иными категориями. Черт его знает, что они сочтут «нечистым». Потому редко кто рискует глотать алмиану в таких дозах – разве что горюющие родственники жертвы, чей убийца попивает «Мохито» под разноцветным зонтом на пляже.

– И зачем продавцу-консультанту из Иваново приезжать сюда и вызывать этих Карателей? – рассеяно пробормотал Ян, когда я закончила. – В его истории нет криминальных трупов, вообще ничего такого, за что он мог бы желать отомстить.

– Ничего известного органам, – поправила я. – Он все же был магом, да и компьютер вы не нашли. Чую двойную жизнь...

– Но в итоге его обвинения оказались недостоверными, раз ваши Каратели не явились, а яд подействовал?

– Выходит так. – Я мгновение помолчала. – Или это все-таки убийство, просто преступник использовал купленную жертвой алмиану.

– Изощренно, – хмыкнул Ян. – Там же ее вроде много надо. Не заметил, как выпил столько яда? Заставили силком? Заставили ошибиться в ритуале?

– Кто из нас следователь? – возмутилась я. – Не забывай еще про считанную память. И про чужой дом. И про ведьму Ольгу... может, он вообще для нее хотел ритуал проверить, или она каким-то образом его обманула, или...

– Понял-понял, – рассмеялся Ян. – Я следователь, я думаю, ты консультируешь по вопросам магии и водишь меня по таинственным местам. Кстати... два вопроса.

Я напряглась, предвидя суть этих вопросов, но он сумел удивить.

– Первый: кто контролирует продажу ядовитых магических веществ?

Я даже хохотнула от облегчения:

– А кто контролирует продажу стеклоочистителя? Seriously, это редкая трава, но используется для решения множества проблем, а ядом становится только при определенных условиях. Как, впрочем, и еще сотни веществ, которые в свободном доступе лежат на полках в магазинах и аптеках.

– Понял. Ну и второй... – Ян прокашлялся. – Из какого камня сделан Ульрих Чпок?

– Чего? – опешила я. – Это наследство троллей.

– Что-то такое я и подумал, но вопрос в другом. Этот ваш норг прошиб толстенную дверь, не поморщившись, а из каменных рук вырваться не

смог, хотя должен был раскрошить их в пыль.

– Ну... – Я почесала голову. – Никогда не задумывалась. Учítывая, что потом Чудик вновь станет мягким, хоть и не пушистым, камень явно непростой. – Я с подозрением покосилась на поручика: – А что? Уже помышляешь о суперсолдатах? Что б ты знал, опыты над живыми существами противоз...

– Все-все-все, осознал, – перебил Ян с тяжким вздохом. – Спросил на свою голову.

– А можно теперь я?

– Спрашивай.

– У тебя в роду точно магов не было?

* * *

В кафе с милейшим названием «Коржики» нас встретили не очень-то радушно. Еще бы, явились рано утром, через две минуты после открытия, в субботу. Официант умудрялся одновременно зевать и сверлить нас злобным взглядом, а у баристы за стойкой на лице так и читалось: «Только попробуйте заказать кофе».

Я знала обоих, потому не сильно впечатлилась – плюнуть в чашку сотруднику управления они точно не посмеют.

Ян тоже косился на меня с не самыми добрыми чувствами. Ну да, возможно, я немного переборщила с допросом, но ведь надо же выяснить, откуда растут ноги у его способностей. Так что сначала я спрашивала про предков-магов, потом начала прикидывать, кто еще мог залезть на генеалогическое древо поручика.

Понятно, что тогда магический мир оставался в тени, так что ребенком Ян мог и не заметить особых способностей, скажем, у любимого дедули. Однако теперь, если задать нужный вопрос... Вот я и спрашивала, не страдала ли бабушка бессонницей, не избегал ли отец открытых окон, не любила ли матушка сырое мясо.

Да, я замахнулась уже не только на магов и ведьм, но и на потомков Изгоев и некоторых других разумных обитателей изнанки. Мало ли, кто там светанул своей ДНК. Все же Ян не просто видит незримое – он его проявляет! А я, как ни старалась, так и не вспомнила, кто на такое способен. Разве что гены смешались, и получился вот такой новый дар.

В общем, поручика мое любопытство напрягло, и в какой-то момент он просто умолк, да так и молчал до самого кафе как партизан. А усадив меня за столик, попытался сбежать.

– Эй, ты куда? – удивилась я.

– Я же говорил. Надо отчет забрать. И дело Ольги...

– Хотя бы кофе со мной выпей, а потом пойдешь. – Ян поморщился, и я, сжалившись, добавила: – Обещаю, больше никаких вопросов.

С тяжелым вздохом он уселся напротив, мы озвучили хмурому официанту заказ, и повисла тишина, нарушаемая только бульканьем кофемашины.

– С вопросами было бы веселее, – пробормотала я через пару минут ожидания.

Ян фыркнул:

– А давай я задам? За что тебя не любит шеф? Чем конкретно занимаются ваши охотники? Кто решает, что раскрывать обычным людям, а что оставить в тайне? В чем заключаются твои обязанности? И что за девица стоит за окном и яростно нам машет?

Пришибленная первыми вопросами, я не сразу сообразила, о чем речь в последнем, зато когда повернула голову к панорамному окну...

Дашка выглядела паршиво: всклокоченные волосы, помятая блузка, темные круги под глазами. И совершенно безумная улыбка, от которой у меня вмиг вспотели ладони. Сестра ткнула пальцем в стекло, затем себе в грудь и уже двумя пальцами изобразила шагающего человечка. Ну да, дескать, сейчас подойду. Могла бы и не сообщать.

Влетев в кафе и распахивая бедрами стулья, Дашка добралась до нашего столика, плюхнулась рядом со мной и затараторила:

– Ну ты даешь! Кто ж так делает! Пропала среди ночи, телефон недоступен, сигналов бедствия не подаешь. Я ж чуть нервный срыв не заработала, пока тебя искала. И наших зря всполошила, а они сейчас, наверное, уже войска в город стягивают... Ой, здрасти, – наконец заметила она Яна.

– Доброе утро, – вежливо, но настороженно кивнул тот.

– Кого ты всполошила? – замогильным голосом уточнила я.

– Так это... – замялась сестрица, – дядю Володю с Андрюхой, они вдвоем приехали. И Игоря еще, но у него я просто спросила... думала, вдруг вы вместе... Ну и папе сказала, что дозвониться до тебя не могу...

Вдруг очень захотелось удариться головой об стол, но именно в этот момент официант водрузил передо мной тарелку с горячей кашей с кусочками свежих фруктов, так что маневр стал вдвойне опасен.

Мысленно костеря современные технологии, я полезла в карман за телефоном, убедилась, что батарея благополучно села, и страдальчески взглянула на Дашку:

– А можно было подождать пару часов, прежде чем панику поднимать?

– Я подождала, – как болванчик закивала она, после чего подтянула к

себе мой завтрак и начала есть.

Итак, значит, в городе дядя Володя с сыном Андреем, бабуля, папа и наш старший братец Игорь... Цвет семейства.

Вот и не верь после этого в полосу невезения.

– Теперь звони и говори, что я нашлась, пока над городом вертолеты не появились, – скомандовала я, отобрав у Дашки тарелку.

Сестрица насупилась, но послушно выудила из сумки мобильник.

– Я, пожалуй, пока схожу за документами, – объявил Ян, вставая. – Компания у тебя теперь есть.

Та еще компания, но спорить я не стала. И правда, пусть идет, хоть не придется за каждым словом следить.

Когда дверь за поручиком закрылась, Дашка как раз закончила уверять отца, что я жива, просто рано уехала на работу.

– Да. Да. Нет. Конечно, – покорно бормотала она. – Нет. Ну па-а-ап... Хорошо. Пока. – Нажав отбой, Дашка сердито на меня зыркнула: – Из-за тебя мне теперь с бабулей встречаться.

– Она просила передать, чтоб ты не пряталась, – хмыкнула я. – Мол, у нее претензий нет. Только у Англии.

– Вот же...

– Ты где ночью пропадала?

– Так с родителем общалась. Утром прихожу, а тебя и след простыл. И собиралась явно в спешке, шмотки побросала... вот я и...

– Ладно, уже поняла. – Я потерла лоб. – Что родитель вещает?

– Что они пока тихонько по своим углам посидят, да подстрахуют, ежели чего случится.

Ясно. Значит, и правда кровь провидицы ожила и притащила в город группу поддержки. Хорошо, что активных действий они вроде предпринимать не собираются. По крайней мере, пока я серьезно не вляпаюсь.

– А меня как нашла?

– Приехала к тебе на работу, – пожала плечами Дашка. – В здание меня не пустили, там они откуда-то проявленного норга приперли, все перекрыто. Иду себе прочь, а тут ты в окне.

– Глазастая, – буркнула я.

– Ты на свидании, что ль, с утра пораньше? – прищурилась сестра.

– Нет, это следователь. Работаем вместе.

– Хорошенький. Можно?

– Что? – обалдела я.

– Его можно? Скучно тут. И если у вас ничего, я бы...

– Нет!

Сама не знаю, чего разоралась. Просто... Ржевский и Дашка? Нет, я не сомневалась, что при желании она его легко окрутит, но как-то это неправильно. И мне же потом аукнется, как аукнутся все грехи прочих родственников.

– Как скажешь, – не особо расстроилась сестрица и вновь принялась уплетать мою кашу.

Решив, что драться за еду в относительно приличном заведении как-то нехорошо, я помахала официанту и заказала еще одну порцию. А когда принесли и ее, и долгожданный кофе, вдруг со стыдом вспомнила, что не задала сестре самый главный вопрос.

– А как там твоя преподавательская деятельность? – нарушила я затянувшееся молчание.

– Прекрасно. – Дашка расплылась в улыбке. – Они несказанно рады заполучить такой ценный кадр.

– Да уж, ты кадр... очень ценный.

На звук дверного колокольчика я поворачивалась с надеждой – а вдруг поручик вернулся? – но столкнулась с очередным разочарованием. Шагнувший в кафе мужчина тоже был мне знаком, вот только встречаться с ним, особенно сейчас, не хотелось, а шел он целенаправленно к нашему столику.

Шел быстро, чеканя шаг. И с такой физиономией, будто предварительно набрал в рот рыбьего жира и теперь силился его проглотить.

– Зеленцова, – угрожающе начал шеф, остановившись рядом и уперев кулаки в столешницу. Затем глянул на Дашку, моргнул и вновь уставился на меня: – Чтобы отчет о событиях в лавке Чудика вечером лежал у меня на столе.

– Так точно, – пробормотала я, предвкушая, как буду описывать сегодняшнее утро.

«Мне так хотелось утереть нос магически одаренным коллегам, что я ни свет ни заря в компании следователя-человека поперлась в «До рассвета», наплевав на собственное плачевное физическое состояние, в связи с которым все дальнейшие события выпали из моей дырявой памяти».

Интересно, поверят? Потому что передавать все, что нам поведал Чудик, очень не хотелось...

– А еще, – продолжил неумолимый Ковальчук, игнорируя мой скорбный взгляд исподлобья, – в письменном виде изложишь все, что

вольно или невольно выболтала Ржевскому. Поняла?

– Ага.

– И зачем ему дело Ольги Метельки? Она как-то связана с нашим трупом?

Я устремила на шефа честные-пречестные глаза:

– Понятия не имею. Я ничего такого не слышала. Может, она ему нужна по другому вопросу? В прокуратуре, наверное, много дел...

– Конечно, конечно, – скривился он. – Завязывай трапезничать. Сейчас явится. Сказал, ты нужна ему на полдня. Потом вернешься в офис и засядешь за отчеты. А вы... – Ковальчук повернулся к Дашке, которая все это время разглядывала его с плотоядным интересом. – Вы ведь Дарья Викторовна?

– Польщена, что меня знают в лицо даже те, кого я впервые вижу, – улыбнулась сестрица.

И вот надо же... Уже и волосы успела в порядок привести, и от синяков под глазами не осталось следа, и одежда вновь чистенькая, выглаженная, даже макияж будто обновился. В такие минут моя зависть к даровитым родственникам становилась нестерпимой, так что я уткнулась в тарелку и начала гонять по каше несчастный кусочек дыни. Аппетит пропал напрочь.

– Предпочитаю готовиться к неприятностям заблаговременно, – поумерил Дашкин пыл шеф. – К вам у меня тоже просьба. Держите своих родственников в узде, Софье это явно не под силу.

Я возмущенно вскинулась, но вмешиваться не стала. Собственно, у меня к сестре назревала та же просьба, так что чего теперь дергаться.

– Мне с утра весь телефон оборвали, – не унимался Ковальчук, – требуя отчета о местонахождении моей сотрудницы, хотя ее рабочий день еще даже не начался. Хорошо хоть никто не додумался явиться лично, иначе бы каждый умник сидел в изоляторе, пока я не подоб...

Он вдруг осекся и медленно опустил взгляд вниз, на свои руки. Я глянула туда же и тут же в шоке уставилась на сестру.

– Для вас – все что угодно, – клятвенно пообещала та, накрыв ладони Ковальчука своими и преданно пожирая его глазами. – Вы главное не нервничайте понапрасну.

После секундного зависа шеф отпрянул, да так, что едва не снес соседний столик. Затем затравленно огляделся, одернул пиджак, прокашлялся и, выдавив что-то вроде «Все всё поняли», на внушительной скорости устремился к двери.

– А этого можно? – задумчиво спросила Дашка, наблюдая, как объект

ее интереса за окном перебегают дорогу в неполюженном месте.

Я аж поперхнулась:

– Зачем?

– Молодой, красивый...

– Ему тридцать семь!

– Десять лет разницы – идеально...

– Он... у него... волосы длинные!

Я же помнила, что Дашка тоже ненавидит патлатых мужиков.

– Такой очаровательный хвостик, – вздохнула она и уперлась кулаком в щеку.

– Он мой шеф!

– Умный, влиятельный.

– Гад он последний.

– Потому что спуску тебе не дает – и правильно делает.

– Он...

И вдруг я поняла, что пытаюсь защитить отнюдь не сестру, а Ковальчука. Потому что Дашка, как бы я ее ни любила, вынесет ему мозг и вдребезги разобьет сердце. Конечно, наличие у шефа сердца еще надо доказать, и все же не по-человечески это.

С другой стороны, отправляя меня в морг, он не особо переживал. И шпынял меня все время совместной работы. И от издевок охотников ни разу не защитил, только поддерживал каждую нелепую шуточку. Даже прозвище «Зеленка» появилось только благодаря Ковальчуку. Так с какой стати мне проявлять человечность?

Если Дашка его помуржит и бросит, мне, естественно, тоже достанется, но вряд ли будет хуже, чем сейчас. Зато хоть удовлетворение получу.

– Знаешь что, – я похлопала сестренку по плечу, – этого можно. Благословляю.

– Правда? – оживилась она.

– Честное пионерское. Делай с ним все, что твоей душеньке угодно. – Я подумала мгновение и добавила: – В рамках закона.

Видимо, Дашка восприняла это как призыв к немедленным действиям, потому что тут же сорвалась с места.

– Стой. – Я схватила ее за руку. – Ты ж говорила, тебя в здание не пускают.

– Не пустили, когда я к тебе шла, – поправила сестра. – А теперь я иду к нему.

И то верно. Когда Даша идет к «нему», кем бы он ни был, ее ничто не

остановит.

Я проводила сестру взглядом, сделала пару глотков слишком горького кофе и попросила счет.

Утро выдалось настолько бурным, что в груди затеплилась надежда на спокойный день и вяло-ленивый вечер. Бывают же в жизни чудеса... Хотя, если Ян захочет сегодня побеседовать с Ольгой, пока я не раскрыла все наши карты в своих отчетах, то, скорее всего, главные потрясения еще впереди.

Плюс: если Дашка пробьется к Ковальчуку, в ближайшее время ему будет не до меня.

Минус: судя по цене, каша в «Коржиках» готовится с добавлением золота.

Глава 9

Ведьма должна уметь видеть с Первого Взгляда и думать Задним Умом.

*Первый Взгляд нужен, чтобы видеть то, что есть на самом деле,
а Задний Ум – чтобы приглядывать за обычными мыслями,
Здравым Смыслом, а то забредут куда не надо.*

(с) Терри Пратчетт

Как я и думала, стоило сообщить Яну, что силы зла заставляют меня доложить о последних событиях в письменной форме, и он тут же загорелся желанием немедленно навестить ведьму-феминистку Ольгу Метельку. Пока, так сказать, кислород не перекрыли. Я тоже не сильно возражала, хотя, если честно, мысли были заняты другим – я уже всю придумывала обтекаемые формулировки для упомянутых отчетов.

Получалось не то чтобы хорошо, но «во благо Магического управления» вместо «назло гадскому Ковальчуку» я по-прежнему считаю крайне удачной находкой. Также в копилку отправились «сугубо по велению руководства», «за неимением особых распоряжений» и «действовала по обстоятельствам».

Уверена, дальше шефа это все равно не пойдет, да и ему особой пользы не принесет, но, надеюсь, хотя бы заставит поскрипеть зубами.

Метельку, как выяснилось, нам предстояло искать на рабочем месте, ибо в субботу трудятся не только правоохранительные органы, но и столь необходимые отдыхающему люду торговые центры, а наша ведьма как раз продавала парфюмерию и косметику в одном из них.

Не очень-то по-феминистски, скажу я вам, особенно учитывая «униформу» таких продавщиц: юбка-карандаш, чтоб попа смотрелась

орешком, убийственные шпильки и полупрозрачная блузка со стратегически расстегнутыми пуговицами. Оно и понятно – сейчас мужики в этих отделах чуть ли не чаще женщин появляются, на них и расчет. Хотя не понимаю я, хоть убейте, на что такие мужики нужны.

Но вернемся к нам с поручиком.

Выбравшись из кафе, я бросила взгляд на родимое управление, скривилась и все же озвучила свою мысль:

– Надо бы кого-нибудь из охотников захватить.

– Зачем? – нахмурился Ян.

– С нами она может даже не заговорить. Ты человеческий следователь, я вообще веса не имею, а охотников ведьмы боятся.

– Я могу быть очень убедительным. – Он пошлово поиграл бровями и распахнул дверцу машины.

Для меня. От удивления, растерянности и, что греха таить, удовольствия я немного не рассчитала свои габариты и при погружении в салон хорошенько приложилась головой в проеме.

А Ян вновь повел себя как истинный джентльмен, не обратив на мой конфуз никакого внимания.

– Кстати, – спросил, поворачивая ключ зажигания, – я никогда особо не задумывался, но чем ведьмы отличаются от магов?

– Вас этому не учат? – не поверила я.

– Учат, что вы черпаете силу из разных источников: ведьмы из природы, а маги из внутреннего резерва, но... По мне, так резерв магов тоже должен пополняться из внешних источников, так что суть в итоге одна.

Не сдержавшись, я рассмеялась:

– Ведьмы вообще ничего ниоткуда не черпают! Как, если они рождены людьми?

– Серьезно? – Ян уже свернул на улицу Свободы и направил наши колеса к ТРЦ «Аура». – А откуда тогда сила?

– Ритуал, – фыркнула я. – Жертвуют плоть, а взамен получают... некоего товарища с изнанки, который некоторое время выполняет их приказы. Потом слабеют, опять жертвуют, и так далее.

– Эм... какую плоть?

– Свою, какую ж еще. Сама лично видела ноги этой Метельки – не хватает двух пальцев. Так что она совсем еще зеленая, начинающая. Кто-то, оберегая внешнюю красоту, расстаётся с внутренними органами, но это еще опаснее. Сложновато во вскрытом состоянии вести переговоры с тем самым товарищем, велик риск истечь кровью до смерти.

– Весело у вас... и образ одноногой Бабы Яги приобретает новые краски... А почему мужчины не могут пожертвовать и получить помощника? – не унимался поручик.

– Потому что их интересуют только дамы, – широко улыбнулась я.

– Товарищами ты называешь... демонов? Чертей?

– Нет, просто... Во-первых, первыми их встретили и обозвали финны, потому словечко вышло знатное, язык сломаешь. Вроде даже палиндром. Во-вторых, только не смейся, но есть поверье, мол, нельзя поминать этих тварей вслух, они ж и без посредничества ведьм могут напакостить. Так что в итоге кто как изворачивается. Для нашего управления они товарищи.

– Те, кого нельзя называть. – Ян кивнул и наконец умолк.

Неужели вопросы иссякли? А вот у меня появились.

– Что узнал про проклятье?

Мы уже заезжали на подземную парковку, и его лица в полумраке я толком не разглядела, но вроде поручик скривился.

– Было на нашем трупе. На кого собиралось перескочить – неизвестно. По словам ваших магов, ты его под ноль уничтожила.

Печально. И приятно. Хоть в чем-то я сработала по максимуму.

Впрочем, за это мне тоже наверняка прилетит свыше. Дескать, нечего браться за чужую работу, надо было стойко схватить проклятье (конечно, мне ж врожденной невезучести мало), а потом ждать, пока его на мне же изучат и, может быть, если повезет, безболезненно отделят. Ну или загнуться во имя Родины – для руководства это тоже приемлемый вариант.

Звук моих шагов эхом разносился по парковке, вторя внутреннему накрученному ритму злости. Да уж, заводить сама себя я всегда умела. Теперь предстояло успокоиться.

Ян косился с недоумением, но комментировать мою ни с того, ни с сего перекосившуюся физиономию, видимо, поостерегся. Так мы и вплыли в торговый центр в напряженном молчании.

А за прозрачной дверью на нас обрушился шум, гам, детский визг и музыка.

Мамаши тащили упирающихся детей и зевающих мужей вдоль бесконечных стеклянных витрин, зазывающих внутрь блестящими кофточками и острыми каблучками; в нос бил ни капли не аппетитный запах фастфуда; а прямо посреди огромного холла, разделяющего торговые ряды, установили небольшую сцену, вокруг которой уже топтались зрители в ожидании еженедельного розыгрыша призов и какого-то представления.

И чего людям в субботу не спится?

Я б сейчас с удовольствием продавливала лицом подушку... хотя сама

ведь вызвалась – Ян предлагал отвезти меня домой.

«Вот и не ной и не кривись».

– Нам туда, – прервал мою рефлексия поручик, указав на торговую точку справа от сцены. – Точнее, мне туда. А ты подожди.

– Почему? – не слишком-то возмущенно уточнила я.

Если честно, настроение с недосыпу и после нервного напряжения скакало как сумасшедшее, и прямо сейчас общаться с Метелькой мне действительно не хотелось.

– Она ведь тебя знает?

– Сталкивались, может, и запомнила.

– Ну вот и не будем ее раньше времени пугать.

Лично я сильно сомневалась, что и в лучшие свои дни способна напугать хоть кого-нибудь, но лишь позволительно взмахнула рукой, а когда Ян бодро ускакал в нужном направлении, поплелась к сцене. Оттуда и на Метелькину лавочку вид хороший, и, глядишь, шоу пока посмотрю.

Сначала на сцену выползли музыканты, и гигантские скрипучие колонки извергли залп противных звуков, пока они отстраивали инструменты, но уже через пару минут терпение присутствующих было вознаграждено.

Просторный зал наполнился задорной рок-н-рольной мелодией, и перед помостом, чуть разгоняя зрителей, внезапно нарисовались пары... старичков. Как я поняла, то был урок какой-то танцевальной школы. Впереди выполняли несложные движения педагоги – парень с девушкой, – а престарелая группа за ними повторяла.

Я откровенно залюбовалась. Не каждый день видишь таких жизнерадостных и активных пенсионеров, да еще и отплясывающих под забугорную «дьявольскую» музыку. И если осовремененных дедов я еще встречала, то седовласые бабульки в мешковатых свитерах и с куцыми калачиками на затылках, дрыгающие ногами, смотрелись просто потрясающе.

Меня так увлекло это зрелище, что, признаюсь, окружающий мир со всеми его проблемами на время померк. А уж когда один из дедков доверил свою даму педагогу и внезапно затянул меня в круг танцующих, я и вовсе позволила себе расслабиться и, от души хохоча, совершила пару незамысловатых па. Не особо грациозно, но танцевать я всегда любила, да и партнер попался опытный. Покружив меня немного и оставив задыхаться от смеха на краю площадки, он вновь подхватил свою старушку и продолжил зажигать.

А я таки вспомнила, кто я и что здесь делаю.

Прокашлявшись, я придала лицу более-менее серьезное выражение, одернула кофту и осмотрелась. Взгляд сам собой потянулся к открытому проходу с охранными рамками, за которыми виднелись стеллажи с косметикой и где вроде как должен был обретаться поручик. Хотелось верить, что он все еще там.

Точно, там. За прозрачной стеной. Стоит столбом и смотрит на меня как-то странно. Глаза – что два блюдца.

Едва наши взгляды встретились, Ян отмер, дернулся и резко повернулся к выходу, откуда в тот самый миг выбегал не кто-нибудь, а Ольга Метелька собственной персоной. Не узнать эту красотку было сложно: толстая блондинистая коса болталась за спиной и при каждом шаге стучала по круглой оттопыренной попе.

Ведьма напоминала юную цаплю, выбравшуюся из болта на твердую почву. Узкая юбка и высоченные шпильки не давали длинным ногам воли, и первые несколько секунд она бежала по технике «коленки вместе, пятки врозь», при этом смешно размахивая руками в поисках равновесия. Потом ей это очевидно надоело, и, на мгновение остановившись, Метелька просто схватилась за края небольшого разреза на бедре и резко дернула в стороны.

Я уже была достаточно близко, чтобы слышать звук рвущейся ткани, но не достаточно, чтобы успеть схватить эту заразу – она молниеносно сбросила туфли и с такой скоростью припустила прочь, что, лежи под ногами пыль, я бы ее глотала.

Но покой нам только снится.

Не понимая, почему ведьма улепetyвает и какого черта Ян вообще ее упустил, я все так же упорно бежала следом до самой подземной парковки. На определенном этапе со мной поравнялся поручик. Я лишь скосила на него глаза, состроила страшную рожу, но задавать мучившие меня вопросы не стала. Не время и не место. Тут бы дыхание удержать.

Вот же быстрая мегера...

Когда Ян меня обогнал, не заметила. И проворонила миг, когда Метелька исчезла в ослепительно-белой вспышке. Точнее, увидеть-то я это увидела, но поручика остановить уже не успевала – он вслед за ведьмой влетел в портал, и мне не осталось ничего иного, как из последних сил оттолкнуться ногами и нырнуть за ними.

* * *

Как-то в юности смотрела я фильм «Пустота» – о двух друзьях, которые заставили весь мир исчезнуть. Потом вещи вокруг себя. Дом. А потом и вовсе принялись друг за друга, но в конце концов выяснили, что взаимная ненависть не так сильна, так что полного уничтожения не

получилось.

Испарились только тела. А две разнесчастные, но хохочущие головы остались скакать по белому, ничем не заполненному пространству – пустоте. Может, навечно, может, нет, кто знает?

И это я сейчас не концептуальное кино рекламирую, а пытаюсь описать место, в котором мы оказались. Точь-в-точь финальные кадры того фильма: куда ни глянь – белизна без конца и края, но вместо двух голов – взгрустнувшая я и ошарашенный поручик.

– Где?.. – пробормотал он, кружась вокруг своей оси. – Что?..

Ведьмы, разумеется, и след простыл, но Ян этого еще не понял.

С усталым вздохом я села, приняв позу не-до-лотоса – никогда не умела вот так пятки вверх выворачивать, – уперлась кулаком в щеку и приготовилась ждать. Долго-долго ждать.

Когда поручику надоело вертеться, он наконец обратил внимание на мой обреченный вид, замер и, быстро сделав какие-то выводы, присел рядом.

– Мы сильно встряли?

– Еще как.

Вообще, прямой опасности, конечно, не было. Тут не притаились никакие жуткие твари, нам не грозило внезапно скончаться от удушья, отравления, утонуть, провалиться в пропасть, сгинуть под камнепадом. Нам вообще, по сути, ничего не грозило.

Кроме незавидной участи остаться в этой белой пустоте навсегда.

Ну, не совсем навсегда, рано или поздно мы помрем от жажды и голода или свихнемся и убьем друг друга, но сам факт...

Любого мага с детства учат: «Никогда не входи в чужую Секунду, если не доверяешь хозяину и не держишь его за руку». Но я в своих порывах редко задумываюсь о последствиях. К примеру, угоди сюда только поручик, я, оставшись снаружи, смогла бы его вытащить. А теперь нас вряд ли найдут, если только Метелька самолично не отнесет артефакт в управление и не сообщит, что внутри заперта парочка идиотов.

Точнее, один простой смертный и одна идиотка.

Вот теперь даже не знаю, что лучше: действительно скончаться здесь или быть спасенной и в очередной раз навеки опозоренной.

Ладно, обо всем по порядку.

Секунда – в сущности, вещица безобидная. И малораспространенная, так как ее создание требует колоссального вливания энергии. Даже у меня с такой прорвой одаренной родни в жизни была одна-единственная Секунда, подаренная родителями при поступлении в университет. К концу пятого

курса заряд исчерпался, но главную цель артефакт выполнил: я ни разу не опоздала на пары, хотя случаев выпадало предостаточно.

Итак, если кто еще не догадался, Секунда – некая разновидность портала, настроенная на конкретного пользователя и конкретную точку выхода. Моя вела прямиком в женскую уборную в здании универа, и вваливалась я туда порой из самых экзотических мест.

Собственно, и подарили мне артефакт после того, как по дороге на выпускные школьные экзамены я провалилась в канализационный люк и просидела там до вечера. Чудом кости не переломала (потратила весь хилый резерв на приземление) да на пересдачу потом шла под конвоем, дабы не потеряться, так что моим дипломом о вышке родичи решили не рисковать. Вложились в мощную Секунду – как раз до самой защиты хватило.

Мой артефакт выглядел как обычная сережка – опять же, во избежание потерь, – которую позже сменил гвоздик для связи с начальством, но вообще это может быть что угодно. Хоть чайник, если вам удобно таскать его с собой.

И теоретически, через Секунду хозяин может провести до пяти человек, но все они должны держаться за него мертвой хваткой, так что, наверное, это не очень удобно. А отцепившись или шагнув в портал без спроса, оказываешься в таком вот... нигде.

В бесконечной белой комнате между миром и изнанкой.

И вытащить тебя может либо хозяин Секунды, либо тот, кто заполучит ее и сумеет вскрыть, что тоже требует немалых энергетических затрат. Слыхала, в столице даже маньяк был, моривший жертв в пустоте...

В общем, мы с поручиком влипли, ибо ведьма нас точно не выпустит.

Над тем, откуда у беспалой продавщицы косметики в принципе взялся столь мощный артефакт, мне даже думать не хотелось...

Яну, как выяснилось, тоже. Когда я объяснила, что и как, а у него закончились вопросы в стиле «а точно нельзя выбратья?», «и телефон не ловит?», «и сигнал не подать?», поручик просто завалился на спину и вперил растерянный взгляд в пространство.

– Ты как ее упустил-то? – спросила я через минуту, пихнув его в бок.

– Я... – Ян замялся. – Отвлёкся.

– Нашел время. Что ж такого важного тебя отвлекло во время беседы с подозреваемой?

– Она попросила... не на рабочем месте. Сказала, захватит куртку, и поговорим снаружи. А я ждал и... отвлекся.

– На круглую задницу и выбеленные патлы? – фыркнула я, начиная

злиться. – А я-то думала ты серьезный, умный, внимательный и...

– Да между прочим если б не ты, – прервал Ян, резко сев, – то я бы уже эту Метельку на допрос вез!

Я аж задохнулась от возмущения:

– Приехали! Нашел крайнюю – меня вообще там не было!

– Разумеется, не было, – скривился поручик. – Ты в это время рок-н-ролл отплясывала, смеялась вся такая...

– Какая?

– Такая!

– Ну какая?

– Светилась ты, поняла? Вот я и залип на минуту.

Я вдруг обнаружила, что мы сидим, склонившись друг к другу и едва не соприкасаясь лбами, и испуганно отпрянула.

– Светилась? – уточнила, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

– Да, вот здесь. – Ян прижал ладонь к своей груди, и я инстинктивно повторила его жест. – Таким... золотистым светом. Будто у тебя там фонарик висел.

Фонарик. Очень романтично. Хотя какая романтика? О чем я вообще?

– Но больше никто не заметил вроде... – нахмурилась я. – У нас народ не стеснительный, сразу бы кто-нибудь пальцем ткнул.

– Конечно, не заметили, – отмахнулся поручик. – Все на стариков смотрели.

– А ты на меня?

– А я на тебя.

Теперь я точно могла посоперничать цветом с огнетушителем.

Пытаясь как-то сгладить неловкость, я опустила взгляд на свою руку, которую по-прежнему прижимала к груди, и нахмурилась еще сильнее:

– Раньше такого не было...

– Раньше на тебя не смотрели? – хмыкнул Ян.

– Ну тебя. Не светилась я раньше. – Я подняла на него глаза. – Думаю, дело все же в тебе. Ты что-то такое проявляешь... во всем. Всюду, куда приходишь.

Он скрестил руки:

– И что же я мог проявить в тебе?

А вот черт его знает.

Неопределенно пожав плечами, я наконец отняла руку и ощутила легкое покалывание. Коснулась ладони пальцами другой руки – горячо. Какого?..

Ладно, с этим можно разобраться потом.

– Расскажи что-нибудь, – внезапно попросил Ян, и я вздрогнула.
– М?
– Что угодно. Мы ведь здесь надолго, и раз уж пока ничего не можем поделаться...

– Опять будешь выпытывать секреты магического сообщества? – ухмыльнулась я.

– Вроде того. Например... расскажи, какое самое странное существо ты встречала в жизни.

– Странное?

– Ну вот для меня сейчас все странное, но ребенок в семье магов растет как в стране чудес, потому и чудеса теряют свою суть... если ты понимаешь, о чем я. Так вот, встречала ли ты кого-нибудь, кто смог бы тебя по-настоящему удивить?

«Тебя», – едва не ляпнула я, но вовремя прикусила язык. Ян ведь не об этом спрашивал, и я прекрасно поняла его мысль.

Пришлось как следует напрячься. Если честно, странностей в моей жизни хватало, но он прав – относилась я к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, пусть и не теряла веры в чудеса.

Может, рассказать о русалках? Но, наверное, в давно знакомых всем по сказкам существах нет ничего такого, чтобы «ух ты!». Хотя вряд ли Яну известно, что они страдают kleptomанией почище легендарных драконов и что вода, в которой искупалась русалка, становится целебной.

Или о домовых – тоже прославленных, но незаслуженно обиженных и позабытых. Расстроится он, узнав, что нам бы сейчас не приходилось убираться и готовить, кабы наши предки не попытались поработить доверчивых и дружелюбных бородатых мужичков, что рождались из пыли и в пыль же в итоге и превратились?

На ум пришел еще десяток всяких мифических и не очень созданий, но стоило вспомнить одно конкретное, и я поняла – да. Именно существование карохов когда-то взорвало мое воображение.

Другие удивляли, вызывали недоумение, страх и любопытство. Но карохи заставили меня вновь поверить в чудо, когда никаких чудес на горизонте не предвиделось...

– Это случилось на пятом курсе, – начала я, устроившись поудобнее, и Ян тут же подобрался и приготовился слушать.

...Когда не осталось в моей жизни ни иллюзий, ни перспектив, только острое желание поскорее разобраться с опостылевшей учебой, от которой для подобной мне неумехи все равно никакого толку, и уехать куда-нибудь – куда угодно, лишь бы подальше...

Приближающиеся экзамены зависли над шеей дамокловым мечом, но настроения зубрить не было – обычный эффект последнего года. Ну и усталость тоже сказалась, вкуче с полным разочарованием во всем мире.

Я не помню, что толкнуло меня пойти на лекцию по скандинавским мифам и легендам. Скука, наверное. И соседка по комнате, чьи эксперименты с артефактами едва не оставили меня без бровей, ресниц и волос. Подумалось, что лучше уж поторчать в душной аудитории, чем рисковать схлопотать очередной откат.

И да, лекция была дико занудной. Я не запомнила ни одного слова и, если честно, все полтора часа посвятила одному единственному занятию: разглядыванию приглашенного лектора и гаданию, на какой минуте своей речи он скончается от старости.

Ну вот правда, таких дряхлых стариков я, наверное, никогда еще не встречала. Его буквально подбрасывало в воздух от каждого слова, руки и ноги тряслись и ходили ходуном, обвислые щеки и веки дрожали, и я никак не могла понять, как он умудряется выдавать столько информации без каких-либо вспомогательных материалов.

Перед стариком не стояло даже кафедры, куда можно было положить какую-нибудь записульку или гаджет. А он шпарил и шпарил, заикаясь отнюдь не из-за забывчивости – просто сложно говорить ровно, когда весь как на шарнирах.

В общем, к концу лекции я так и не пришла ни к какому выводу, разве что определилась, что, если доживу до такого возраста, не хочу потом выступать перед неблагодарными студентами вроде меня же самой. Однако по пути в столовую, где я собиралась перекусить, мне выпал шанс узнать секрет старого профессора.

Он ковылял в одном со мной направлении, но значительно медленнее, а мне было как-то неловко его обгонять. Вот и плелась я позади, ожидая, когда же старик наконец свернет. Но он не свернул, а упал.

Просто рухнул как подкошенный, без охов и предупреждающих выстрелов. И я, даже не думая, чем могу помочь, ринулась к нему. Всего несколько шагов нас разделяло, но когда я коснулась пальцами дряблой шеи – пульса уже не было. Я уже приготовилась рыдать, биться в истерике и звать-звать-звать кого-нибудь, однако вскоре выяснилось, что жизни в этом теле не было никогда.

Если вкратце, то пока я причитала и размазывала по щекам тушь, из стариковского уха на его же лоб, кряхтя и чертыхаясь выбрался крошечный человечек. Крошечный – в смысле, совсем. Размером даже не с пальчик, а с... Блин, ну вообразите, каким малюткой надо быть, чтобы поместиться в

чьем-то ухе.

Наряд его в точности повторял одежду старика – старомодный полосатый костюм, да черный портфель с заклепками, – но был этот малыш раза в три моложе и в десять раз симпатичнее. И да, чтобы разглядеть его, мне пришлось склониться к телу близко-близко.

Видок, наверное, у меня был тот еще. По крайней мере, карох – позже я узнала, что зовутся маленькие человечки именно так – задрал голову, ухмыльнулся и помахал мне рукой.

– Не плачь красотка! – крикнул, а для меня все прозвучало едва уловимым писком. – Давно пора было сменить колымагау.

После чего ловко скатился с головы старика, и начал медленно удаляться. Ну, то есть, для него-то, полагаю, все происходило очень даже быстро, а вот я могла обогнать кароха за полшага.

Пока я наблюдала за этим чудом природы, лежащее на полу тело стало таять, буквально на глазах превращаясь в дым и просачиваясь куда-то в пол, и через несколько мгновений я уже в гордом одиночестве сидела на грязном полу универского коридора.

– Карохи, они... создают себе большие тела для общения с нами, – объяснила я поручику, который после моей истории замер в роденовской позе мыслителя. – Ну и привыкают. Жалко им потом расставаться, как нам с полюбившимися вещами и машинами. Вот и довел этот профессор свой «транспорт» до полного упадка.

– Обалдеть, – наконец выдал Ян. – Я бы тоже впечатлился. И... как такого узнать среди обычных людей?

– Ну... они бывают заторможены, часто задумываются, выпадают из реальности. Но то же можно сказать и о всяких там мечтателях, так что не советую проверять уши всякого, кто на мгновение завис.

Он рассмеялся, и я собралась было рассказать еще о ком-нибудь удивительном, но, похоже, всему хорошему действительно приходит конец...

Вот уже не думала, что назову отнюдь не добровольное пребывание в Секунде «хорошим».

– Привет неудачникам, – раздался из ниоткуда задорный голосок. – Не заскучили еще?

А в следующий миг из белизны прямо перед нами шагнул человек.

Я узнала его мгновенно, несмотря на то, что не видела несколько лет. По волосам, глазам, кривой усмешке.

Маминой усмешке.

Проклятье, ну ребенка-то они зачем приперли?

– Матвей, – поздоровалась я.

Поразительно, каких-то три года, и из смешливого лопухого мальчишки мой младший братец превратился в самоуверенного смазливового подростка. Ему ведь уже пятнадцать скоро. Жених...

- Чего расселись-то? – Тем временем продолжал «жених». – Там батя по ту сторону якорем работает. Надо выбираться побыстрее, пока у старичка сердце не отказало.

М-да, как быстро растут дети...

Плюс: мы не сгинем в Секунде.

Минус: не уверена, что это плюс.

Глава 10

*Все по-настоящему интересные вещи
существуют по ту сторону причинно-следственных связей.*

(с)Макс Фрай

Папа у меня... особенный. Очень.

Такой особенный, вместивший в себе столько граней и оттенков – а кто-то подозревает, что и личностей, – что Билли Маллиган нервно курит в сторонке.

Нет, он не маньяк, не психопат, очень даже общительный и радушный человек, просто своеобразный. Всегда прекрасно сознавая, кто он, что делает и чего хочет, папа порой стремится к вещам диаметрально противоположным и каким-то чудесным образом умудряется их совместить.

Бабушка говорит, это из-за того, что в нем сильны магия воздуха и ментальная. Дескать, воздушников в принципе вечно мотает туда-сюда, а менталы вообще любимые клиенты психологов и всяческих наставников по обретению равновесия и познанию дзен. И, мол, удивительно, как это папа к своим почетным пятидесяти пяти еще не стал воплощением пары Джекил-Хайд и не попытался захватить вселенную и потом сам же от себя ее спасти.

Но вот так уж вышло, не попытался. Да еще и живет вполне себе тихо и спокойно – относительно прочих членов клана Зеленцовых, – разве что изредка совершает всякие глупости. Вроде прошлогоднего прыжка с парашютом, после которого он неделю не мог встать – спину прихватило.

В детстве Виктор Зеленцов собирался стать криптозоологом и тащил в дом всякую магическую живность, какую только находил. Однако быстро в будущей профессии разочаровался: аккурат после того, как бабушка от

испуга испепелила одну из благодетельствованных тварей – кажется, то была ядовитая рушка, чья слюна вызывает галлюцинации – и поклялась, что следующий на очереди сам Виктор.

Тогда он занялся борьбой. Потом балетом. Потом собрался в армию. Потом возомнил себя великим актером и начал готовиться к поступлению в ГИТИС. Потом жизненные цели и приоритеты менялись еще раз пять – и это только то, о чем папа и бабушка соизволили поведать, – но в итоге ничто из запланированного не сбылось.

Мама утверждает, что на бухгалтера отец отучился только назло бабуле, которая без конца пилила его за витание в облаках – мол, вот тебе, получай, простая и приземленная человеческая профессия. Однако только зря время потратил – все равно магу такого уровня не позволили бы похоронить себя в цифрах и бумажках. И среди простых смертных.

Высшие щелкнули пальцами, и Виктора Зеленцова завербовали в Надзорный комитет. Всего лишь в отдел атмосферных явлений, но с явным расчетом на то, что когда-нибудь он его возглавит.

Счастливые времена – тогда нас еще не ненавидели все и вся за одну только фамилию.

До руководящего поста папа так и не добрался. То ли потому, что те самые времена изменились, то ли потому, что в первый же год работы отверг дочь начальника и женился на внучке неугодного комитету мага. Я не единожды пыталась выяснить подробности той истории, но мама на этом месте всякий раз начинала безудержно хохотать, а папа краснел, тушевался и умолкал.

В общем, к чему я все это...

Остепенившийся и застрявший на постоянной должности Виктор Зеленцов отнюдь не перестал тянуться во все стороны разом. Наоборот – теперь он как никогда нуждался во всевозможных отдушинах, коими и стали периодически совершаемые им глупости.

А еще творчество.

Папа уверен, что весь такой загадочный и таинственный, и что никто не в курсе, как он строчит по ночам свои шедевры, а потом печатает их за собственные деньги и рассовывает по книжным магазинам.

Но бабуля самолично ведет список его псевдонимов и отправляет обновления всей родне в ежемесячной смс-рассылке. А мама даже создала пару фан-сайтов, дабы потешить мужнино самолюбие. Остальные лишь регулярно скупают тиражи, поддерживая видимость читательского интереса и ограждая невинных людей от пагубного воздействия воображения моего отца.

Он пишет все.

От лирических стихов в стиле четырнадцатилетней влюбленной девочки до кровавого треша, когда «все умерли особо изощренной смертью, и просвета нет». И, к сожалению, выбираясь из ведьмовской Секунды, я понятия не имела, кто ждет нас по ту сторону – внебрачный сын Джорджа Мартина и Стивена Кинга или дитя фей и Мэри Поппинс, трепетно возвращенное среди цветов, единорогов и бабочек.

Судя по коварной усмешке Матвея, скорее первое.

Вы не подумайте, отца я никогда не боялась, отпрысков он от своих крайностей по максимуму бережет, но разумная доля опасений еще никому не повредила. Так что, глядя на путеводную нить, которую Матвей сматывал в сияющий клубок – кстати, почему у меня такого нет? – я украдкой вытирала вспотевшие ладони о джинсы и мысленно готовилась к худшему.

Из пустоты мы вывалились прямиком к крыльцу Магического управления с подсвеченными ступеньками, дабы задержавшиеся работники или поздние посетители не свернули шеи.

И да, над городом уже сгустился вечер.

Накрапывал легкий дождик, со всех сторон доносились гудки машин, угодивших в неожиданную в такой день и час пробку, а большая часть окон огромного здания управления радовала глаз непроглядной тьмой.

Я покосилась на молчаливого Яна и поняла, что, кажется, забыла ему сообщить о возможности разного течения времени в реальном мире и в Секунде. Просто все зависит от воли хозяина, и, честно говоря, я и сама не знала, установила ли ведьма для нас такую «перемотку».

Стоило догадаться – стерве ведь нужна была фора, на случай, если б я смогла выбраться самостоятельно. Но мне такое не по силам, зато наши пять минут в пустоте превратились в несколько часов снаружи. Похоже, на большее ее артефакт не способен.

Можно сказать, повезло... Эх, нечасто я апеллирую подобными словечками относительно собственной жизни.

Итак, вечер, гудки машин, дождь, крыльцо, папа.

Вполне себе добродушно улыбающийся – правда, не нам, а собственному отражению в зеркале... компактной серебряной пудреницы. И так как именно к ней тянулась путеводная нить от рук Матвея, подумать что-то не то я не успела, зато сразу поняла, что Метелька выбрала для своего артефакта крайне непрактичную вещицу.

Такая и разобьется, и потеряется, и забудется на столе... Не знаю, как у прочих, но, по-моему, косметика – это далеко не то, что всегда при тебе.

Хотя что я понимаю в косметике и ведьмах-феминистках?

Как бы то ни было, хрупкая пудреница в медвежьих лапищах моего довольно крупного отца смотрелась странно и презабавно. Я даже очень недальновидно фыркнула, чем тут же привлекла к себе внимание. Папа словно очнулся. Согнал с лица улыбку, оглядел нашу троицу сверху донизу, посуровел и, с едва слышным в вечернем шуме щелчком захлопнув пудреницу, бросил ее себе под ноги и раздавил каблуком.

Любит он у нас такие... театральные жесты. Говорит, мол, корни сей любви уходят в творческую юность, но мы-то знаем, что папа просто «репетирует» сцены, которые потом использует в своих нетленках. Надо сказать, описания у него получаются довольно красочные.

Уверена, вскоре и разбитая пудреница перекочет на страницы очередного романа вместе с какими-нибудь «острыми осколками, что загадочно мерцали в желтом свете фонарей, будто окна в десятки иных миров, отражая хмурое вечернее небо, бледные лица людей и козырьки потемневших от дождя зданий».

– Во-первых, мать сама будешь успокаивать, – прогремел зычный голос отца, отрывая меня от созерцания припорошенных бежевым порошком осколков и упавшей в лужу пуховки.

Матвей уже смотал клубок и теперь перебрасывал его из руки в руку, словно горячую картофелину, и, кажется, что-то насвистывал. А папа, хоть и обращался явно ко мне, смотрел исключительно на Яна – внимательно так смотрел, настороженно, с долей агрессии. Поручик отвечал своим коронным спокойным взглядом.

– Во-вторых, – продолжил отец, сильнее сдвигая брови, – перед бабушкой тоже сама отчитаешься.

Я покорно вздохнула и поймала себя на нелепом желании поковырять пол носком кроссовки. Прямо как в детстве.

– В-третьих, с шефом твоим поговорю я. – Я вскинулась было, но и рта открыть не успела, как папа добавил: – Носится со своей обидкой как пятилетняя соплюха. Давно пора его встряхнуть.

Обидкой? Значит, они все-таки в курсе, за что Ковальчук на меня зуб точит? А отнекивались-то... Но сейчас я не могла предъявлять претензии. Да, нападение – лучшая защита, однако тут степень вины несравнима. Я действительно проштрафилась по-крупному, а они всего лишь не раскрыли один из множества своих секретов.

– Ну и в-четвертых, – добил папа, – какого черта ты сунулась в чужую Секунду?

Наверное, я скосила глаза на Яна и даже чуть склонилась в его

сторону, потому что отец отреагировал мгновенно:

– На него даже не смотри! Он несведущий, так что в таких ситуациях тебе положено соображать за двоих. И останься ты снаружи, толку было бы больше.

А-то я не знаю.

– Пап...

– Не папкой. – Он наконец оторвался от лицемерия светлого лица поручика и зыркнул на меня: – Представила бы, что ли.

– Старший следователь Ржевский, – оживился Ян, до того явно думавший о чем-то своем. – Следственный отдел по Заволжскому району.

Папа изогнул бровь, и я поспешно вставила, в точности скопировав услышанное в день нашей первой встречи:

– Да, Ржевский. Нет, не поручик. Майор юстиции. – Потом подумала мгновение и добавила уже от себя: – Ян.

– Виктор Степанович Зеленцов, – важно кивнул отец и пожал протянутую руку.

Я залюбовалась, а следом испугалась, осознав, насколько похожи эти двое. Не мастью – все же папа достаточно смуглый брюнет, а Ян светлокос и светловолос, – но ростом, шириной плеч, выправкой, грубоватыми чертами и острыми взглядами...

Неужели старик Фрейд был прав, и Ян мне нравится из-за его сходства с моим отцом?

Стоп. А с каких пор Ян мне нравится в *этом* смысле?

Пока я пыталась разобраться в своих судорожных мыслях, мужчины обменялись парой фраз – и я даже под пытками не вспомню, о чем они говорили, – а потом папа развернулся к Матвею:

– Возвращайся к бабушке, скажи, что все нормально.

– Но... – запротестовал было мелкий, но, получив в ответ фирменный отцовский взгляд в стиле «я тебя породил...», скривился и мгновенно исчез в алом кольце портала.

И с каких пор младший у нас тоже пограничник? Еще и огненный... А я в его возрасте только в невидимку играла да свечки зажигала во время рождественских гаданий, чтоб несведущих подружек поугатать.

«Завидовать нехорошо», – одернула себя и подняла глаза на папу.

– Идем, горе луковое, – вздохнул тот. – Надо ж узнать, во что ты вляпалась.

* * *

Узнавать, во что я вляпалась, папа решил без моего непосредственного участия и даже присутствия и, едва мы миновали пустой мрачный холл

первого этажа и поднялись на второй, взглядом указал нам с Яном на жутко неудобные коридорные кресла, а сам устремился к кабинету Ковальчука.

Я послушно села, подождала, пока за отцом закроется дверь, и снова вскочила на ноги.

– Подслушивать будешь, – не спросил, а констатировал поручик.

– Буду, – не стала врать я.

И, схватив его за руку, поволокла в конец коридора.

– Я-то там зачем? – вяло возмутил Ян, впрочем, не оказывая физического сопротивления.

– Начальство любит ловушки для любопытных. Я их не замечу, а ты проявишь.

– Ну конечно, я ж великий проявитель.

– Тс-с, – цыкнула я и подтолкнула его к двери.

Скорчив скептическую гримасу, поручик скрестил руки на груди и замер недовольным памятником самому себе.

– Долго стоять? – спросил шепотом.

– Думаю, уже можно.

Странно, но ловушек не было. Ни одной. Даже банальная звуковая защита не проявилась. Неужели дело все-таки не в Яне? Или Ковальчук окончательно зазнался и решил, будто его все настолько боятся, что и так не сунутся?

Сомневалась я ровно пять секунд. Затем глубоко вдохнула, зажмурилась и осторожно прижалась ухом к двери.

Меня не шибануло током, не оглушило и даже не отбросило на несколько метров.

Наоборот – я услышала голоса. Громкие, отчетливые.

Вот только говорили отнюдь не отец с Ковальчуком, а охотники – трое, если не ошибаюсь: мой любимый Рогожин, вездесущий Махов и так и не избавившийся от акцента Антадзе.

Даже не пытаясь вникнуть в суть разговора, я отпрянула, хмуро огляделась и вновь припала к стыку между косяком и створкой.

– Что такое? – зашипел рядом Ян.

Кажется, кое-кому тоже не чуждо любопытство.

– Тихо.

Охотники общались на повышенных тонах. Махов явно злился, Рогожин поддакивал, а Антадзе пытался всех успокоить.

– ...на руку, – убеждал он.

– С чего вдруг? – рычал Махов. – Пока только работы прибавилось, а результата нет...

- Будет, не все сразу.
- А если она догадается? – влез Рогожин.

На секунду повисло молчание, а потом раздался дружный ржач и чье-то «Ага, как же!»

Это о ком они такого хорошего мнения? Знаю, я мнительная, но когда слышу от них какую-то гадость, сразу тяну ее на себя... Хотя с чего охотникам говорить обо мне в таком странном контексте?

– Короче, если что, сам перед главным отвечу, – продолжил Антадзе, отсмеявшись.

– А то главного будет волновать, кто виноват...

– Пока никто и ни в чем не виноват. Занимайтесь делом. Надо со смертью Беляка разобраться. Ведьма почти раскололась, зачем ему...

Меня внезапно дернули за плечо и потащили прочь от кабинета.

– Какого?.. – попыталась было вякнуть я, но, едва поручик швырнул меня в кресло и плюхнулся рядом, Ковальчуковская дверь распахнулась и наружу вышли...

Как ни странно, не охотники, а папа и шеф собственной персоной. Первый – внезапно спокойный и улыбчивый, а второй – взъерошенный, наэлектризованный, будто ему по голове воздушным шариком елозили, и злой как черт.

– За мной! – рывкнул Ковальчук, и мы с Яном, словно заводные, переглянулись и поднялись.

Ну и пошли, соответственно, раз уж встали.

Папа мимоходом умудрился нам лукаво подмигнуть, после чего ускорился и, обогнав всю компанию, пошел первым, точно он тут хозяин и сам приведет нас, куда нужно. Я даже по прямой как доска спине шефа и по его практически пульсирующему затылку видела, насколько он зол. Надеюсь, сумеет сдержаться и не набросится... Папа у меня все-таки один.

Поручику явно хотелось узнать, что такого я подслушала, и он всю дорогу на меня косился, но задать свои вопросы по понятным причинам не мог. Я же шагала вперед на автомате, не особо задумываясь, куда и зачем мы, собственно, идем, ибо мысли были заняты сразу несколькими важными темами.

Во-первых, конечно, услышанный разговор.

Казалось бы, ну что тут криминального – охотников явно волновало какое-то из текущих дел, в котором они использовали некую «ее». Она не должна была о чем-то догадаться, и пока ее участие лишь добавляло им проблем, но Антадзе считал, что это не проблемы, и перед главным грозился ответить.

Смущало меня два пункта. То, что сразу после этого он вспомнил про смерть Беляка – а это, между прочим, наша с поручиком жертва – и почти расколовшуюся ведьму. И то, что Ковальчука «главным» никто из этой троицы никогда не называл. Собственно, так его только Липка Аббасова величала, да и то, скорее, эдак насмешливо-снисходительно.

Первое может быть совпадением – ну пообсуждали нынешние дела, ничего страшного, – а вот второе очень настораживало.

Наши охотники подчинялись Ковальчуку напрямую, всю нужную информацию получали от него и, насколько мне известно, с другими шишками из управления и прочих инстанций даже не пересекались. Так какой еще, к черту, главный?

Во-вторых, я пыталась понять, как вообще смогла их подслушать.

На ум приходило два варианта: либо Ковальчук сам следил за подчиненными столь экстравагантным способом, и присутствие Яна проявило его прослушку, либо на двери все же стояла защита, неподвластная влиянию поручика, и она просто «перенаправила» меня в другой кабинет.

В любом случае странно все это...

Ну и в-третьих, я, разумеется, переживала о состоявшейся беседе папы и шефа.

Меня, в общем-то, уже не особо волновали дела минувших дней и Ковальчуковская «обидка», а вот собственная судьба – очень даже. Папа ведь уедет. Вместе с бабушкой, дядей и теми, кто там еще явился «защищать меня от грядущего». А мне тут жить и работать. Зря они так...

Всегда ненавидела, когда родители прибегали в школу, дабы отстоять честь кого-то из нас, детей. А уж когда вместо школы Магическое следственное управление... И смешно и грустно.

Если б Ян не поймал меня за руку, я бы так и шла себе дальше – напрямиком в стену. Оглядевшись, я поняла, что мы немало коридоров уже миновали, и наверняка он по-джентельменски безропотно помогал мне сворачивать на каждом углу.

Потом поблагодарю.

Эта часть здания была мне знакома: темно-синие стены, линолеум, мимикрирующий под паркет, и минимум дверей. Всего три штуки на широченный и достаточно длинный коридор. Зато какие – мощные, железные, навевающие мысли о банковских сейфах. Сразу видно, что за ними прячут либо что-то важное, либо что-то опасное.

На самом деле по ту сторону располагались вполне себе уютные допросные. С мягким светом и удобными стульями. Никаких

металлических столов с перекладной для наручников и зеркальных стен, за которыми могут спрятаться наблюдатели.

Кому надо, те подглядывают иными способами. И признание вытащат, не моря подозреваемого голодом в холодной темнице. Маги мы, или где.

Но зачарованные от всякой всячины двери все же необходимы, ибо клиенты нам порой попадаются весьма специфические, а некоторые и вовсе не жаждут тут сидеть, даже на самом удобном в мире стуле.

– Зачем мы здесь? – прямо спросил Ян, когда Ковальчук велел охраннику открыть среднюю дверь, и тот завозился с замком.

– Ну это ж ваше дело, – скривился шеф, покосившись на папу, который с невозмутимым видом следил за каждым движением охранника. Кажется, новый отцовский роман рождается прямо на моих глазах. – И ваша подозреваемая. С таким риском за ней... гнались. Имеете право задать свои вопросы.

Думаю, поручик, как и я, с трудом сдержал скептический смешок.

Но вообще, вопросы – это хорошо. Даже если задавать их придется в присутствии Ковальчука. Ведь, раз нас сюда пускают, дело еще не раскрыто. Да и, по словам охотников, ведьма «почти» раскололась, а «почти» в нашем мире ничего не значит.

– У вас десять минут, – объявил шеф, распахивая дверь. – И я, если никто не против, поприсутствую. Неоценимый опыт, знаете ли, следить за чужим допросом.

* * *

Если б я не знала, что за наши пять минут в Секунде в реальности пролетел целый день, то, увидев Метельку, сразу бы поняла.

Ведьма заметно поистрепалась и запылилась. А еще явно жутко хотела спать, так что даже забыла испугаться или хотя бы напрячься при явлении еще одной партии дознавателей. С трудом разлепив припухшие глаза, она обвела комнату невидящим взглядом и снова понуро опустила лохматую голову.

А коса-то накладная... шиньон на заколке!

Почему-то от осознания чужого несовершенства на душе стало легче.

Я продолжала разглядывать перекрученную рваную юбку, помятую блузку с пятнами пота под мышками, размазанный макияж, и в последнюю очередь обратила внимание, на руки, в которых ведьма из последних сил держала крупное ядовито-зеленое... яйцо.

Проклятье.

Только я решила, что хуже о родимом управлении уже никогда не подумаю, и пожалуйста...

Нет, у нас тут не совсем психи собрались, и у вышеозначенного яйца имелись вполне определенные функции, просто до этого момента я свято верила, что минусы сего изобретения видны не только мне, но и руководству.

Наивная.

Итак, зеленое – не спрашивайте, почему – яйцо вроде как было призвано заменить наручники, которые (даже зачарованные) для магически одаренных заключенных все равно что детские пластиковые игрушки. Яйцо кладут в раскрытые ладони «пациента», и положить или бросить его тот уже не может. Так и сидит, держа перед собой на коленках, точно послушный первоклашка.

Убегать или делать резкие движения, пока в руках сей загадочный предмет, тоже не рекомендуется. Яйцо на самом деле очень хрупкое, а, разбившись, ошпарит руки так, что потом ни один хирург не спасет.

В общем, наши экспериментаторы извратились по полной. Лично я считаю эту гадость аморальной и противозаконной, но моего мнения почему-то никто не спрашивал. Знаю, что в главное управление поступала еще парочка жалоб, но ответ руководства был однозначен: проект экспериментальный, внедрен всего в трех точках, и судить о его эффективности пока рано – прошло всего несколько месяцев. Дескать, вот когда проверим яичко во всех возможных условиях...

И я даже знала, чем все закончится.

Эксперимент будет считаться завершенным, только когда кто-нибудь не выдержит и разобьет эту зеленую гадость. Далее: травма, иск, суд. Возможно, небольшой скандал, если просочится в прессу. Ну и как результат – зеленые яйца канут в небытие.

И зачем тогда все это?

Впрочем, вопрос риторический. А нам пора было задавать насущные.

– Ольга Станиславовна, – начал Ян, присаживаясь напротив ведьмы, и та медленно подняла голову, очевидно, среагировав на вежливый тон. – Позвольте задать вам пару вопросов?

Метелька только хмыкнула и закатила глаза, мол, а то ей есть, куда деваться.

А в следующий миг ее лицо волшебным образом преобразилось.

Сонливость и усталость будто волной смыло, ухмылка тоже оплыла как восковая свеча, а глаза вытаращились и налились кровью. Вот не шучу, действительно покраснели, точно все капилляры разом полопались.

И кажется, все поняли, что послужило причиной столь разительной перемены.

Я.

Ведьма заметила меня.

– Ты, – прошипела она, ни капли не заботясь о том, что с уголка некогда соблазнительного рта капает слюна. – Ты! Это она! Она! – Метелька повернулась к Ковальчуку и вскинула руки, опасно сжав кислотное яйцо. – Та самая рыжая баба из кафе! Я же вам говорила...

Не знаю, чего она ожидала, но шеф только брови вскинул. Я перевела ошалелый взгляд с него обратно на ведьму, потом на Яна, отметив, что он удивлен не меньше моего, а когда опять посмотрела на Метельку, та резко бросилась вперед не хуже бешеного ротвейлера.

Яйцо треснуло где-то на полпути.

Руки ведьмы с идеальным маникюром заволокло едким дымом, и она истошно завопила.

Ян тоже вскрикнул и за плечо оттащил меня к стене, по дороге посшибав стулья.

И Ковальчук заорал – велел охраннику вызывать целителей.

По ту сторону двери кричал матом папа.

Ну и я закричала. За компанию.

И потому что понятия не имела, какого черта происходит.

Плюс: «баба» из уст ведьмы – это почти комплимент, могла ведь назвать и похуже.

Минус: ...ох, даже не знаю, с чего начать...

Глава 11

Когда человек перестает что-либо понимать, он на верном пути.

(с) Макс Фрай

В детстве, когда я безудержно рыдала над очередным выстриженным из-за вражеской жвачки клоком волос или домашней работой, которую – взаправду! – съела собака, мамуля потчевала меня сказками о двух сестрах.

Звали их, кто бы мог подумать, Удачка и Невезуха, и живописала мама приключения этих негодниц в деталях и красках. Не буду утомлять вас подробностями, но суть всегда сводилась к следующему: глупые людишки Удачку без Невезухи не ценили, привыкали к ней, воспринимали как должное, а потому Невезуха отрывалась по полной, подготавливая народ к явлению сестрички, чтоб неповадно было. Добровольно жертвовала своей репутацией, вызывала огонь на себя, ведь на черном фоне белое смотрится еще ярче.

Ну и, соответственно, мораль: коли все совсем паршиво, жди пришествия Удачи.

Я ждала. Считала Удачку лицемерной тварью, которая пользуется любовью сестры, но ждала. Все свои двадцать шесть лет – ну ладно, чуть меньше, учитывая первые малосознательные годы. Порой даже казалось, что сей светлый миг уже близок и страдать осталось совсем чуть-чуть...

Но любое предчувствие в итоге оказывалось обманом. Невезуха прикипела ко мне, как к родной, и уступать место сестре не собиралась.

В какой-то момент устаешь переживать и бороться, вот и я смирилась. Забила на рефлексию и двинулась по жизни с гордо поднятой рыжей головой, к которой по-прежнему липли вражеские жвачки. Буквально и фигурально. И даже научилась оценивать свое невезение по десятибалльной шкале, радуясь и семеркам, и восьмеркам – не десятки, и слава всем святым.

Так вот: ныне эта шкала доказала свою полную несостоятельность, ибо происходящее тянуло минимум на двадцатку.

Меня заподозрили если не в убийстве, то точно в соучастии и в сокрытии от следствия важной информации.

Но обо всем по порядку.

Я плохо помню, как закончился вечер. Точнее помню все, но это похоже скорее на нарезанные кадры фильма, чем на нормальные впечатления от пережитого на собственной шкуре.

Помню, как ведьму уволокли в лазарет, как папа орал на Ковальчука, Ковальчук – на какого-то лысого мужика в галстук-бабочке и с пенсне, а лысый мужик – на меня. Потом все внезапно затихли и разошлись по углам, что-то бурча в телефоны. Даже поручик сделал пару звонков, но, хоть он и стоял рядом, по-прежнему сжимая мое плечо, я не расслышала ни слова.

Ну а потом, собственно, я и догадалась, что меня в чем-то подозревают, потому как щуплый пучеглазый лаборант научного отдела, жутко похожий на Сквидварда из «Губки Боба», всучил мне склянку с мутной серой жижей и велел выпить.

Пахло на удивление приятно – кажется, клубникой, – и мозг быстренько откопал нужные сведения о непривлекательном на вид питье со сладким ароматом.

Зелье возвращения.

Еще один продукт наших зеленояичных экспериментаторов. Правда, применяется оно уже не первый год и вполне успешно, разве что с единственным побочным эффектом, доставившим мне той же ночью немало приятных минут в уборной, говорить о которых я не хочу.

Готовится зелье долго и с применением редких и дорогих

ингредиентов, так что прибегают к нему только в крайних случаях. Когда надо кого-то отпустить, но убедиться, что этот кто-то благополучно вернется на следующий день – сам и со стопроцентной гарантией. Сама видела, как недовольного подозреваемого, уже стоявшего в очереди на рейс в какой-то там Гондурас, ноги, будто обретшие собственный разум, привели прямоком в управление, только не в наше, а в ближайшее к аэропорту – московское, где я тогда оказалась совершенно случайно. Еще смеялась, дескать, а с самолета он бы тоже сиганул?

И не думала, что когда-либо испытаю действие зелья на себе, но неисповедимы пути...

В общем, после еще одной партии препирательств папы и шефа жижу таки пришлось выпить. Я решила, что лучше добровольно, чем в меня ее зальют. А потом я отправилась домой. Под ручку с отцом. Чувствуя себя распоследней идиоткой и беспрестанно оглядываясь на Яна, который остался что-то обсуждать с Ковальчуком.

Странный вечерок. В кои-то веки у меня не было желания задавать вопросы и что-то выяснять. Я в принципе думать не могла, пришибленная открывшимися перспективами.

Еще помню, что всю дорогу до дома папа бухтел себе под нос, грозясь разнести управление по камешку, сгноить каждого причастного в Гуантанаме – не спрашивайте, почему именно там – и расширяя мой словарный запас шедевральными оскорблениями. Даже пребывая в мысленном вакууме, я оценила образность и точность высказываний.

Ну и последнее, что помню, это как папа втокнул меня в мою же квартиру – пустую и безмолвную, – пробормотал:

– Ты, главное, не волнуйся. Разберемся.

И ушел в ночь.

Я как-то отвыкла быть не в курсе происходящего непосредственно со мной, но в этот раз, даже останься отец рядом, вряд ли смогла бы внятно сформулировать хоть один вопрос или ответить на чужие. Так что даже не попыталась его остановить. Не попыталась позвонить бабушке или еще кому-то из родни. Не попыталась сама с собой «обсудить», что за хренотень сегодня случилась. И не разволновалась из-за отсутствия Дашки.

Просто прошла в комнату и, не раздеваясь, завалилась на кровать.

А после бессонной ночи, о которой я уже пообещала не говорить, как миленькая собралась и потопала в управление. Когда подействует зелье, ждатель не стала – каюсь, любопытно было, не каждый же день ноги начинают жить своей жизнью, но острых ощущений мне в последнее время и без того хватало.

Ковальчук явился в допросную, где меня с удобствами разместили, ближе к полудню. Кстати, там я наконец сумела прийти в себя, встряхнулась и даже сделала кое-какие выводы, которые осталось только подтвердить...

– Ну здравствуй, – как-то излишне устало вздохнул шеф, присаживаясь напротив.

А я, заметив в его руках деревянную коробочку, в каких хранят клятые зеленый яйца – вообще, формального названия у них еще нет, а в документах они значатся как «сдерживающие элементы», – отпрянула:

– Только попробуйте сунуть мне эту гадость – клянусь, нарочно разобью, себя не пожалею, но с вас за два случая подряд тоже шкуру спустят.

Ковальчук только хмыкнул и поставил коробку на стол между нами. Очевидно, ничего мне совать и так не собирались, а с собой прихватили не то для устрашения, не то для отчетности.

– Тебе повезло, – начал шеф. – Химики что-то там недоработали в составе, так что пара визитов к целителям, и у ведьмы даже шрамов не останется.

– Мне повезло? – Я в шоке открыла и закрыла рот.

– Ну да. Адвокат Метельки счел твое присутствие при допросе намеренной провокацией, грозился штрафом в случае увечья.

– Так это тогда управлению повезло, – проворчала я, когда вернулся дар речи.

– Дело в том, – ласково произнес Ковальчук, – что ты и управление, вероятно, в скором времени будете отвечать каждый за себя.

Я почувствовала, как начинают дрожать губы, а на глаза набегают предательские слезы. Сдерживаться сил уже не было.

– Зеленцова, ты это... – испугался шеф, – ты там реветь, что ли, собралась? Прекращай. Прекращай, кому сказано!

– Прошу прощения, опоздал, – раздался знакомый голос, и я сначала шмыгнула и поспешно вытерла тыльной стороной ладони глаза, и только потом обернулась к открывшейся двери.

Ян мое состояние оценил слету. Нахмурился, поджал губы, зыркнул на Ковальчука.

– Я ни при чем, – поднял руки тот, а мне разом полегчало.

Может, от присутствия поручика, может, оттого что после слов шефа он вдруг улыбнулся – едва заметно, но именно мне, – а может, пущенная слеза действительно помогает. В конце концов, Дашка всегда советовала ничего не держать в себе...

Ян тоже сел, что-то сказал шефу – да, засмотрелась, проворонила, – и в следующий миг передо мной опустили снимок молодого мужчины.

Лицо крупным планом, со всеми морщинками и неровностями. Мой ровесник или чуть старше, но точно не больше тридцати. Острые скулы, выгоревшие светлые волосы торчком, как у этих серферов из американских молодежных фильмов. Внешность приятная, но красивым я бы его точно не назвала – недовольное и даже несколько презрительное выражение портило впечатление. И глаза – бледно-голубые, водянистые. Тусклые и почти лишенные жизни, притом фотка-то качественная и яркая.

Внутри заворочалось беспокойство. И чем больше я вглядывалась в худощавое лицо, тем сильнее оно становилось. Я могла поклясться, что вижу этого парня впервые, но открыть рот и сказать это вслух почему-то не получалось.

– Узнаете, Софья Викторовна? – перешел на официальный тон Ковальчук.

– Нет, – честно призналась я.

– А если подумать?

– И если подумать.

– А имя Антон Николаевич Беляк вам ни о чем не говорит?

– Беляк – это наша жертва, – моментально ответила я, и только потом до меня дошло. – Так это он?

Я подняла глаза на мужчин и стала свидетелем прелюбопытнейшей сценки. «Я знаю, что ты знаешь, но он не должен знать, что я знаю, потому что знать мне вроде как не положено» – вот, что читалось на обоих лицах, только у шефа с оттенком злости, а у поручика с легкой примесью раздражения.

Что ж, их можно было понять.

Ковальчук действительно знал, что я не просто была на месте преступления, но и какое-то время провела в комнате с трупом, пока подслушивала разговор Яна и судмедэксперта. Вот только даже разглядывая след от ментальной читки, я старалась не обращать внимания на мертвое лицо. На кой оно мне? Чтоб кошмары свои разнообразить?

Ну а Ян при мне же показывал Чудику снимок жертвы, но и тогда я не соизволила к нему присмотреться. Мне, в общем-то, без разницы, как выглядит убитый, я ж не замуж за него собралась. А еще Ян тоже знал, что я была на месте преступления. И если я вдруг окажусь причастна, а он меня отпустил, никому не сказав ни слова...

В общем, мои уважаемые коллеги теперь угодили в весьма затруднительное положение. Ковальчук не мог упрекнуть меня во лжи, не

раскрывая при этом непосвященному тайну существования брежневых. А поручик явно просто не хотел выдавать подробности нашего похода в магическую лавку, раз уж отчеты я пока не написала. Ну и себя, наверное, подставлять не хотел. А может, и меня.

Весело, ничего не скажешь.

– Впервые вижу, – на удивление ровно произнесла я и даже сама себе поверила, хотя внутри все так же копошился червь сомнения.

– Что ж, – вздохнул шеф, – а вот мы можем доказать, что вы врете.

Я выпучила глаза: неужели?..

– Во время вчерашнего допроса гражданка Метелька не единожды упоминала некую рыжую... даму, с которой Антон Беляк встречался незадолго до смерти. Собственно, вполне вероятно, что эта дама – последняя, с кем он беседовал. Ну а момент, когда Метелька опознала в рыжей даме вас, Софья Викторовна, наше управление запомнит надолго.

– И вы, конечно, сразу же гражданке Метельке поверили? – фыркнула я и скрестила руки на груди.

– Не сразу же, – вмешался поручик.

Голос его звучал до жути серьезно, а в лицо и вовсе было страшно смотреть.

– Тебя опознали бариста и официант, а также засняла камера видеонаблюдения, – продолжил Ян. – Соня, мы знаем, что ты встречалась с жертвой за пять часов до установленного времени смерти.

– Да я знать его не знаю! – воскликнула я и даже подскочила, но Ковальчук демонстративно водрузил руку на коробку со «сдерживающим элементом», и пришлось опять прижать зад к стулу. – Я не знаю этого человека, – повторила уже спокойнее. – Никогда с ним не встречалась ни в каких кафе.

– Соня...

– Софья Викторовна, – перебил Яна шеф, – все уже подтверждено и задокументировано. Не знаю, что за игру вы ведете...

– Да какие игры! – вновь сорвалась я. – Я имя-то трупа узнала только вчера утром. И не видела его никогда прежде. Может, и выпадала возможность, – я со значением глянула на каждого из мужчин, – но не отложилось в моей памяти этого лица.

Наверное, мой намек все же поняли. Ян нахмурилась, а Ковальчук разозлился пуще прежнего, даже покраснел до моего любимого свекольного оттенка.

– Готова предстать перед вещуном, – припечатала я, уставившись ему прямо в глаза и не давая вновь завести свою шарманку – Софья Викторовна

то, Софья Викторовна се... – Имею право.

– Даже так... – протянул шеф.

– Что за вещун? – спросил Ян. – Предсказатель? Разве поможет тут видение будущего?

Я проигнорировала предостерегающие взгляды начальства и ответила:

– И будущего, и прошлого, и явного, и скрытого, и сказанного, и затаенного. Вещунами их называть для удобства, а видят они истину.

И плевать на все. Если уж пустили поручика на допрос, должны были догадаться, что он тут кое-что услышит, а понимать яростные зырканыя Ковальчука я не обязана.

– Всю истину, – напомнил тот. – До последней капли. – Помолчал немного и добавил с неожиданно тяжким вздохом: – Тебе совсем нечего скрывать, идиотка?

О, секретов у меня хватало. Ну как секретов – секретиков. Обычных, человеческих, женских. Грязные трусики под подушкой, о которых я все время забываю; подаренная мамой ваза, которую я якобы храню на торжественный случай, а на самом деле давным-давно разбила; внезапная симпатия, а возможно, уже даже влюбленность в человеческого следователя, с которым довелось поработать...

Вещуны, конечно, имеют привычку при свидетелях бормотать вслух обо всем, на что натываются, да еще и мозг вскипятят так, что потом месяц буду в себя приходить.

Но ведь сущие же пустяки? По крайней мере, в сравнении с выдвинутыми обвинениями.

Хотя... в чем меня, собственно, обвиняют?

– Вы думаете, я его убила? – спросила в лоб.

Ковальчук открыл рот, но Ян оказался быстрее:

– Мы знаем, что ты была с Беляком в кафе. Ольга Метелька следила за любовником подозревая в измене. Она уверяет, что он что-то тебе подарил, и что общались вы весьма... – он замялся и скривился, – интимно. Во время слезки Метелька столкнулась с кем-то из старых врагов, завязалась драка, и обеих дам увезли в ближайшее отделение полиции, где они и просидели до утра.

– Так что, – перехватил бразды правления шеф, – как видишь, у ведьмы алиби железное. Беляк скончался, когда она пыталась задурить голову полицейским. А ты, по показаниям свидетелей, вышла из кафе вместе с жертвой и даже села в его машину.

Я вновь, точно рыба, беззвучно открывала и закрывала рот.

– Где ты была с девяти вечера среды до восьми утра четверга? –

продолжил Ковальчук. – Что в восемь-тридцать ты явилась на работу в образе феи-переростка, я в курсе.

Допустим, явилась я в нормальном образе. Это потом уже поспорила, проиграла, и ближе к полудню охотники всучили мне новый сногшибательный наряд. Но сейчас имелись проблемы поважнее, чем неточность в высказывании шефа...

– Я... – Начало было громкое, уверенное, наглое. А потом я кое-что поняла и закончила едва слышно: – Я не знаю.

– Что?

– Я не знаю!

Я вспомнила, что именно об этом вечере так и не смогла ничего поведать бабушке во время недавнего допроса. Но тогда я все списала на усталость и нервное напряжение, а теперь... теперь по-настоящему испугалась.

– Ладно, хорошо, – опять вмешался Ян. – Что последнее ты...

Его прервало кипенно-белое кольцо портала, вспыхнувшее прямо посреди допросной – в каких-то трех шагах от стола, что разделял меня и дознавателей. Я не сразу сообразила, что происходит, и когда в комнату ворвался вихрь, снес поручика вместе со стулом к стене, а Ковальчука схватил за горло и приподнял над полом, еще какое-то время сидела и тупо пялилась в опустевшее пространство перед собой.

Зато когда отвисла и как следует рассмотрела нового участника событий...

Пожалуй, охватившие меня в тот момент чувства лучше всего назвать «смешанными». Потому что приятно, конечно, когда обидчик болтается в чьих-то сильных руках как сарделька в зубах кота, но, во-первых, шеф вроде как просто выполнял свою работу и пока даже вел почти спокойный диалог, не пытаясь меня запугать. А во-вторых, было б проще, если б защитником оказался кто-нибудь не из Зеленцовых.

– Игорь, прекрати!

Плюс: давно мечтала броситься брату на спину и как следует его укусить.

Минус: кто ж знал, что Ян в тот же момент попытается оттащить незваного гостя от Ковальчука? Кажется, кого-то не того я укусила...

Глава 12

– Бленкин, а как же честь? Куда она девалась?

– Не знаю, господин, я не брал.

(с) Терри Пратчетт

Когда-нибудь потомки сложат легенды об этом эпическом сражении...

Точнее о моем эпичном фиаско, в-руку-укушенном поручике и товарище Ковальчуке, что ценой невероятных усилий вырвался из железной хватки врага народа и... устроил банальную пацанскую драку.

Да, благодаря нашему с Яном вмешательству, братец мой несколько сдал позиции, однако быстро стряхнул с себя балласт и почти успел отбиться от первого хука шефа. Почти. Скулу все-таки зацепило, и Игорь отлетел к столу. Ковальчук бросился следом, а я тихонечко отволокла погрызенного поручика в самый дальний уголок, чтобы уже оттуда наблюдать за представлением.

– Может, разнимем? – поинтересовался Ян, глядя, как теперь уже шефа сбивают с ног мощным ударом в челюсть.

– Тебе одной попытки не хватило? – фыркнула я.

– Если бы не ты...

– Да-да, я корень всех зол, причина всех бед, источник всех...

– Соня, хватит.

Я обиженно надулась.

Знаю, знаю, он мне ничего не сделал и вообще золотой мужик, помочь пытается, дверцу машины открывает, отцовский и бабулин взгляды не морщась выдерживает, но бурлящие внутри эмоции требовали выхода, и этот вариант казался самым безопасным.

– Ты правда собралась к этому... вещуну? – вновь подал голос Ян и с шипением скривился, когда немаленький кулак моего брата угодил Ковальчуку под дых.

– А я правда есть на записи камер из кафешки?

– Правда.

– Ну вот и у меня правда.

Наверное, будь я простым человеком, тряслась бы сейчас от ужаса. Как, ну как меня могли видеть там, где я не была, с тем, кого не знаю, и тогда, когда кусок моей памяти волшебным образом испарился? Невероятно. Немыслимо. Жутко.

Но я все-таки маг, пусть и весьма посредственный. А потому, немного успокоившись и осознав, куда именно влипла, тут же попыталась найти происходящему простое и логичное объяснение.

Вариантов получалось всего два. Либо свидетели и камеры видели не меня, а кого-то очень на меня похожего, а не помню я ничего, потому что память дырявая. Либо я все же действительно умудрилась как-то познакомиться и почаявничать с жертвой, а воспоминания мне подтерли, благо, способов для этого предостаточно.

Первый вариант возможен, конечно, но маловероятен. Второй – заставляет нервничать, но именно своей правдоподобностью.

За всеми этими размышлениями я как-то забыла следить за дракой и крайне удивилась, когда Ян вдруг резко отдернул меня в сторону, а в стену, к которой я только что прислонялась, впечатался мой уже изрядно помятый братец.

– Спасибо, – поблагодарила я поручика.

– Обращайся.

Игорь тем временем встряхнулся, рыкнул и в задницу клюнутым буйволом вновь понесся на Ковальчука.

– А почему они... ну не знаю, магию не используют? – полюбопытствовал поручик, наблюдая за дерущимися уже с каким-то научным интересом.

По мне, так смотрелись они по-дурацки.

Вообще это не первая увиденная мною потасовка, и почти всегда реальные удары не имеют ничего общего с театральными, которые нам показывают на сцене и в кино, но в замкнутом пространстве все становится еще нелепее – ни замахнуться как следует, ни красиво ударить ногой с разворота, ни изящно уклониться в прыжке.

И устали горе-бойцы явно уже на первых тридцати секундах, так что теперь не слишком-то грациозно швыряли друг друга в стены, неистово пинались и пытались не то затискать друг друга, не то защекотать до смерти.

– Здесь стоит блок на атакующие заклинания, – после небольшой паузы ответила я.

– А против порталов, значит, защиты никакой?

– Ну почему никакой. Только Игорь у нас особенный...

Особенный Игорь тем временем подло схватил противника за особо нелюбимый мною потрепанный хвостик, и пока Ковальчук пытался ответить тем же – удачи ему в неравной борьбе со стрижкой под три миллиметра, – нанес не менее подлый удар... куда дотянулся.

И после этого мужчины смеют использовать выражение «кошачья драка» и закатывать глаза в стиле «ой, ну повыдирали вы друг другу космы, подумаешь»? Лицемерные засранцы.

Короче, явившийся (через дверь, как нормальные люди) папа застал уже не полноценный бой, а две скрюченные переплетенные фигуры, в одной из которых с явным удивлением узнал свою радость и гордость – старшего сына. А я разглядела папиного спутника и бочком-бочком отползла подальше, в итоге спрятавшись за Яном.

Высший. Но не наш, управский, а из Надзорного комитета.

Мне кранты?

– Игорь! – проревел отец, и клубок тел на полу моментально распался на две отдельные личности, которые тут же вскочили.

– Виктор Степанович, – задыхаясь, выдавил Ковальчук, спешно оправляя будто изжеванный пиджак и пытаясь рукой прилизать растрепанные космы. Затем тоже заметил, что папа не один, и резко побледнел. – Ник... Николай Алексеевич.

– Здравствуйте, здравствуйте, ребятки, – пропел высший, оглядывая нашу разношерстную компанию. В темных раскосых глазах, окруженных, казалось, миллионом морщинок, плясали искры смеха. – Смотрю, весело у вас тут.

– Николай Алексеевич, я... – начал было оправдываться шеф, но братец его перебил:

– Он не имел права ее допрашивать!

– Чего это? – тут же вздыбился Ковальчук. – Это моя работа, а вот ты...

– Это твоя месть! Почти пятнадцать лет уже прошло – смирись и радуйся жизни.

– Да если б я мстил, то не разменивался бы на всяких соплячек! С тебя бы начал...

– Ты о моей сестре говоришь, упырь лохматый!

Мы с Яном благоразумно помалкивали, изредка переглядываясь, а я еще и мысленно фиксировала крупницы полученной информации. Кажется, главный обидчик Ковальчука нашелся.

Отец же пыхтел все громче, грозя в любую минуту взорваться, а высший только улыбался – теперь в открытую – и даже подмигнул мне разок.

Прям чудеса.

– ...в задницу!

– Игорь! – опять рявкнул папа, прерывая ликбез по пешим эротическим прогулкам, и Ковальчук стыдливо вспыхнул, а братец недовольно поджал губы.

Но, надо отдать ему должное, заткнулся.

– Я требую объяснений! – продолжил бушевать отец.

– Да ладно тебе, Виктор. – Высший хлопнул его по плечу. – Ну повздорили мальчики, с кем не бывает. Забыл, как сам чудил по молодости?

По молодости? Папа, по-моему, и сейчас не брезгает...

– Не забыл, – процедил он сквозь зубы. – Но время и место...

– Порой выбираем не мы, – вмиг посерьезнел высший. – Завязывай гневаться и морали читать. У меня мало времени.

– Конечно.

Кажется, до папы дошло, что для его праведного гнева тоже найдутся более подходящие время, место и компания.

– Ну а раз так... – Высший повернулся ко мне и неожиданно холодно улыбнулся: – Софья Викторовна, от лица Магического управления и Надзорного комитета прошу принять наши глубочайшие извинения за это недоразумение. Вы свободны.

– Что... – начали мы синхронно с Ковальчуком и оба же осеклись.

Взгляд высшего метнулся к нему:

– За отсутствием состава преступления дело закрыто.

И в руках шефа материализовалась безликая коричневая папка, в которую он тут же зарылся, судорожно переворачивая страницы. А я наблюдала, как меняется его лицо – от недоумения к неверию, а затем к ярости – и понимала, что меня тупо отмазали на высшем уровне.

Не оправдали – именно отмазали.

На душе заскребли кошки, к горлу подкатила тошнота. Стало вдруг так прашиво-препаршиво, что, когда Ковальчук поднял голову, я быстро отвела глаза, не решаясь на него посмотреть.

– Несчастный случай? – абсолютно лишенным эмоций голосом уточнил он.

– Так точно, – ухмыльнулся папа. – Отравление. Не зря всякие там призывы причислены к разряду особо опасных ритуалов.

– Ну, разумеется, – отстраненно кивнул шеф.

Мне было стыдно. Потому что и он, и Ян прекрасно понимали, что тут все гораздо сложнее, но из-за меня, из-за моей родни, дело теперь побыстрому замнут. На поручика я тоже старалась не смотреть – опасалась увидеть на его лице тот же гнев, что недавно снедал Ковальчука.

– Я могу идти? – Горло перехватило, и я даже не заговорила – каркнула.

– Да, конечно. Если...

– И тем не менее, – повысил голос Ковальчук, нагло перебивая высшего, – считаю необходимым отстранить Софью Викторовну от работы до выяснения обстоятельств. Есть неопровержимые доказательства сокрытия ею от следствия важных сведений. Я настаиваю на внутреннем...

– А это уже без меня, – отчеканил Николай Алексеевич. – Отстраняйте, увольняйте, нанимайте – воля барская. Ваш же отдел. Только... – он обвел присутствующих тяжелым взглядом, – про

последствия своих действий не забывают.

После чего кивнул отцу и пошагал прочь, на ходу выстраивая портал. Пусть мельком, но я увидела, как высший выстраивает портал! Спасибо Яну за вновь проявленное скрытое, потрясающее зрелище...

Папа, как ни странно, тоже не задержался.

– Проводи сестру, – велел он все еще набыченному Игорю, – прям в квартиру. Дашке на руки сдай. А потом... сам знаешь, к остальным. – И ласково потрепал меня по плечу. – Я ж говорил, что со всем разберемся. Отдыхай. И позвони, наконец, матери!

Когда и он исчез в недрах коридора, мне таки пришлось столкнуться с реальностью – с взглядами трех мужиков разной степени взбешенности.

Ладно, поручик был не то чтобы зол, скорее, раздосадован. И если судить по вымученной улыбке, то даже не на меня, а на систему в целом. А еще на его лице читалась напряженная работа мысли, и что-то мне подсказывало, что так просто Ян это дело не оставит.

В глазах Ковальчука тоже светилась решимость – решимость достать нашу семейку любой ценой.

– Свободны, Софья Викторовна, – процедил он, бросив папку с документами на стол. – О результатах внутреннего расследования и, соответственно, о вашей дальнейшей судьбе в управлении вас известят.

– Ты еще повякай тут, – начал заводиться Игорь, делая шаг навстречу врагу, но я не стала ждать новой битвы титанов.

– Игорь, я домой хочу, – произнесла громко, но мягко, дабы лишний раз его не провоцировать.

– Да, отведите сестру домой, Игорь Викторович, – ухмыльнулся Ковальчук. – И проследите, чтобы из города она не уезжала. А вот если остальные Зеленцовы нас спешно покинут, я не расстроюсь.

Ну вот зачем он нарывается, а? Губит мою миротворческую миссию на корню...

– Иди на хрен, никчемыш, – огрызнулся братец.

От последнего слова шефа буквально перекошило, но сделать он ничего не успел. Игорь уже выстроил портал и втокнул меня в кольцо, даже не дав попрощаться с Яном. Впрочем, если мне не померещилось, то он крикнул нам вслед что-то вроде «До встречи».

Это обнадеживает.

* * *

Дашка встречала нас хлебом, солью да живностью.

Точнее обедом, вином и крохотным котенком, наверняка едва-едва открывшим глазки.

– Это кто? – спросила я, когда мы материализовались на пороге и мне под нос сунули это пушистое чудо с повисшими ушами и умильно торчащей во все стороны неестественно синей шерстью.

– Дракошка, – разулыбалась сестра.

– И что она тут делает?

– Не она, а он. И он будет тут жить.

Прекрасно. Я с трудом удержалась, чтобы не приложиться обо что-нибудь головой.

– Да-аш, – протянула, сбрасывая обувь, – скажи, что ты его не на мое имя оформила?

Сестра нежно прижала котенка к груди и нахмурилась:

– На твое, конечно. А на чье же еще?

И вновь – прекрасно! Только этого мне сейчас не хватало...

Для непосвященных: если б вы знали, что из себя представляют дракошки, то поняли бы мои переживания.

Драннирские коты, некогда выведенные любителем животных и подпольных экспериментов над ними же, магом Дранниром, славятся своими особыми... наверное, не стоит употреблять слово «свойства» относительно живого существа, так что скажем «качествами».

Они очень чувствительны к магии и зельям и, поговаривают, никогда не позволят хозяину выпить нечто отравленное или схватиться за проклятую безделушку. Дрессировке поддаются не хуже собак, а умнее их – в разы. Еще могут излишек магии на себя принять, а потом при необходимости пополнить резерв хозяина, ну и видят всякое, недоступное человеческому глазу, но это, пожалуй, касается всех кошек.

Также ходят слухи, будто цвет зверя напрямую связан с его стихией, с которой он при желании может слиться, но научных подтверждений этому я не встречала, а слухам верить не привыкла.

Ну а самое главное – порода драннирских кошек (за пару веков сократившихся до дракошек) считается элитной. Не в плане стоимости, хотя я бы столько на животину никогда не потратила, а в плане силы обладателя. Их берут себе сплошь могущественные или как минимум одаренные маги и, вероятно, открывают в чудо-котах какие-то новые способности, о которых потом не распространяются.

Ну и что, интересно, подумали в Службе регистрации магических животных, когда увидели в графе «хозяин» мое имя и уровень? Зазналась? Офонарела? Решила, что раз из такой семьи, то и сама не хуже? Или просто выпендривается перед простыми людишками?

В общем, наверняка ничего хорошего.

– Нельзя жить одной, – проворчала Дашка, и котенок поддержал ее еле слышным писком. – К тому же, они в любви помогают.

– Ну да, конечно, – фыркнул Игорь, напоминая о своем присутствии.

Он так и стоял, прислонившись плечом к двери и наблюдая за нашим разговором. О недавней драке с Ковальчуком напоминал только порванный ворот куртки, а вот лицо, до того уже начинавшее опухать, вновь сияло красотой и здоровьем.

Что б я так жила...

– Конечно, – надулась Дашка. – Когда хозяин встречает взаимную истинную любовь, дракошка меняет цвет!

– Тебе-то откуда знать?

– Оттуда.

– Ну откуда?

– Брейк, – вздохнула я и, смирившись, забрала у сестры невесомый комочек.

Господи, крохотный-то какой, как бы не раздавить...

Поднесла к лицу, взгляделась в расфокусированные голубые глаза.

– Звать-то тебя как?

– Ты должна сама назвать, – оживился Игорь. – Тогда он станет твоим.

Ему явно тоже хотелось посмотреть зверя поближе, но образ прожженного циника связывал руки. Сжалившись, я подошла к брату, через секунду к нам подскочила Дашка, и мы втроем склонились над ошалевшим от такого внимания котенком.

– Ну и на кого он похож? – Я закусила губу. – На Пушистика?

– Фу, – скривился Игорь.

– На Рыжика тоже не тянет, – покивала Дашка.

– Да что ж у вас с фантазией-то? – возмутился брат.

И у меня в голове что-то щелкнуло.

– Будешь Фафниром. Или Фафни.[1]

– Он дракот, а не дракон, – напомнила Дашка.

– А мы вырастим из него дракона. Будет огнем плевать, золото стеречь и сжирать непокорных вассалов.

Новоиспеченного Фафнира такая судьба более чем устраивала, потому как он фыркнул, свернулся на моих ладонях калачиком и, кажется, моментально уснул.

– Кстати, о сжирать... – Игорь прокашлялся. – Есть чего?

– Идем, троглодит, – улынулась Дашка. – Заодно расскажешь, кто тебе куртку порвал.

– Что? – Наконец заметив болтающийся ворот, братишка поморщился.

– Вот ублюдок...

– Не выражайся при ребенке, – буркнула я, топая за сестрой на кухню.

Там нас уже ждал накрытый стол с салатами, нарезками и пирожными и разлитое по бокалам вино.

Чудесно. Празднуем мое избавление. Вот только на душе праздником и не пахнет. А что улыбка на губах – так это все теплый мягкий Фафни виноват. Вызванные им эмоции контролировать не получалось.

Усевшись на стул, я устроила котенка на коленях, схватила бутылку и скривилась, глядя на надпись:

– Полусухое. Не люблю.

– Настоящее, – гордо произнесла Дашка. – А ты любишь всякую сладкую бурду. Никакого вкуса.

– А ты любишь то, что принято любить, а не то, что хочется, – парировала я. – Это не вкус, это лицемерие.

– Иди руки мой, – ни капли не обиделась сестра.

Я посмотрела на котенка, на нее, потом снова на котенка...

– Я лучше есть не буду, не хочу его лишний раз дергать.

– А я буду, – встрял Игорь и поскакал в ванную.

Едва послышался шум воды, как Дашка присела рядом и доверительно склонилась ко мне.

– Саша очень переживает из-за этого всего, – прошептала. – Ты не думай, он не со зла. Такая уж работа. Ну и разобрались же, уладили все...

– Какой, к черту, Саша? – опешила я.

Дашка растерянно моргнула:

– Ну Саша... Александр Ковальчук.

Вот же... Я так привыкла называть шефа исключительно по фамилии, что имя, наверное, и под пытками бы не вспомнила. А вот что с сестрицей они успели до такой степени сблизиться – это уже интересно.

– Полагаю, переживаний у него поубавилось, – пожала я плечами. – Теперь он с радостью утопит меня в первом попавшемся болоте.

– Не наговаривай! Он не такой. И расстроился сильно, дескать, я на него из-за этого обижусь. А я же все понимаю...

– Дашка, – перебила я, – а ты когда с ним в последний раз общалась?

– Так утром, – покраснела сестрица.

Мда... все еще хуже, чем я думала.

– Хм... как бы так сказать. Как бы теперь он на тебя не обиделся за компанию.

– В смысле?

– А вот у него спроси. – Я кивнула ей за плечо, где как раз появился

умывшийся Игорь. – Они только что неплохо друг другу бока намяли.

Тот скорчил рожу:

– Ябеда.

– Что?! – воскликнула Дашка.

– Официально, – продолжила я, все-таки глотнув невкусного вина – и плевать, что на голодный желудок, – Игореха вроде как меня защищал. Но на самом деле, мыслю, именно он когда-то отдал Ковальчуку хвост, из-за чего этот год мне очень весело жилось.

– Это правда? – Дашка сурово глянула на брата, который уже набивал салатом рот и сумел только промычать в ответ что-то невнятное.

– Про драку или про хвост? – уточнил он через несколько мгновений, когда пропихнул в себя ком еды.

– Про все!

– Ну-у...

– Так, – не выдержала я, – меня достали ваши нелепые тайны. Сам говорил, пятнадцать лет прошло, не пора ли уже успокоиться и все выложить? Глядишь, знай я раньше, из-за чего все мои проблемы, сумела бы как-нибудь их решить.

– Это вряд ли, – вздохнул Игорь.

– Почему?

Не знаю, чего я ожидала. Наверное, историю банального мужского соперничества за внимание женщины, ибо большинство претензий окружающих к нашей семье строится как раз на подобном.

Что поделать, красивые у Зеленцовых рождаются парни, а Игореха так вообще краше всех. Крупный, ясноглазый – в папу, улыбчивый – в маму, в меру брутальный, благодаря специализации «боевой маг», в меру воспитанный, благодаря бабушкиному влиянию. Наглый, конечно, но девочки наглых любят... А те, кто любит этих девочек, – не очень.

И не раз братец уже кулаками махал – магию в таких случаях он никогда не применяет, разве что защищаясь. Вот и подумалось мне, что и с Ковальчуком они тоже женщину не поделили.

Но история, которую нам с Дашкой таки удалось вытащить из Игоря, оказалась куда печальнее.

Плюс: всегда хорошо узнать правду.

Минус: мой брат козел.

[1] Фафнир или Фафни (др.-исл. Fáfnir) – персонаж скандинавской мифологии, сын колдуна Хрейдмара, брат Отра и Регина, впоследствии принявший облик дракона. Упоминается в «Старшей Эдде», «Младшей Эдде», «Саге о Вельсунгах», также появляется в опере Рихарда Вагнера

«Кольцо Нибелунга».

Глава 13

У котов есть такое свойство: стоит им появиться в доме, как оказывается, что они были здесь всегда – даже если еще час назад никаких котов у вас не было.

(с) Терри Пратчетт

Если вкратце, то мой старший братец испоганил Александру Ковальчуку всю жизнь.

Конечно, в устах самого Игоря все звучало иначе, мол, он чуть ли не случайная жертва обстоятельств, но, несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, мы были достаточно близки, чтобы я понимала: нифига подобного.

Жертвой он не был и никогда не будет. А вот завистливость в той или иной степени свойственная всем, и Игорь не стал исключением.

Четырнадцать лет назад он именно позавидовал молодому успешному аспиранту, который мало того, что проявлял задатки будущего высшего, так еще и выиграл грант Степанова на исследование какой-то там малоизученной области магического воздействия. К моменту следующего розыгрыша Игорю уже должно было исполниться двадцать семь, что исключало его из списка кандидатов на премию для «подающей надежды молодежи».

Буквально последний шанс из-под носа увели...

Да и вообще, ему тогда только стукнуло семнадцать, первокурсник, юный, пылкий, несдержанный. А тут этот Ковальчук – звезда академии, лучший выпускник десятилетия, почти высший, воплощение всего, чем мечтал стать Игорь. И плевать, что, по сути, ничего плохого он ему не сделал – само существование этого «зазнайки» буквально выводило брата из себя.

Он у нас привык получать все и сразу. Вот и, явившись на учебу, тоже возжелал моментально вознестись на вершину пищевой цепи и нашел для этого единственный способ – вызвать Ковальчука на дуэль.

Таковые у нас не запрещены и даже всячески поощряются – если, конечно, соблюдать все условия, – но двадцатитрехлетнему почти-высшему магу эта дуэль была невыгодна со всех сторон, и он успешно игнорировал беспрестанные открытые вызовы и завуалированные подначки Игоря.

Игнорировал долго, где-то около полугода. А потом попался в грамотно расставленную ловушку.

Братец мой заявил преподавателям, что изобрел некий супер-щит,

который просто жизненно необходимо испытать в боевых условиях, но не рисковать же невинными студентами. Вот если б нашелся кто-нибудь достаточно смелый да с исследовательской жилкой, и к тому же сильный маг – сильнее самого Игоря, чтоб проверить защиту наверняка, – то было бы просто замечательно.

Разумеется, всем на ум сразу же пришел Ковальчук, но брат честно признался, мол, отношения у них не сложились, а потому вряд ли он согласится на бой. И доверить испытание собственных наработок другим Игорь никак не мог, увы-увы. Вот если бы Ковальчука направили свыше, при этом не называя имя потенциального противника, лишь сообщив о цели поединка...

Ну и, сами понимаете, шагнув на арену, сбежать мой будущий шеф уже не мог.

Да, наверное, и если б мог – не сбежал бы. По крайней мере, я бы на его месте захотела проучить зарвавшегося салагу.

В общем, во время боя что-то пошло не так.

Игорь действительно тестировал свои наработки – преподаватели всем составом следили за процессом, нужно было соответствовать – и пустил в ход пару мудреных отражающих щитов, которые в сочетании с атакующим заклятьем Ковальчука дали весьма неожиданный эффект.

Подробностей нам не сообщили, но следующие полтора года шеф провел совсем без магии – теперь понятна его реакция на «никчемыша», даже меня, слабачку, так никогда не называли, – а потом, кое-как вернув часть резерва, долго и упорно заново искал себя.

Высшим он, естественно, не стал. Из академии ушел. Ну а как оказался здесь и на такой должности, я вряд ли когда-нибудь узнаю.

Когда брат закончил свою историю – разумеется, рассказанную немного не в тех тонах, что привнесла в нее я, – на кухне повисла тишина, в которой особенно громким казалось урчание Фафни. Такой кроха, а как тархтит... настоящий дракон.

Первой в себя пришла Дашка – встала и начала убирать со стола посуду.

– Ну и что? – спросила я, внимательно наблюдая за словно заледеневшей сестрой. – Стал звездой?

– Какое там, – отмахнулся Игорь, как всегда ничего не заметивший. – Меня еще и исключить попытались, но я ж сразу говорил об эксперименте, все согласились, все добровольно, так что ничего у них не вышло. Но преподы первые пару лет шпыняли по всякому, заваливали. Я выстоял.

– Молодец какой.

И снова мой сарказм пропустили мимо ушей.

– Да про него вообще все быстро забыли, – хмыкнул брат. – Видимо, не так уж и...

– Замолчи! – Дашка с грохотом опустила тарелки в раковину и, развернувшись, швырнула в него полотенцем. – Глупый, надменный мальчишка!

– Эй, на тебя-то что нашло?

– Ладно тогда, мозги еще набекрень после жизни в нашей семейке, но теперь? Ты ведь даже не чувствуешь своей вины, правда? Не осознаешь, что натворил?

– Да какой вины? – подскочил Игорь. – Это был обычный поединок и...

– Нет, не обычный, – перебила я. – Ты намеренно доставал человека и в итоге достал. А сейчас рассказываешь об этом с наглой улыбочкой на роже.

– Вот уж не думал, что ты будешь его защищать.

– А я не думала, что ты такой придурок.

Удивительно, но моя неприязнь к шефу, хоть и не улетучилась до конца, стала не такой острой. Я теперь понимала если не его поступки, то мотивы точно. Ковальчук ведь никогда не стремился меня выжить или втоптать в грязь. Да, на место ставил, порой вел себя по-свински, подкалывал, но не унижал совсем уж откровенно...

Наверное, я напоминала ему Игоря. Я не такая наглая – отсутствие каких-либо способностей как-то к наглости не располагает, – но характеры у нас действительно похожи. А вот эксцентричная Дашка на нашем саркастично-приземленном фоне смотрится возвышенно и потусторонне, что, опять-таки, позволило шефу увидеть в ней не мою темноволосую копию и даже не одну из Зеленцовых, а... просто женщину?

Честно, в тот момент я понятия не имела, что между ними происходит, да и не очень-то хотела это знать. Но то, что что-то в принципе происходит, уже показательно. Если только сегодняшний кулачный бой все окончательно не испортил...

Итак, что в итоге.

Ковальчук, конечно, не прав, что перенес свою ненависть к моему брату на меня, но и черту он все же не переступал. Разве что изредка. Зато Игорю не помешало бы не только извиниться, но и как-то попытаться... не загладить свою вину, нет, такое вряд ли можно исправить, а хотя бы ее осознать.

Пока же мне хотелось как следует ему врезать, чтоб мозги на место

встали – у Ковальчука, видимо, слишком слабый удар...

В надежде найти успокоение в наблюдении за умильно сопящим Фафниром, я так залюбовалась, что упустила момент, когда Дашка скрылась в коридоре, и в себя пришла от хлопка двери.

– Ушла? – спросила, вскинув голову.

– Ага, – кивнул Игорь, опять чем-то набивший рот. – А ф ней фо не фак?

– А?

– Говорю, с ней-то что не так? Она ж Ковальчука вроде даже не знает.

– Да вот... познакомились. – Я вздохнула. – Любовь у них.

Ну преувеличила чуток. Опередила события. Но перекошенная физиономия брата того явно стоила.

– Какая, к норгу, любовь? – угрожающе холодно произнес он и поднялся.

Я пожала плечами:

– Обыкновенная. Человеческая. Знаешь, так бывает, когда...

– Да он же ее использует! – возопил Игорь. – Использует, чтобы отомстить!

Я чуть не расхохоталась. Мне подобный мелодраматичный сюжет даже в голову не приходил, во-первых, потому что шефа я успела неплохо изучить и таких подлостей от него точно не ждала, а во-вторых, сестра у меня кто угодно, только не легковверная дурочка.

– Ну да, конечно. Ты Дашку вообще знаешь? Она похожа на ту, что позволит себя использовать?

– Да она... да он... да ты...

От возмущения у Игоря что-то переключило в речевом центре, и в конце концов он просто истерично всплеснул руками и тоже ринулся обуваться.

– Ну и куда ты? – крикнула я, не желая вставать. – Надеюсь, не за новой порцией ударов по морде?

Не хотелось бы, чтобы еще одна выходка испортила что-то для Дашки. Вдруг там все серьезно.

– К отцу, – донеслось из коридора. – Он разберется.

– Ну и кто из нас ябеда, – пробормотала я, когда раздался еще один хлопок – не двери, портала.

Все-таки поразительное у меня семейство.

* * *

Остаток дня прошел... странно.

Фафнир, у которого каждые полчаса наступал период

гиперактивности, исправно отвлекал меня от угрюмых размышлений и заставлял пресловутых бабочек в животе трепетать. Да-да, как выяснилось, это ощущение внутренней щекотки, смешанное с умилением и неистребимым желанием покрепче обнять объект восхищения, свойственно отнюдь не только влюбленным женщинам, но и очарованным хозяйкам.

И дракотенок меня действительно очаровал. Своей неуклюжестью, взъерошенностью, вечно сонными глазками и...

В общем, мне уже было плевать, что обо мне подумают какие-то там незнакомые тетки в Службе регистрации, а сестру хотелось догнать и расцеловать за столь своевременный подарок.

Раньше я никогда не задумывалась о питомцах, потому что достаточно долго искала себя, а в последний год, как осела, только и делала, что пыталась зацепиться. Теперь... когда жизнь кувырком, работа на волоске и нервы на пределе – самый подходящий момент обзавестись верным другом. Ведь если все рухнет, у меня останется хотя бы он, а это уже много.

Когда же Фафни вновь отключался, причем зачастую прямо сидя или на бегу – глаза его будто сами собой закрывались, и котенок, немного покачавшись, заваливался набок – я брала блокнот и ручку и записывала все, что приходило в голову касательно событий последних дней.

Не скажу, что особо продвинулась в выстраивании логических цепочек и жизнеспособных версий, но кое-какие выводы все же сделала.

Для начала: мне точно подтерли память. Она у меня хоть и не эйдетическая, но, немного напрягшись, я таки сумела составить примерный график и маршрут своих передвижений за последний месяц – вспомнила даже больше, чем на днях рассказывала бабушке, – и лишь один момент никак не желал всплывать на поверхность.

Самое интересное, это последнее воспоминание перед провалом: вечер среды, и я иду в кафе под названием «Крылья грифона», где делают лучший в городе латте с мятным сиропом. Иду не с целью встретиться с Беляком, которого я действительно не знаю, а просто посидеть, послушать музыку и насладиться любимым напитком. Сажусь за столик, делаю заказ, а дальше – черная мгла и типичное утреннее пробуждение под противный писк будильника.

И учитывая этот эффект «отрешения», благодаря которому вылетевшая из памяти ночь не вызвала во мне никакого удивления или дискомфорта, можно было сделать вывод о способе, коим меня почистили.

Такой результат дает только зелье забвенья, стирая память с той секунды, как попадает в рот, и ровно на столько часов, на сколько рассчитана доза. Мне его явно подмешали в кофе.

То есть это не вынужденное воздействие постфактум – например, чтобы избавиться от случайного свидетеля. Нет, это все заранее спланировано и подготовлено. В «Крылья грифона» я прихожу каждую среду, потому что в девять вечера там играет моя любимая группа.

Но... зачем? Кому это могло понадобиться?

Ну, конечно, благодаря моей вовлеченности дело, скорее всего, закроют, не раскрыв, но разве можно было настолько точно все рассчитать? Предугадать решения и действия стольких людей?

Как-то сомнительно.

Отсюда следует еще один вывод: память мне стер сам Беляк. Подлил зелье в кофе, подсел и... что-то сделал. Пока не уверена, что именно, но Метелька утверждала, будто видела, как он мне что-то подарил. И если это правда, согласитесь, весьма странно делать подарки незнакомке, так что я склоняюсь к другому варианту – он мне что-то... передал.

Возможно, обратился как к сотруднице управления, не желая связываться с чинами постарше. Попросил что-то отнести тому же руководству или спрятать... А память стер, чтобы я его потом не опознала, потому как сам замешан в чем-то противозаконном...

Ладно, это все шатко и глупо – что я могла успеть передать за ночь, раз к утру зелье выветрилось? – но направление мысли точно верное. Беляк для чего-то меня использовал, а потом скончался не то действительно при неудачном вызове Карателей, не то от рук какого супостата, не суть.

А перед этим ему считали память – возможно, в поисках того, с кем покойный встречался перед смертью.

В этом месте должна зазвучать драматичная музыка.

Итого: пусть дело хоть тысячу раз закроют, пусть объявят хоть несчастным случаем, хоть самоубийством, но мне жизненно необходимо в нем разобраться. Изучить прошлое жертвы, узнать цель его приезда в Ярославль, понять, на кой черт ему понадобилась так со мной поступать... Потому что, если я этого не сделаю, а он действительно передал мне что-то важное, может так стать, что долго я не проживу.

* * *

Звонки начались ближе к десяти вечера, когда мы с Фафниром уже вдоволь натискались (я его), натоптались (он по мне), потыкались носами (взаимно), первый раз поели и сходили на горшок (это уже Фафни, благо, Дашка, оставила все необходимое) и собирались улечься спать.

Заслышав трагичную мелодию из «Профессионала», я даже на секунду задумалась, а стоит ли отвечать, но в итоге потянулась к мобильнику.

– Чего так поздно? – спросила вместо приветствия. – У тебя же вроде

уже глубокая ночь.

– Отец сказал, что ты обещала позвонить, вот я и ждала до последнего, когда у тебя совесть проснется.

Совесть моя не шелохнулась и после материнского упрека, потому что я не сомневалась: мама наверняка заработалась в своем личном ботаническом саду, а очнувшись, решила позвонить мне и пристыдить.

– У меня все хорошо, все по старому, – отчиталась я, и трубка разродилась почти лошадиным фырканьем. – Имею в виду в плане здоровья и личной жизни.

Другое мамулю, как правило, не интересовало.

– Это хорошо. Что там за история с арестом?

– С допросом, – поправила я. – Папа все уладил, я дома, никаких проблем.

– Хорошо, – повторила мама несколько отрешенно, словно в этот момент проглядывала какие-то свои записи. – Очень хорошо...

Да что там – точно проглядывала. И зачем, спрашивается, звонит?

– Я, конечно, виновна, но теперь дело замнута.

– Прекрасно...

– А то было бы печально рожать ребенка в тюрьме.

– И не говори... стоп. Что?

Вот как надо привлекать внимание.

– Ничего, мамуль. – Я устало откинулась на подушку, и Фафнир тут же взобрался мне на грудь. – Говорю, спать уже легла. Как там остальные, не в курсе. Даже где они обитают, не знаю. Но вроде у них тоже все чудесно.

– Дом они сняли, – сдала явку мама, – в частном секторе напротив твоей новостройки. Может, даже из окна увидишь костер, шабаш, метлы...

– Очень смешно.

Впрочем, что-то такое я и подозревала. Где ж им еще селиться.

Мама задала еще пару ничего не значащих вопросов, мысленно не отрываясь от своих исследований, взяла с меня ритуальное обещание хоть изредка уведомлять, что жива, и отключилась. Но не успела я смежить веки, как телефон вновь ожил.

– Меня не жди, – без предисловий сказала Дашка.

И голос был такой... деревянный, безжизненный.

– Ты... – Я осеклась. Сама ненавижу всякие «ты как?» и «все в порядке?», потому не собиралась грузить этим сестру. – Ты с ним?

– В некотором роде.

– Опасность есть?

Давным-давно, как всякие нормальные дети, мы играли в шпионов и

придумали десятки кодовых фраз для различных ситуаций. Чтоб отделаться от надзора старших брата и сестры или сообщить друг другу нечто важное при родителях или посторонних. Ну или просто в рамках триллера, который разыгрывали с переменным успехом.

Дашкина безэмоциональность пугала, и я решила, вдруг... ну, не знаю, ей что-то угрожает?

– Огни горят, карамелька, – ответила она, и я облегченно выдохнула.

Все в порядке, никаких проблем. Просто не хочет разговаривать.

– Теплых снов.

Следующей ожидаемо позвонила бабушка. Почему ожидаемо? Потому что Игорь отправился жаловаться отцу, а они там вроде как все вместе собрались, значит, бабуля должна была непременно заинтересоваться последними новостями. Даже странно, что она не связалась со мной тотчас же.

– Не разбудила? – с явным недовольством уточнила она.

– А хотела бы? – съехидничала я.

– Старалась.

– Тогда надо было звонить в полночь.

– Так, основное я в общих чертах уже знаю, и это мы обсудим при скорой встрече, – нагнала страху бабуля. – А что там за история с Дашкой? Что еще за роман с этим... как его... мальчиком из вашего управления?

Мальчик из управления...

Наверное, в моей голове что-то переклинило, но после рассказа Игоря, я Ковальчука именно таким и представляла: потерянным и одиноким вьюношем с печальным взором – хоть садись и рисуй портрет на фоне сияющих звезд. Интересно, если он узнает, как выглядит теперь в моих мыслях, то испепелит сразу или немного помучает?

– Нет никого романа, – заверила я бабулю. – Это я просто Игореху дразнила.

– А не врешь ли ты?

Я буквально наяву увидела ее испытующий прищур.

– Нет.

– А теперь?

– Нет.

– А сейчас?

– Возможно.

– Умница, – похвалила бабушка.

И отключилась.

Зарывшись пальцами в мягкую шерстку Фафнира, я закрыла глаза и

приготовилась наконец погрузиться в сон, но оказалось, что со мной пообщались еще не все желающие. От вида номера, с которого мне звонили всего один раз, но который я уже успела занести в контакты, сердце совершило предательское сальто.

– Да? – ответила настороженно.

– Поздравь меня, я в отпуске, – с улыбкой в голосе сообщил Ян.

– В вынужденном, как я?

– Нет, в совершенно добровольном и даже желанном.

– Тогда поздравляю.

Я тоже улыбнулась и вдруг поняла, что да: бабочки в животе – это от умиления, а при общении (мыслях, встрече) с симпатичным тебе мужчиной испытываешь, скорее, жжение в солнечном сплетении, и нервы ноют как при зубной боли, только где-то в груди.

Чувствую, если б я писала книги, легко бы переплюнула отца по части «обескуражить аудиторию каким-нибудь трешем»...

– Ты же понимаешь, что на моря я не поеду?

– Возле Ярославля есть чудесные сана...

– Соня, – перебил Ян. – Мне по-прежнему нужен напарник. И лучше тебя я никого не знаю.

– Правда?

– Правда.

– А если я убийца?

– А если я?

– Согласно всяческим триллерам в правоохранительных органах частенько скрываются душегубы, – авторитетно заявила я. – Дескать, образ мышления одинаковый.

– Что ж, будем надеяться, что наш образ мышления поможет отыскать настоящего преступника. – Поручик хмыкнул. – И разобраться во всей этой чертовщине. Ты в деле?

– Спрашиваешь.

Плюс: так и знала, что Ян не бросит расследование.

Минус: кажется, я серьезно на него залипла.

Глава 14

Ведь когда ты решаешь, что весь мир отвернулся от тебя, именно тогда в полной мере проявляется его необычность. Сдумс из собственного опыта знал, что живые люди не замечают и половины того, что происходит вокруг, поскольку слишком заняты тем, чтобы быть живыми.

А всю сцену видит только тот, кто смотрит со стороны.

(с) Терри Пратчетт

– Нам точно сюда?

Ян с сомнением оглядел современную трехподъездную пятиэтажку, словно пережившую нашествие вражеской армии – посеревшую, обшарпанную и разрисованную душераздирающими граффити (зубастые и крылатые монстры, герои с мечами, канонические маги в плащах и с посохами и надписи, которых простому смертному ни за что не прочесть). За грязными окнами не было видно ни шторок, ни привычной для русского человека всякой всячины, расставленной на подоконнике, а квадратные балконы радовали глаз ящиками с увядшими цветами и жухлой травой.

Дом гнилым зубом торчал на краю болота, во всей красе демонстрируя, насколько опасно покупать жилище в «новом перспективном районе».

А тут ведь действительно планировалось райское местечко: уютные теплые квартиры, садики и школа, торговый центр, вся инфраструктура, лесок, опять же, под боком – чуть облагородить, и будет парк для прогулок... Но одно вырвавшееся из-под контроля заклятье – и все планы и перспективы накрылись медным тазом, строительство свернули и поносили все заготовки, а единственную сданную пятину расселили. Могли бы – и ее бы снесли, но магия не пускала. И та же магия вновь подняла болото, которое перед строительством несколько лет упорно засыпали и утрамбовывали.

Случилось все чуть больше года назад, как раз перед моим переездом в город, и, разумеется, «проклятый дом» моментально стал местом для тусовок экстремальной молодежи – нервишки там пощекотать, на нечисть какую наткнуться али зверя невиданного. И не объяснить им, что вся «проклятость» сводится к тому, что в доме и рядом с ним теперь отказывается работать техника, зато активно цветет и пахнет плесень, болото и несколько действительно необычных магических растений, до которых, впрочем, этой молодежи совершенно нет дела.

А вот неучтенному жильцу, незаконно оккупировавшему заброшенную территорию, очень даже есть. Собственно, ради всей этой красоты он здесь и поселился. По принципу «чего добру пропадать».

– Точно, – ответила я, осторожно ступая по доскам, коими кто-то заботливо проложил тропинку через грязь к среднему подъезду.

Нормальных дорог тут, сами понимаете, сделать не успели, так что машину мы оставили на приличном расстоянии от дома, а то после ночного дождя перекопанное пространство перед пятиной тоже превратилось в

некое подобие болота.

– Выглядит нежилым, – пробормотал Ян.

– Здесь никто и не живет. Здесь работают.

– А ему для работы не нужно электричество? Вода? Чистый воздух, в конце концов?

Я покачала головой:

– Ему нужно только уединение и доступ к болоту и лесу, а все остальные проблемы легко решаются. Исаев сильный маг.

А еще совершеннейший псих, но об этом поручику знать совсем не обязательно.

– А порталами он к этому болоту ходить не может? Зачем обязательно обустраивать здесь... лабораторию? Базу?

– Ты, видимо, на мою родню насмотрелся, – хмыкнула я. – Далеко не все маги пограничники. Даже в нашей семье. Папа, к примеру, так порталы и не освоил. И несколько моих двоюродных братьев тоже.

– И ты.

– И я.

К щекам прилила кровь. Кажется, Ян еще не понял, насколько я слаба. Какое там портал – я даже приличный пульсар создать неспособна!

– Ну и дальность и направленность у всех разная. Игорь вот может проникнуть под классическую защиту и порталиться в пределах среднего города, но большие расстояния ему не покрыть. А бабушка в один шаг перемещается на другой конец страны.

– Но не в другую?

– В других стоят блоки на вторжение, которых даже таким, как Игорь, не одолеть. Иначе бы воцарился безвизовый хаос.

Ян рассмеялся и распахнул передо мной дверь подъезда, куда мы как раз добрались.

– А ты уверена, что тебя опоили зельем именно этого мага?

Да, я рассказала ему о своих выводах. Не вчера по телефону, а сегодня утром при встрече. Рассказала также и о том, до чего додумалась только глубокой ночью, пока ворочалась без сна, опасаясь раздавить Фафнира.

В Ярославле, как и в любом другом городе, хватает умельцев-зельеваров, что продают свои творения как законно, так и из-под полы. Но к большинству из них могут додуматься пойти только непосвященные, рискуя при этом гораздо больше, чем при обращении к какому-нибудь мануальщику, ломающему кости в домашних условиях. Хорошо, если попадется обыкновенный мошенник – тогда вы потеряете лишь деньги. А если халтурщик – то и любовное зелье станет ядом для объекта вашего

восхищения, и укрепляющий эликсир навсегда лишит вас здоровья.

Беляк же сам был магом, да и жил когда-то в Ярославле, так что наверняка знал либо к кому обратиться, либо у кого спросить совета по поводу того, к кому обратиться. И немного поразмыслив, я поняла, что лично меня девять из десяти знакомых отправили бы к Федору Исаеву.

Все его странности перечеркивались врожденным талантом и стопроцентной гарантией качества любого зелья. Ну а вдобавок Исаев никогда еще не сдавал клиентов правоохранительным органам, хотя его не раз активно к этому подталкивали.

С одной стороны, сейчас эта его принципиальность могла сыграть против нас, с другой – я же тут не как сотрудница управления, а как жертва. Вдруг да разговорится?

– Не уверена, но скорее всего. А если Исаев ни при чем, то вполне может указать на создателя, он всех зельеваров знает.

Мы уже поднялись на последний этаж – отвыкла я столько по лестницам топтать – и подошли к квартире, в которой Исаев обычно обретался, когда Ян вдруг вспомнил:

– Ты няньку-то нашла?

Я скривилась:

– Да, сестра вернулась.

Если честно, утром, собираясь на встречу, я едва не впала в панику, потому что оставить Фафнира одного не могла – еще же совсем кроха! – а кого позвать на помощь, не знала. И вот в тот миг, когда я уже собиралась взять его с собой и приспособила под переноску свою единственную, ни разу не пользованную сумочку, в дверь ввалилась Дашка.

Бледная, с красными от недосыпа и слез глазами, но с улыбкой на губах. Нормальной такой приклеенной улыбкой.

– Убью, – пообещала я, мигом позабыв, что еще несколько часов назад всей душой сочувствовала Ковальчуку.

Дашка только отмахнулась:

– Думаешь, меня трогают всякие там идиоты? Да у меня таких... в каждом городе... по десятку...

И, всхлипывая, удалилась в спальню.

Я честно ее порасспрашивала, пытаюсь выяснить подробности и определиться со способом убийства шефа, но Дашка стоически отмалчивалась, а потом позвонил Ян, мол, он уже подъехал, и меня наглым образом вытолкали прочь, пообещав присмотреть за Фафни.

И все же интересно, что натворил Ковальчук? Явно же что-то на эмоциях после стычки с Игорем, но что именно? Я ведь думала, это Дашка

разобьет ему сердце, а в итоге...

Впрочем, это все мои домыслы и фантазии, а подробности произошедшего известны только им двоим.

Как бы там ни было, Фафнира брать с собой не пришлось, но по дороге я среди прочего рассказала о нем Яну, опустив некоторые – да что там, все – магические особенности дракотенка. Просто: у меня теперь есть живность, и все.

– А то смотри, – продолжил Ян, – если дело затянется, в следующий раз можем оставить твою живность на попечении моего мелкого.

Я как раз занесла кулак, чтобы постучать в дверь, да так и замерла с нелепо поднятой рукой.

– У тебя... кхм... у тебя есть сын?

Мать моя женщина, ну я и дура. Я ведь даже ни разу не поинтересовалась, женат ли поручик или есть ли у него подружка! И на руки не смотрела. Кольцо есть?

Глаза сами собой начали косить влево, но я усилием воли сумела вернуть их в исходной положение – смотрим исключительно на дверь и никуда больше.

Ну конечно, Ян женат. Тридцатилетний красивый мужик. Умный, внимательный, обаятельный. Следовательно, опять же, – по-моему, очень героическая профессия. Романтики в ней маловато, но на образ очень хорошо играет.

А тут я... со своим жжением в солнечном сплетении и полным отсутствием внимания к мелочам.

Дважды дура.

– Нет, ты что, – как ни в чем ни бывало ответил Ян. – Мелкий – это брат. На самом деле ему почти шестнадцать уже, но я его с пеленок ращу, так что, наверное, до старости будет мелким.

Кулак с силой опустил на дверной косяк, и руку пронзило болью. Проклятье.

Радоваться все равно рано – отсутствие ребенка не делает поручика автоматически холостым. А даже если...

Я ведь ничего не смыслю в завоевании мужчин и совершенно не умею заигрывать. Так что, даже окажись Ян свободен, как Соединенные Штаты, мне все равно ничего не светит, покуда он сам не проявит интерес.

И пока этого интереса я не замечала. Дружескую симпатию – не более.

Я наконец нормально постучала в дверь и прокашлялась, готовясь к встрече с хозяином.

– А что ваши родители? – спросила, пока мы ждали.

– Давно уже умерли. Соболезнований не надо.

– И вы вдвоем? – Черт, я же совсем не это хотела спросить. Совсем не выдала свои мысли, ага. – Имею в виду... никаких родственников, тетушек, дядюшек и прочих?

– Да, мы вдвоем, – улыбнулся Ян. – Тем интереснее мне наблюдать за твоим... экстравагантным семейством.

– Я...

Внезапно распахнувшаяся дверь только чудом не сшибла меня с ног. Точнее, опять Ян постарался – вовремя оттащил в сторону. Да так и остался стоять столбом, сжимая мою руку и пораженно взирая на возникшего на пороге старичка.

Должна признать, что и на меня Федор Геннадьевич Исаев когда-то произвел столь же мощное впечатление. Маленький – не выше метра пятидесяти, так что даже я смотрела на него сверху вниз, что уж говорить о поручике, – щуплый, буквально утопающий в своем бессменном лабораторном халате, сохранившемся, наверное, еще с советских времен.

Глядя на прическу зельевара, я невольно вспоминала Дока из «Назад в будущее», а крохотные рожки, черными бугорками торчащие по краям высокого лба, вызывали одновременно умиление и настороженность.

Лицо же Исаева, испещренное морщинами вдоль и поперек, больше походило на сморщенную изюминку, чем, собственно, на лицо. Но больше всего поражали глаза – большие, яркие, с отчетливо вертикальными зрачками, словно вырезанные откуда-то и приклеенные на эту самую «изюминку».

При виде меня упомянутые глаза сузились, и зельевар присвистнул:

– Сонечка, Сонечка, Сонечка, я уж думал, не дождусь. – И вдруг неистово замахал руками. – Проходите, проходите, проходите.

Переглянувшись, мы с Яном с опаской шагнули в квартиру, и дверь за нашими спинами тут же с грохотом захлопнулась.

– Ну же, ну же, ну же. – Исаев обежал нас по кругу, приплясывая от нетерпения. – Где оно, где оно, где?

Я растерянно моргнула:

– Эм, что «оно»?

А потом в голове сошлись кусочки пазла, и я вдруг подумала, будто речь о том самом, что вроде как передал мне Беляк. Ведь если он брал зелье у Исаева, то мог посветить его в план. Или же они вообще все вместе придумали, а потом Беляка убили, и Исаев ждал, и...

К сожалению, меня ждало разочарование.

– Кравушка, кравушка, кравушка, – забормотал зельевар, как никогда

раздражая своей привычкой почти все повторять по три раза. – Матушка твоя обещала отправить, обещала, обещала. Ты же принесла? Хорошая у тебя матушка, и кравушку вывела чудесную, мне в самый раз, в самый, в самый.

Про кравушку я никогда прежде не слышала, но в том нет ничего удивительного. Мама постоянно выводит какое-нибудь новое растение. И с Исаевым у них действительно порой случаются... всякие товарищеские обмены, что, кстати говоря, и даровало мне надежду на успех этой встречи.

Да, опять мне помогали родственные связи – должна же от них быть хоть какая-то польза.

– Простите, Федор Геннадьевич, но мама ничего не передавала.

Зельевар драматично вздохнул, замер на секунду с выпученными глазами и почесал правый рог.

– И то верно, и то, и то. Я ж с ней только полчаса как поговорил. Как бы она успела, как бы, а, как?

– Никак, – согласилась я.

Мамуля у меня тоже не пограничник.

– Вот и я о том. – Исаев вдруг снова прищурился и оглядел нас с поручиком с ног до голов, при этом отчаянно задирая свою. – А зачем ты тогда здесь, зачем здесь, зачем, а?

– Я...

Договорить мне не дали.

– Опять этот Ковальчук, опять, опять, – забормотал зельевар. – Покоя не дает, проходу не дает, житья не дает. В кабинет меня хочет посадить. Меня! Меня в кабинет! Муа-ха-ха-ха-ха!

И со зловещим хохотом он развернулся и бодренько ускакал по коридору куда-то вглубь квартиры.

– Впечатляет, – протянул Ян после нескольких секунд напряженной тишины.

– То ли еще будет, – буркнула я. – Идем.

Некогда наверняка уютное жилище теперь выглядело... удручающе. Обои облезли, потолки и полы потрескались, тут и там буквально на глазах во все стороны расползалась вездесущая плесень, да и полумрак радостной атмосфере не способствовал – электричества-то тут не было давно, и сияющие полосы пересекали длинный коридор только там, где из открытых комнат с окнами просачивался свет.

Шли мы поначалу медленно, но когда рядом с моим плечом по стене прочвакало что-то вонючее, зеленое и отвратительно склизкое, я живо ускорила шаг, и Ян поспешил следом.

Исаев обнаружился в последней комнате этих хором – точнее в двух комнатах, ныне объединенных самодельным проломом во всю стену. Перед глазами тут же вспыхнул образ хрупкого старичка с гигантской кувалдой наперевес, и я потрянула головой.

– Федор Геннадьевич, – обратилась я к зельевару, что уже суетился меж двумя длинными столами, сплошь заставленными колбами и опутанными прозрачными проводами, по которым из склянки в склянку неслись разноцветные жидкости.

За его спиной сверкало многомесячным слоем пыли огромное окно, за которым при желании все же можно было разглядеть и болото, и лес, и даже кусочек неба.

– Меня не Ковальчук послал.

– Как же, как же, как же, – бормотал Исаев, шурша тетрадками.

Из них то и дело вылетали исписанные листки, кружили по комнате и оседали на грязный пол.

– В кабинет меня хочет посадить, в кабинет, в кабинет...

– Федор Геннадьевич, – начала злиться я, – уделите нам пять минут и мы уйдем.

Исаев замер и вскинул голову:

– А так не уйдете?

– Так – нет. Еще и подмогу притащим. Вас, конечно, не арестуют, но нервы помотают и время отнимут. Гораздо больше, чем пять минут.

– Такая хорошая матушка, – скривился старик, – и такая нехорошая Сонечка.

– Федор Ге...

– Говори уже, говори уже, говори!

Я повернулась к Яну, и он развел руками, мол, это твоя территория, действуй, а я в который раз подивилась его благоразумию и сдержанности. Любой другой мужчина уже бы рвался в бой, а уж следователь – и подавно. Но поручик умный, понимал, что со мной поделится с большей вероятностью...

– Ну же, ну же, ну, – поторопил Исаев и даже ногами потопал.

Седые пушистые волосы всколыхнулись в такт движениям.

– Вы делали для кого-нибудь недавно зелье забвения? – в лоб спросила я.

Исаев затряс головой:

– Не говорю о клиентах, не говорю, никогда не говорю.

– Фед...

– Никогда, никогда, никогда!

– Меня опоили вашим зельем! – выпалила я, пока он опять не перебил своими истеричными повторами.

Зельевар потрясенно замер и моргнул.

– Вырвали из моей памяти десять часов жизни, – продолжила я, шагнув ближе. – Я должна знать, зачем, Федор Геннадьевич, иначе меня убьют.

Исаев рукой нащупал за спиной стул, плюхнулся на него и закрыл глаза.

– Ну зачем он так, зачем он, зачем... Обещал ведь. Обещания надо выполнять.

– Кто он? – все-таки вмешался Ян, но зельевар, кажется, даже не заметил, что вопросы ему уже не я задаю.

– Антошка. Хороший мальчик, хороший, хороший. С внучком моим дружил, с первого класса не разлей вода. Я же не мог отказать? Не мог, не мог.

Он словно пытался убедить самого себя. И глаз так и не открыл и про нас будто бы забыл.

– Антон Беляк? – уточнил Ян.

– Антошка Беляк. Хороший.

– Никто не спорит, – проворчала я. – Он объяснил, зачем ему зелье?

– Он сначала про тебя спросил, – вдруг ошарашил нас Исаев, наконец удостоив прямым взглядом.

Вертикальные зрачки сузились до едва заметных щелок.

– В смысле, про меня?

– Не про тебя. И про тебя. То есть про брежатых в целом. Про всех, про всех, про всех, но вышло, что про тебя.

– Ничего не понимаю...

Я растерянно оглянулась на Яна, и он пожал плечами.

– Брежатого он искал. – Исаев с кряхтением поднялся. – Настоящего, говорит, дай мне настоящего-пренастоящего. Есть, спрашивает, у вас такие в городе. А я ему: как не быть, Сонечка же к нам перебралась, куда уж настоящее. А потом он сразу про зелье, дескать, дашь? Ну а как не дать, как не дать, как не дать. Я ему: не для Сонечки, надеюсь? А он: нет-нет-нет, совсем для другого дела. Ну я и подумал, и правда, кому ж в голову придет брежатому память тереть. Никому. Никому. Никому...

Словно выдохшись, он оперся руками на стол и заморожено уставился на бегущую по проводам жидкость.

– Как там Антошенька-то? – спросил отстраненно.

– Мертв, – резко ответил Ян.

– Мертв, мертв, мертв... – эхом повторил старик. – Я больше не знаю ничего, не знаю, не знаю. Все, что знал, рассказал. Веришь, Сонечка?

– Верю, Федор Геннадьевич.

Все-таки я слишком жалостливая. Вчера над судьбой Ковальчука охала, сейчас с трудом сдерживала слезы при виде расстроенного Исаева...

– И что значит «настоящий брежатый»?

– То и значит, что настоящий. Тебе лучше знать, лучше, лучше... – Он быстрым движением вытер скатившуюся на морщинистую щеку слезу и взмахнул рукой: – Идите уже, идите, идите. Работы много...

Ян открыл было рот, но я предостерегающе покачала головой. Если сейчас начать давить, Исаев взорвется, и мы уже ни одного внятного слова не получим. Стала я как-то свидетелем подобной сцены – потом долго пыталась развидеть. Неспроста одарила его природа наследством Изгоев – рогами да глазами драконьими – ох, неспроста.

– До свидания, Федор Геннадьевич, – тихонько попрощалась я и, не дожидаясь ответа, потянула поручика на выход.

* * *

– Мы могли бы его дожать, – ворчал Ян, пока мы спускались по лестнице. – Что еще за брежатые? Это что-то из древнеславянского? Звучит странно.

Видимо, услышав мой вопрос про «настоящих брежатых», он решил, что я тоже не поняла, о чем говорит ополоумевший зельевар. Но я поняла. По крайней мере, ту часть, что касалась нашей братии.

А вот тема истинности как-то раньше при мне не всплывала. Это что же, получается, есть еще и ненастоящие? И почему из целого полка ярославских брежатых Исаев указал Беляку именно на меня? Только ли в личном знакомстве дело? Сомневаюсь. Да в эту квартиру все наши хоть раз да попадали, и дружбу со старым чертом, как его называют высшие, водили многие.

В общем, с каждым днем дело становилось все мутнее. И шагала я по ступенькам молча, не испытывая ни малейшего желания рассказывать Яну, кто я такая на самом деле – нифига не практикантка, а девочка на побегушках управления. Если надо подглядеть да подслушать – это ко мне.

Самой противно, а уж каково будет ему такое услышать?

– Ну хоть подтвердили, что память мне стер сам Беляк, – заметила я, меняя тему. – Теперь надо просто узнать, зачем он приперся в город и чем тут занимался все это время.

– Да уж, – фыркнул Ян, – проще некуда.

– Да ладно, мы же... – Вместе со словами изо рта вырвалось облачко

пара, и я, осекшись, замерла.

Мы, конечно, уже вышли на улицу, и погода в то утро не особо радовала теплом и солнышком, но, по мне, так было рановато для морозного дыхания с отчетливым запахом снега.

– Ты чего? – опомнился Ян, успевший отойти от меня на несколько шагов.

– Не шевелись, – одними губами произнесла я, неотрывно глядя ему за спину.

Столп света, выстреливший в небеса словно луч гигантского прожектора, переливался всеми оттенками красного. И где-то там, в глубине, в самом сердце этого алого сияния, угадывался размытый силуэт, чем-то похожий на человеческий.

Парализованная ужасом, не в силах ни вскрикнуть, ни шелохнуться, ни даже закрыть глаза, я смотрела на неестественно длинные и тонкие руки, что тянулись из потустороннего марева прямо к Яну, и чувствовала, как падающие из глаз слезы льдинками застывают на щеках.

Черты существа в столпе с каждым мигом становились все отчетливее: вскоре я уже видела крючковатый нос, темные провалы глаз и пятно рта, что разверзлось в безмолвном крике.

Наверное, то было отражение моего собственного лица.

Плюс: я здесь не одна.

Минус: я до одури боюсь этих гребаных призраков!

Глава 15

Ты когда-нибудь качалась на доске? Один ее конец поднимается, другой опускается. Но в середине, в самой середине, есть точка, которая остается неподвижной. Взлеты и падения проходят сквозь нее. Не важно, как высоко поднимаются края, эта точка хранит равновесие. – Она фыркнула. – Магия большей частью в том и состоит, чтобы перемещать нечто с места на место.

(с) Терри Пратчетт

Не знаю, хорошо это или плохо, но Ян меня не послушался и пошевелился – обернулся прямиком к тянущимся к нему из красного света рукам, да тут же шарахнулся в сторону.

– Е... то что за?..

Ответить я не могла при всем желании. Наверное, вспыхни все вокруг жгучим пламенем, я бы и тогда не отмерла и сгорела бы заживо, так что, да, я отнюдь не преувеличивала, говоря об ужасе, который вселяют в меня одни только мысли о призраках, не то что личная с ними встреча.

Грудь стянуло ледяными цепями, и наружу вырывались лишь редкие хриплые выдохи, будто я за секунду превратилась в умирающую от воспаления легких старуху. Периферическое зрение отключилось. Окружающий мир сузился до небольшого круглого окошка, через которое я продолжала наблюдать за шевелящимися конечностями изнаночной твари.

– Соня, – донесся откуда-то из очень далекого далека голос Яна. – Что делать? Бежать? Стоять? Орать?

Он молодец. Он в очередной раз столкнулся с неизведанным и не потерял хладнокровия, решив спросить совета у того, кто разбирается в вопросе. Вот только поручику не повезло, что этим кем-то оказалась я.

Вероятно, если б не психологическая травма, полученная благодаря объединенным усилиям моего безумного семейства, я бы на вопрос ответила. Сказала бы, что орать точно не нужно, как и бежать. Желательно действительно стоять на месте, а если призрачная сущность потянет к тебе ручки/щупальца/хобот (и такое бывает) – медленно уклониться от прикосновения.

Я бы сказала, что призраки питаются страхом, но при этом слепы как Рэй Чарльз. Когда ты не двигаешься, эмоции окружают тебя, и тварь на ощупь пытается найти источник крайне неуклюжими и заторможенными конечностями. Уворачиваться от них достаточно просто, и если не терять бдительности, в конце концов можно измотать призрака, и он уйдет на поиск более сговорчивой жертвы.

Если же рвануть прочь, то сам станешь сгустком эмоций – тем самым вожаемым для них страхом, – и призрак с такой скоростью рванет следом, что ты и пикнуть не успеешь. К сожалению, для передвижения ему конечности не нужны.

Я бы много чего рассказала, если б не стояла соляным столбом посреди дороги, пожирая призрака саднящими от напряжения глазами.

Например, как сама при первом столкновении с такой вот тварью в нежном возрасте пятнадцати лет ринулась прочь, оглашая морг, где меня заперли, истеричными воплями. И как легко призрак меня настиг. Как влетел в мое тело на полной скорости. Как я орала, пока он вынимал из потаенных уголков моей души все самое жуткое и болезненное...

Не думаю, что кто-то из родных понял, что они со мной сотворили. Для них магическая защита от непрошеного вторжения – это нечто само собой разумеющееся. Да и вообще, магия в их жизни, как в моей, скажем, умение безболезненно ходить. И там, где я не задумываясь переступаю неудобно высокий порожек, какой-нибудь бедолага с тростью пыхтит, морщится и материт криворуких строителей.

Конечно, если б я объяснила, они бы поняли. Но в первые недели после пережитого шока я и смотреть-то на них не могла, не то что беседы вести. Затем пришла жгучая обида – как, как они могли так со мной поступить? Потом злость и жажда мести – вот вырасту, всем вам покажу, или умру, тогда поплачете. А потом миновал год, два, три, и эмоции улеглись, оставив после себя легкую горечь, что появляется на языке всякий раз, как я вспоминаю о тех временах.

Мне давно не хочется никому ничего объяснять и доказывать. Вероятно, зря. Может, как раз это ключ к избавлению от застарелых фобий.

Как бы там ни было, вот она я, в комплекте со всеми своими страхами и тараканами, заледеневшая, хрипящая и не способная дать поручику внятный – или хоть какой-нибудь – совет.

– Соня, ты меня пугаешь, – вновь заговорил Ян, на сей раз совсем рядом.

Знал бы он, как я пугаю себя...

Мне бы сейчас хоть чуть-чуть спокойствия, я бы сумела соскрести с доньшка успевшую восстановиться за пару дней магию и отвлекла бы призрака. На мгновение, на миллисекунду, но отвлекла бы. А так...

– Соня, отзовись, или я чего-нибудь не то сделаю...

Ян, кстати, вполне успешно и сам догадался особо не дергаться и медленно отступить от заторможенных рук призрачной твари. Заодно и меня потихоньку оттаскивал прочь, пока она, продолжая закрывать и разевать рот – прям ожившая картина Мунка, – ползла следом.

Красное марево, размытая тень, тонкие руки, длинные когтистые пальцы...

Дыхание поручика опалило мое заледеневшее ухо, а потом он как следует меня встряхнул:

– Соня, мать твою!

Я, подражая призраку, тоже открыла рот, но выдавить смогла только очередное «агхххррр».

Точно, решено, если выберусь из этой передряги живой, устрою сеанс семейной психотерапии, на котором выскажу родным все, что думаю об их воспитательной и блокоснимательной самодеятельности.

Меня тут, между прочим, мужчина мечты почти обнимает, такой шанс, а я изображаю Буратино времен полена, а не мальчика... Обидно.

– Ну все, с меня хватит...

Когда мой сузившийся мир вдруг начал заваливаться на бок, перевернулся, а потом и вовсе сменился беспросветной коричневой стеной, я решила, что таки грохнулась в обморок. Но почему-то продолжала

слышать все, происходящее вокруг. И холодно было по-прежнему. А еще ребрам стало очень больно, и нос периодически тыкался в гладкую кожаную поверхность, которая пахла... хм, как ни странно, кожей и пахла.

Я пару раз моргнула и порадовалась, что хоть веки мне пока не отказали.

– Сама напросилась, – бормотал Ян где-то наверху. – Оно вроде не слишком проворное, так что уходить будем медленно... бежать вряд ли стоит. Сколько читал инструкций по общению со всякими магическими, да и немагическими зверюшками, там все время советуют не бежать...

«*Нашел зверюшку*», – раздраженно подумала я и вдруг дернула руками, которые болтались над головой. Или, скорее, под, учитывая, что сама я, судя по всему, висела тряпочкой на плече поручика и терлась физиономией о его куртку.

Двигательные функции возвращались!

– Я тебе все это говорю, потому что как-то страшно, знаешь ли, по-черепаши уползать от этой спагеттины в абсолютной тишине. Ну и если я вдруг соберусь сотворить что-нибудь особо глупое и несовместимое с жизнью, ты там пикни, что ли... Хотя, наверное, я уже туплю, болтаю тут... а оно идет на звук, да? Ушей вроде не видно. Вообще ни хрена не видно. Ты меня слышишь, спагеттина? Эй, а она беззубая и безглазая...

Ян все трещал и трещал, а я мысленно фыркала и, чувствуя, как отступает внутреннее напряжение, пыталась вновь пошевелиться или выдать из себя хоть слово.

Безуспешно.

– В общем, мы с тобой только что эту тварюгу обрулили и сейчас пятимся в сторону машины, – оповестил Ян. – Было бы куда проще и продуктивнее, если бы ты там приподнялась и следила за спагеттиной, а я шел лицом вперед. Нет? Ну, на нет и суда нет...

Все-таки он невероятный. Я таких и правда еще не встречала. Наверное, потому что меня окружают исключительно маги и им подобные, для которых я почти никчемная, низший сорт, хоть и из знаменитой и сильной семьи. Если... нет, когда все закончится, наберусь храбрости и в чем-нибудь ему признаюсь. В смысле, что немножко влюбилась, а не в преступлении – ничего такого я вроде пока не совершала. Или по крайней мере приглашу куда-нибудь. Надо же будет отметить удачно (надеюсь) заверенное дело и плодотворное сотрудничество...

А до машины совсем чуть-чуть осталось, вон она, на гравийной дороге, как раз там, где заканчиваются доски, по которым мы идем. Очень медленно, кстати. Можно и ускориться. По доскам ходили слишком часто

и, видимо, сплошные толстяки, потому что самодельная тропинка значительно просела и уже начинала тонуть в грязи. Яну бы действительно развернуться и смотреть, куда идет, а то поскользнется вон на том склизком пятне и...

Так. Стоп. А почему я все это вижу?

Осознав, что уже не болтаюсь вниз головой, а вишу на плече поручика, упершись локтем ему в спину и поддерживая кулаком подбородок, я несказанно обрадовалась. Так сильно, что даже смогла прохрипеть:

– Ян...

Он услышал. Замер на мгновение, а потом продолжил пятиться по опасной проваливающейся тропке из досок.

– Ты там как?

– Смотря... с чем... сравнивать, – уже относительно нормальным голосом произнесла я.

Да и чувствовала себя почти нормально. Только в груди саднило, будто после долгого надрывного кашля.

– Последись за этой... штукой, чтоб я перестал изображать из себя Майкла Джексона?

– Да.

Какое же счастье, что он не предложил поставить меня на ноги, чтоб топала сама. Я, конечно, немного очухалась, но вряд ли смогла бы передвигаться самостоятельно. Хотя, естественно, я побаивалась вновь увидеть призрака. А ну как опять заклинит...

Ян осторожно развернулся, очевидно, тоже не зная, какой реакции от меня ожидать, но на сей раз испуг был почти мимолетным.

Да, тварюга по-прежнему неотступно следовала за нами со скоростью улитки и шарила вокруг себя тощими спагеттеобразными ручонками. Но поручик крепко держал меня за... эм, бедра, и его прикосновения каким-то волшебным образом наполняли тело силой, душу и сердце – спокойствием, а разум – уверенностью.

Которая, впрочем, ощутимо покачнулась, когда за одним красным столпом вспыхнула еще дюжина. Словно кто-то из недр земли изрешетил ее пулями, и из отверстий к небесам устремилось пламя самой преисподней.

– Эм, Ян...

Все пространство перед одиноким домом на краю болота затопило багровым заревом, и в каждом луче уже через пару секунд проявились черные тени самых ужасающих форм и размеров.

И к нам они устремились несколько быстрее, чем удосужился

передвигаться первый призрак.

– Что?

– Поставь-ка меня на землю.

Ян подчинился беспрекословно. И вскоре мы уже стояли плечом к плечу и ошарашено пялились на надвигающуюся армию призраков.

– Скажи еще, что этих тоже я проявил, – пробормотал поручик.

Я покачала головой:

– Нет, этих на нас явно натравили.

– И что теперь делать?

– Теперь?.. – Я пересчитала сияющие лучи, в которых копошились твари – действительно, чертова дюжина, – и вздохнула: – Теперь... бежать.

* * *

Я слышала об управлении призраками – звучит почти как «управление финансами» или «управление общественным мнением», и суть, как я поняла, здесь примерно такая же. Кто-то подчиняет тварей, задает им вектор и устанавливает рамки, в которых они могут действовать. А уж что они в этом «вольере» натворят на пути к цели, управленца мало волнует.

Только результат, только хардкор.

Но я ни разу не слышала, чтобы кто-то подчинял сразу тринадцать призраков, так что это либо крайне сильный маг – я бы даже сказала, высший, – либо деяние сразу нескольких доброжелателей.

Впрочем, поразмышлять об это можно было и попозже. Явно не на бегу к машине, до которой, кстати, оставалось уже пять шагов, четыре, три, два...

Симпатичный седан поручика отбросило в сторону невидимой рукой, будто под ним бомба взорвалась, только никакого взрыва не было. Машина просто ни с того, ни с сего подлетела, несколько раз перевернулась в воздухе и приземлилась вверх тормашками в отдалении. Металл смялся в гармошку, с дребезгом повывлетали стекла, распахнулись крышки багажник и капота.

Мы с Яном резко затормозили, переглянулись и бросились прочь по слава богу, уже гравийной дороге по направлению к нормальному жилому району. Спину жгло огнем от близкого соседства призраков, и я каждую секунду ждала, когда тело пронзит знакомой, но позабытой болью, а разум затопит ужас, и удивлялась, почему этого не происходит.

По какой-то неведомой причине, нападать на нас не спешили и лишь загоняли, как дичь. В голове мелькнула мысль, что не стоит, наверное, бежать туда, где есть люди – и куда нас столь явно ведут, – но возвращаться к болоту и лесу ноги наотрез отказывались.

Я не представляла, как мы выкрутимся, зато отчетливо понимала, что прикосновений сразу тринадцати призраков наши сердца не выдержат. На самом деле для летального исхода порой хватало и одной твари, ну максимум двух, а тут...

Когда в нескольких метрах впереди, щедро разбрасываясь голубыми искрами, вдруг нарисовалось кольцо портала, я так обрадовалась, что, не сдержавшись, противно взвизгнула. Мне было плевать, кто сейчас шагнет сюда из этого пламени, хоть Садам Хусейн, хоть Джек Потрошитель, хоть Верка Сердючка, которая лично для меня является не меньшим воплощением зла, чем первые двое. Но они люди, люди, с которыми я при определенной доле везения – ха-ха – могла бы справиться. С тринадцатью призрачными тварями мне такое не светило в любом случае.

Но из портала появилась всего лишь Дашка – сонная, босая, лохматая, в мятой пижаме с умильными сердечками и звездочками, и с взъерошенным Фафниром на плече. Сестра потеряла рукой глаза, ошарашенно огляделась и тут наконец заметила нас с поручиком, несущихся на нее со скоростью мотороллера.

– Какого?.. – Я ее не услышала, скорее, по губам прочла.

– Удержи портал! – крикнула, что есть мочи, но опоздала.

Синее кольцо с шипением схлопнулось, и Дашка осталась одинокой городской сумасшедшей в пижаме посреди дороги.

– Открывай новый! – заорал рядом Ян, и я поддержала его яростными взмахами рук.

Сестренка явно видела, что творится за нашими спинами, и начала судорожно выстраивать портал, при этом что-то бормоча себе под нос.

Когда мы оказались совсем рядом, я наконец услышала:

– ...тор... заданный... траектория... конечная точка вы...

– Куда угодно! – рявкнула я, и перед нами тут же вспыхнуло новое кольцо, куда мы с поручиком нырнули, не притормаживая и увлекая за собой Дашку.

* * *

Язык мой – враг мой.

Я ведь знала о проблемах сестры с соединением точек входа и выхода. Она у нас из тех редких пограничников, которым подвластны любые расстояния, но абсолютно незнакома точность. Потому и предпочитает обычные способы передвижения, совершенно не развивая эту сторону своего дара.

И то ли с перепугу, то ли с недосыпу, но Дашка открыла портал... в небе.

Когда мои ноги вместо твердой поверхности нащупали пустоту, поворачивать обратно было уже поздно.

Будь мы героями мультфильма, то, наверное, зависли бы на миг над этой бездной с выпученными глазами и открытыми ртами, глянули бы вниз, обозревая местность, куда нам предстоит шлепнуться, и только потом начали бы падать.

Но в реальности момент осознания неизбежности падения и, собственно, сам полет к земле занимают настолько крошечный промежуток времени, что для него даже не придумано названия.

Кажется, я успела вдохнуть.

И Ян рядом что-то крикнул.

И мы упали.

Плюс: Дашка, в отличие от меня, наверняка сможет воспользоваться левитацией, так что у нее и Фафнира есть шанс.

Минус: я уже не смогу высказать родным все, что о них думаю.

Глава 16

Приключение! Люди говорят о нем, как о чем-то стоящем, между тем это всего-навсего смесь из плохого питания, постоянного недосыпания и абсолютно незнакомых людей, с необъяснимой настойчивостью пытающихся воткнуть в различные участки вашего тела всякие заостренные предметы.

(с) Терри Пратчетт

Все-таки кому-то могущественному в каком-то из миров я еще нужна живой и относительно здоровой, потому что «высадила» нас Дашка не надо рвом с металлическими шипами, весело торчащими навстречу солнцу (что меня ни капли бы не удивило), и даже не над бетонной площадкой, а прямо над озером.

Остановившееся было в полете сердце при погружении в воду радостно встрепенулось и понеслось вскачь, подгоняя непутевую хозяйку к поверхности. Мол, гребь, гребь уже, идиотка, чего барахтаешься. И я, запоздало сообразив, что падение прекратилось и я вроде как жива, погребла – изо всех сил и возможностей.

Только на поверхности, когда пыталась протолкнуть в сжавшееся горло воздух и сморгнуть застывшие глаза капли воды, я почувствовала холод. Дикий, продирающий до костей холод, от которого ноги моментально свело судорогой. Даже призраки, что умудрились превратить мои слезы в лед, так не морозили.

Что и говорить – конец сентября не время для купания.

Зрение наконец прояснилось, и я увидела берег – совсем недалеко, что не могло не внушать оптимизма, – голову и плечи поручика, дрейфующие в паре метров от меня, и совершенно сухую Дашку, что зависла над самой озерной гладью, почти касаясь ее голыми ступнями.

Слава всем богам, святым и нечистым, Фафнир по-прежнему восседал на ее плече и выглядел довольным жизнью. Да, признаюсь, о нем я волновалась гораздо сильнее, чем о нас троих вместе взятых – просто потому, что сам он о себе позаботиться пока не мог.

Я иногда тоже, но тут уж ничего не поделаешь...

К берегу мы с поручиком гребли вполне себе бодренько, разве что я из-за судорог периодически норовила вновь уйти на дно, и ему приходилось меня вытаскивать. Сестрица, разумеется, благополучно отлевитирировала себя с дракотенком к суше, но высоко не поднималась, отчего со стороны походила на преемницу Иисуса, шагающую по воде.

Надеюсь, никто особо впечатлительный ее не видел.

Ну а пару минут спустя, когда мы с Яном мокрые и дрожащие от холода уже сидели на твердой земле, Дашка подала голос:

– А что, собственно, происходит?

– П-п-портал... в небе... – прохрипела я, постукивая зубами. – Я, б-блин, что... п-похожа на ф-фею?!

– П-похожа, – вдруг выдал Ян и криво усмехнулся. – В п-первый день... с крыльями б-была... Думал, п-правда фея, н-настоящая... А п-потом смотрю – к-крылья н-на л-ляжк-ках.

Лицо обдало жаром смущения, и мне сразу стало немного теплее, но дрожь, увы, не прекратилась.

– Д-дашка, я сейчас в сос-сульку п-превращусь, – пожаловалась я. – Согрей, а? Или к-костерчик разведи.

Сестра беспрекословно сделала несколько пасов руками – о значении я могла только догадываться, ибо никогда их не изучала в силу собственной никчемности, – затем по очереди коснулась наших с поручиком голов, и жить стало гораздо легче.

Одежда и волосы мигом просохли, тело наполнилось теплом, и зубы перестали отбивать морзянку.

– С вами полезно дружить, – улыбнулся Ян, поднимаясь.

– С «тобой», – кокетливо поправила Дашка, видимо, позабыв и про свой несколько странный вид, и про «Сашу» и разыгравшуюся не столь давно трагедию, и про мой запрет строить поручику глазки.

Поразительная женщина...

Внутри всколыхнулась ревность, но я быстренько утрамбовала ее обратно, а не заметив со стороны Яна никакой реакции кроме легкого пожатия плечами, и вовсе успокоилась.

В конце концов, я никогда не понимала ревности. Ведь если ему действительно понравится Дашка, я могу хоть на ушах вокруг ходить – ничего не изменится. А если всерьез понравлюсь я, то безобидные слова сестры тем более ни на что не повлияют.

Ну и время для терзаний сейчас явно не подходящее – лучше бы попыталась понять, где мы очутились волею сбитого вектора.

Тряхнув распушившейся головой, я тоже встала и огляделась.

Озеро было прекрасно. Чистое, раздавшееся во все стороны – не то что некоторые лужицы – и окруженное густым лесом, что почти вплотную подступал к воде. Сверкающая в солнечных лучах водная гладь отражала ясное небо и деревья, уже частично лишённые листья. Где-то в вышине кружили птицы, и дышалось так легко и свободно, что даже голова кружилась – будто мы на много-много километров удалились от города.

Вот только все вокруг буквально кричало, что берег обитаем, и что сюда частенько наведываются люди. Мусора нигде не было, но чуть в отдалении виднелся выложенный каменный круг для костра, а еще дальше старые коряги разместили удобным для больших компаний «квадратом». Ну и следы – множество следов, и убегающие вглубь леса тропинки.

В сущности, это могло быть любое озеро близ любого города, куда местные дружною толпою любят выезжать на шашлыки – или «на зеленую», как говорят в Ярославле. Но вид показался мне смутно знакомым, и я завертелась активнее в поисках однозначных ориентиров.

– Байкал, – через пару мгновений произнес поручик, и я, наткнувшись взглядом на виденный прежде валун с выбитыми надписями, согласно кивнула:

– Байкал.

– К-как Байкал? – икнула Дашка. – Почему Байкал? Я же... недалеко...

Ноги ее подкосились, и сестренка осела на землю, отчего Фафнир на ее плече обиженно мявкнул и, растопырив лапки, крепче впился когтями в ткань пижамы.

– Так и недалеко, – успокоил Ян. – И лес не такой густой, как кажется. Там дальше забор и дорога. Ну и сторожка должна быть у ворот... Удачно мы все-таки привелись, на той стороне неудобнее.

– Какая дорога? Какая сторожка? – продолжала хлопать глазами сестра. – Если это Байкал, то мы... мы... где? В Бурятии? Или под Иркутском?

До меня наконец дошло, что ее так поразило, и я от души расхохоталась:

– Дашка, ну какая Бурятия? Мы, можно сказать, в Ярославле... почти. Только немножко по другую сторону Волги.

– Тогда какой, к черту, Байкал?!

– Это Прусовские карьеры, – пояснил Ян, тоже не сумевший скрыть улыбку. – А озеро из-за чистой воды «Байкалом» прозвали. В шутку, а прижилось, и теперь только так...

– Ну и откуда мне это было знать? – проворчала Дашка, поднимаясь и отдирая дракотенка от своего плеча.

– Прости, – покаялась я. – Забыла, что ты здесь всего ничего.

– Угу...

Фафнир переключал ко мне в руки, а свои сестра скрестила на груди.

– А теперь объясни, каким образом я из теплой кровати вдруг спорталилась на вашу битву с призраками?

* * *

По всему выходило, что Дашка и не собиралась, словно Чип и Дейл, спешить к нам на помощь. Что, в принципе, логично – откуда бы ей вообще знать, что мы с поручиком в очередной раз вляпались? А даже если опять включилась кровь провидицы, то это все равно очень размытое ощущение, а не точные координаты, по которым следует искать парочку неудачников.

Я было подумала, что родные прилепили ко мне какой-нибудь маячок, оснащенный детектором попадалова, да следили за ним по очереди, а сработал он в Дашкину смену, но после ее рассказа окончательно растерялась.

Ибо не было никакого маячка. И спать сестрица хотела жутко – нервы, слезы, мужики, – так что сразу после моего ухода умылась, переоделась и завалилась в койку, устроив рядом с собой вверенную ей живность.

– Ну а потом вдруг словно землетрясения началось, – закончила Дашка. – Закачалось все, завертелось. Глаза открываю – сначала лишь синь да зелень, и вдруг я уже стою посреди улицы, а навстречу вы вдвоем да толпа призраков. Ну и этот вот со мной...

Она кивнула на Фафни, которого я нежно прижимала к груди, и вдруг прищурилась и склонилась к нему поближе.

– Ах ты ж... мелочь пузатая!

Я недоверчиво уставилась на котенка сверху вниз:

– Думаешь, это он?

– А кто ж еще! – всплеснула руками Дашка. – Говорила ж тебе, у них связь с хозяевами сильная, вот и приволок меня на подмогу.

– Да, ты помогла, – фыркнула я и поднесла Фафнира к лицу. Синяя усатая мордаха безмятежно моргала и облизывалась. – А обратно нас доставить можешь?

Мне по подбородку шаркнули задней лапкой. Видимо, это означает «нет».

– Погодите, – очнулся Ян. – Вы на полном серьезе утверждаете, что этот котенок создал портал?

Мы с сестрой переглянулись и синхронно кивнули.

– Тогда, пожалуй, брату моему с ним сидеть точно не стоит, – хмыкнул поручик. – Кстати. Почему он синий?

– Жертва эксперимента, – отмахнулась я и вдруг, спохватившись, полезла в карман куртки за телефоном. – Твою же...

То, что мобильник мертв, стало ясно с первого взгляда: экран крест-накрест пересекала трещина, а из слотов для зарядки и наушников вытекали струйки воды. Ну да, в конце концов, Дашка ведь сушила нас и одежду, а не все, что в ней лежит. Без всякой надежды потыкав в убитый экран, я взглянула на сестру:

– Починить сможешь?

– Я не бытовик, – развела руками та. – Даже примерно не представляю, что нужно делать.

Теперь мы обе уставились на Яна – а ну как его телефону повезло больше.

– Уже проверил, – вздохнул поручик. – Мой вообще где-то на дне озера вместе с удостоверением. Теперь замучаюсь объяснительные писать.

– Ну и в Дашкиной пижаме, полагаю, никаких гаджетов не припрятано, – резюмировала я. – И что теперь?

– А разве Дарья не может снова от...

– Нет! – крикнули мы с сестрой одновременно.

Дашка еще и яростно замотала головой, а я уже спокойнее повторила:

– Нет. У нее проблемы с... направлением. Считай, с водичкой нам еще очень повезло. Могли бы сейчас лежать лепешками на дне какого-нибудь ущелья. Или материализоваться прямо перед летящим на полной скорости поездом.

– И что, лучше сгнить в лесу, чем попытаться? – нахмурился Ян.

– Нет. – Я махнула на лес. – Сам говорил, там сторожка и дорога. Сейчас день, смотритель должен быть на месте, от него и позвоним. На крайний случай машину поймаем.

Меня саму не то чтобы сильно радовала перспектива прогулки по лесу с сестрой, обряженной в пижаму, перемещающимся в пространстве

дракотенком и следователем прокуратуры, который имеет привычку проявлять всякое потустороннее, но выхода особого не было. Так что, кое-как стянув буйные кудри в пучок на затылке и устроив Фафнира теперь уже на своем плече, я отважно повела всех к ближайшей тропинке в чащу.

* * *

За отдельную плату, которую взимают на воротах, к «Байкалу» можно подъезжать и на машине, чем все и пользуются, так что в летний сезон тут среди деревьев настоящий автопарк. Но простые смертные вроде меня обычно выползают на остановке и топают до озера пешочком. Ну и некоторые скряги или защитники природы бросают машины прямо на обочине дороги и в ворота всплывают уже на своих двоих.

Идти не очень долго, это я точно помнила, так как пару месяцев назад приезжала сюда купаться. Этим и утешала себя и остальных, пока мы пилили по лесу.

Впрочем, Дашка, пару раз уколов ноги о ветки, не выдержала и опять прибегла к левитации, так что фактически шли только мы с поручиком, и тем не менее ныла она больше всех.

Я же зорко глядела по сторонам в поисках случайных отдыхающих – ну и что, что осень и понедельник, всякое бывает – и неслучайных тварей, а еще порой косилась на Фафнира, опасаясь, как бы ему опять не приспичило телепортнуться в неизвестном направлении со мной за компанию.

Дракотенок чувствовал себя на моем плече вполне уютно и вокруг озирался с не меньшим интересом, чем я. Да и вообще, может, мне показалось, но выглядел он уже далеко не таким маленьким и беззащитным как утром, когда я покидала дом. Будто прошла не пара часов, а пара недель как минимум.

– Расскажи мне о призраках, – внезапно попросил шагающий рядом поручик. – На вид – жуткие твари. Не думал, что они существуют взаправду.

– К сожалению, существуют, – скривилась я. – Ненавижу этих засранцев.

– Очень опасные?

Дашка фыркнула где-то над нашими головами – веточку ей захотелось с макушки дерева сорвать:

– Не опаснее других.

– Очень, – проигнорировала я сестру. – Они, когда касаются, все страхи наружу вытаскивают, все болезненные воспоминания, весь мрак из души. И чужого добавляют – того, что из других выудили. А уж если в тело

проберутся... сердце может не выдержать такого. По мне, так пусть меня лучше сожрут, чем вот так, медленно и мучительно, вновь и вновь переживая не только свою, но и чью-то еще боль.

– В тебя вселялись, – догадался Ян.

– Да, но это было давно. Мне повезло – не накопила еще к тому времени достаточно травмирующих воспоминаний, да и призрак попался новичок.

На Дашку я не смотрела, хотя испытывала огромное желание найти ее взглядом. Увидеть, услышала ли, поняла ли... Ну и она больше не фыркала и ничего не говорила, только шелестела ветками где-то за нашими спинами.

– Но почему людям о них ничего не рассказывают, если это так опасно? – продолжил допытываться Ян.

– До людей им особо нет дела. Маги вкусные, люди пресные, так нам объясняли. Ну и в целом призракам не так-то просто выбраться с изнанки, так что, если удастся, они сразу идут за вкусеньким. Правда, обычно остаются ни с чем, но если наткнутся на слабака вроде меня...

– Ты слабый маг? – без всякого осуждения уточнил он.

– Слабейший, – призналась я. Раз уж начала исповедоваться, надо доводить дело до конца. – К примеру, вот так досуха высушить нас я бы не смогла, даже не будь мой резерв пуст после того проклятья. А для Дашки это все равно что чихнуть.

– И откуда взялось сразу столько призраков, раз им так сложно выбраться с изнанки? – как ни в чем не бывало вернулся к прежней теме Ян. – Ты, кажется, говорила, что их на нас... натравили?

Да, я помнила, как успела ляпнуть это, прежде чем побежала. И сейчас склонялась к этой же версии, вот только внятных причин для такой травли найти не могла.

– Они не стадные, – пояснила осторожно. – Ну и двигались странно... не знаю, вообще слишком много чертовщины вокруг творится. Даже для меня.

– А уж для меня, – протянул поручик. – Я, конечно, подозревал, что нам многого не рассказывают, но мир с каждым днем становится все чудесатее.

– И тебя это не злит?

Вот я бы на его месте точно сердилась. Не люблю, когда от меня что-то скрывают и держат за идиотку – родня моя этим частенько грешит, так что, можно сказать, аллергия с детства.

– Знаешь, не особо, – пожал плечами Ян. – Я в целом понимаю, для чего это нужно, ибо психологию толпы никто не отменял. Ну и покуда маги

защищают простых людей от всякой всячины, почему бы не воспользоваться возможностью спокойно спать? Мне вот и без того хватает поводов для кошмаров. Человек порой пострашнее всяких ваших призраков и норгов...

Разумно. Слишком разумно.

Проклятье, ну почему бы ему хоть раз не повести себя как полный придурок? Психанул бы, обозвал бы меня никчемной обманщицей, а всех магов – чертовыми конспираторами, сделал бы хоть что-нибудь, чтобы я разочаровалась. А то, того и гляди, скоро начну пожирать его влюбленными взглядами.

Мне ж проблем мало, надо было втрескаться для полного счастья...

– Ребята, – вернул меня к реальности голос Дашки. – А такое вы прежде встречали?

Мы с Яном обернулись.

Сестра замерла буквально в паре шагов, но боком к нам, приоткрыв рот и устремив выпученные глаза куда-то в лес. Впрочем, проследив за ее взглядом, я наверняка это выражение скопировала, потому что было чему подивиться.

Среди полулысых деревьев стоял мужик: широченный, высоченный – полторы меня в нем бы точно насчиталось, – да не просто стоял, а явно пытался... хм, спрятаться за не самым-то толстым стволом. Ага, бочонок за зубочисткой. Он даже чуть присел, будто это могло помочь.

Еще б лицо руками прикрыл – самый надежный способ исчезнуть для окружающих.

В итоге с одной стороны деревца торчала голова, обтянутая рубахой грудь и коленки, а с другой – бугрилась мощная спина и выпирала задница. Рядом на земле валялись кожаная сума и огромный, под стать гиганту, меч.

– Нет, – тихо произнесла я. – Такого я не встречала.

Мужик тут же повернул голову, и наши взгляды встретились. Мой – растерянный и, наверное, немного испуганный, и его – донельзя удивленный.

– Вы меня видите? – с явной обидой спросил гигант.

– Такого поди не увидь, – пробормотал Ян.

А я разглядела на щеке незнакомца татуировку в виде пронзенной стрелой птицы и кое-что поняла.

Плюс: опасности для нас он не представлял.

Минус: не только от простых людей высшие маги скрывают правду, но и от своих более слабых собратьев.

Глава 17

– А кто такой философ?

– Тот, у кого хватило ума подыскать себе непьющую работёнку, не связанную с подъёмом тяжестей.

(с) Терри Пратчетт

Помните, я говорила, что в мире магии из сказок и легенд можно почерпнуть куда больше полезной и вполне достоверной информации, чем из научных трудов? Мол, о тех же Карателях упоминается и там, и там, но в сказках помимо сухих фактов имеются еще всяческие полезные плюшки и подсказки.

Так вот: встреченный нами лесной гигант оказался представителем той категории волшебных существ, о которых писалось только и только в детских книжках и в существование которых не верили даже маги.

Я так точно не верила, потому что... ну... как бы... серьезно?

Настоящий живой птицелов?

Да сама их история настолько глупа и невообразима, что даже в виде сказки смотрелась нелепо, что говорить о реальности.

Впрочем, вряд ли простые смертные такое читали, так что расскажу вкратце.

Итак, давным-давно жили-были на земле русской богатыри славные. Не те богатыри, что Муромцы да Поповичи, а просто парни дюжие, в плечах широкие, да такие высокие, что с солнцем целоваться могли. Всего их пятеро было – и все кровь одна, кто брат родной, кто троюродный, а кто и дядюшка. Девки, знамо дело, по этим молодцам с ума сходили, и за сим я завязываю с былинным стилем. Или не завязываю...

Обнаглели мужики. Не было ведь в округе никого сильнее и привлекательнее, и пошли они искать конкурентов по свету. Мочили драконов и витязей, грифонов и рыцарей, девок портили, жен чужих соблазняли, ну и наглели с каждым днем все больше.

И вот в каких-то землях далеких встретила им королева такая же обнаглевшая да зазнавшаяся, и перессорились родичи между собой, споря, кому она достанется. А девка, не будь дура, условие поставила, мол, того выберу, кто мне достанет маленьких птичек всех возможных цветов и оттенков.

Вновь пустились мужики в путь – на сей раз не за славой, а за дурацкими птичками.

Первый поймал сто штук да поскакал обратно – законный приз получать. А королева ему, дескать, дружок, тут нет птички такого цвета, как мое платье. Глядит – и правда нет.

Второй притащил в пять раз больше, а девка вновь, мол, смотри, бабочка на цветке, и крыло у нее не просто розовое, а сероватым отлиывает, и среди твоих птиц такой нет.

Третий, четвертый и пятый тоже не справились, хотя каждый из них привозил птиц в разы больше, чем предыдущий, но королевна называла такие цвета, о которых бедные мужики даже не слыхивали прежде.

Начали они опять ссориться, искать иные способы добиться расположения красотки, а она ни в какую. Хочу, говорит, птиц, и не колышит. Дам, говорит, вам еще один шанс, но последний. Коли кто вернется не с полным набором, из игры тут же вылетает.

Застрашала их, короче. А победить-то хочется, уже даже не ради красотки – из принципа. Вот и ходят с тех пор птицеловы по миру, ищут птиц всех возможных цветов и оттенков, друг у друга подглядывают, кто что нашел, диверсии устраивают, и ловят, ловят, ловят, выполняя глупую бабскую прихоть.

Честно, мне в этой истории только птичек жалко, а все остальные – сами идиоты, ну да ладно, не о том речь.

В моих детских книжках птицеловов вот такими и рисовали – огромными, brutальными, да с пронзенной стрелой птицей на щеке каждого. И это что же получается... эти одаренные ребята, купившиеся на банальный женский развод, существуют в реальности?

– Птицелов... – выдохнула Дашка, а Фафнир на моем плече внезапно распушился, точно верба весной, и зашипел.

– Жалкие людишки, – передразнил ее гигант, смешно потрясая перед лицом руками и закатив глаза.

– Кто тут еще жалкий, – пробормотала я.

И была услышана.

Птицелов мигом перестал кривляться, в один шаг оказался рядом и навис над нами нерушимой скалой.

– Так-так-так. – Еще и языком поцокал. – Пустой, но зрячий. Слабая, но брежатая. И сильная, но непутевая. О, еще и противный дракот до кучи. Не шипи на меня, животное... Ну и как вы меня нашли?

Я на всякий случай стянула напряженного Фафнира с плеча и прижала к груди, а сама бочком-бочком подступила поближе к Яну.

– Мы никого не искали, – ответила осторожно.

Ну как я ошиблась, и опасность нам все же грозит? Как говорится, сказка ложь, а намекать она могла совсем не о том...

– А проявили как? – не унимался птицелов, продолжая давить на нас своими... габаритами.

– Да никого мы не проявляли! – не выдержала Дашка. – Шли от озера к дороге, а тут ты... изображаешь из себя часть лесного массива.

Она уже стояла вплотную к гиганту, задрав голову и тыкая указующим перстом ему в живот.

– Врешь, – набычился птицелов. – Я как почуял, что с меня пелена слетает, так сразу медитацию специальную в ход пустил – она всегда выручает.

Сестрица фыркнула:

– Это ты там за деревом медитировал? А я думала, по нужде присел...

– Да ты!..

– Да я!

– Да вы оба, – вдруг рявкнул Ян, – прекратите!

Ну и я на всякий случай тихонько поддакнула – не люблю отставать от коллектива.

– Ходят тут всякие, – раздраженно бросил птицелов, – работать мешают. Еще и орут без повода...

– А чем вы, простите, тут занимаетесь? – осмелилась подать голос я.

– Да вас же, жалкие людишки, защищаю. И никакой благодарности.

Гигант махнул на нас рукой и, развернувшись, шагнул обратно к своему деревцу и лежащим на земле пожиткам.

– Мы не хотели мешать, – заверила я широкую спину. – И действительно просто шли к дороге. Или к сторожке. Телефоны утопили, а нам позвонить срочно надо, чтоб отсюда выбраться. Мы ж тут случайно... А вы нас от чего защищаете?

Прием «наболтать всякого, а потом задать вопрос» я не раз использовала на родителях, и порой даже срабатывало. Вдруг и сейчас...

– Не слышали, что ль, про разрывы-то? – неожиданно куда добродушнее отозвался птицелов, присаживаясь рядом с мечом. – От Москвы до Ярославля. От Твери до Иваново. Тропинки крест накрест тянутся.

С географией я никогда особо не ладила, но карту центральной России примерно представляла. Действительно, если соединить, то крестик и получается. Кривенький, но линии точно пересекаются.

– Что за разрывы?

– Так материи, – глубокомысленно изрек птицелов, прикрыв глаза и откинувшись спиной на ствол. – Той, что реальность от изнанки отделяет. Рвется ткань, лезет через прорехи гадость всякая.

– Как это, рвется? – нахмурился Ян.

– Как рвут, так и рвется.

– То есть кто-то специально?..

– Разумеется, – вздохнул гигант. – Такую ткань случайно не порвешь. Голос его звучал уже заторможенно и как-то сонно.

– Ты что там, спать завалился? – топнула ногой Дашка.

Птицелов и бровью не повел – а брови у него, надо сказать, были знатные. Черные густые, собственно, как и волосы, что мягкими волнами опускались на необъятные плечи. Вот ведь странность – мужик длинноволосый, а меня не бесит.

– Не спать, а медитировать, – пробормотал он. – Не мешай, женщина.

– Ответишь на наши вопросы, мы уйдем, и медитируй сколько влезет, – выдвинула ультиматум Дашка, да так, что даже я поверила и прониклась.

– Ну хорошо. – Птицелов распрямился и уставился на нас чудными карими глазами, обрамленными по-женски пушистыми ресницами. – Что еще вам непонятно?

– То есть, где-то тут разрыв, а ты стоишь рядышком и валишь всякую тварь, что в наш мир пытается пробраться? – предположила я.

– Верно.

– И вас таких?..

– Ты ж знаешь, что пятеро, – хмыкнул он. – Я – здесь, другие – там.

– А разрывов?..

– О, их куда больше. Ну дык не только нас призвали. Многих спящих подняли на подмогу. Что поделать, работа такая...

Спящие, спящие... призвали...

Что-то такое я слышала. Про древних героев, что изволят почивать между мирами, пока не понадобятся. Опять эти чертовы сказки.

– А я думала, твоя работа птичек для любимой женщины ловить, – съязвила Дашка.

Хотя я ожидала худшего и уже мысленно костерила сестру за длинный язык, гигант внезапно не обиделся и даже широко улыбнулся:

– Наловился уж, благодарствую. Ну вас, баб...

Показалось, или птица на его щеке действительно взмахнула крыльями?

– И что теперь? – спросила я. – Вы тут надолго?

Почему-то не получалось у меня обращаться к сказочному герою на «ты», как это делала та же Дашка.

– Да нет, скоро маги явятся, прореху заштопают, а меня в другое место пошлют. Ну а потом – как кости лягут. Должны ж этих супостатов рано или поздно поймать, тогда и мы на покой уйдем, если не захотим задержаться.

– А могло нас из-за прорехи сюда притянуть? – вдруг без всяких

колкостей уточнила Дашка.

– А вы порталом прыгали?

– Ага.

– Тогда и притянуло наверняка, если какой неуч вроде тебя портал выстраивал. У таких легко вектор сбивается.

– Ну спасибо...

– Последний вопрос, – вмешался Ян, и я насторожилась. – Телефона у тебя случайно нет?

* * *

Телефона в скрипучих кожаных штанах птицелова не водилось, зато он проводил нас до сторожки. Оказывается, направление я все же выбрала не совсем верное, и надо было сместиться гораздо левее. Но нет худа без добра: шли бы правильно – никогда бы на это чудо не наткнулись.

Когда Дашка ехидно поинтересовалась, не опасно ли ему оставлять свой пост, птицелов на мгновение завис с закрытыми глазами – я уж подумала, опять медитировать собрался, но пронесло – и выдал, дескать, ее присутствие распугало всех тварей, так что ненадолго отлучиться можно.

Кстати говоря, я была с ним полностью согласна – сестра вела себя отвратительно и сама на себя не походила. Впрочем, причина была известна, и от моего сочувствия к Ковальчуку к концу пути остались рожки да ножки.

Когда птицелов, махнув огромной ручищей, скрылся среди деревьев, а ленивый зритель соизволил откликнуться на стук в дверь, солнце добралось до своей наивысшей точки.

И ровно пять минут спустя, стоило Дашке нажать кнопку сброса на древнем телефоне-раскладушке, перед нами уже стояла хмурая бабуля, а мы с сестрой жались друг к другу как нашкодившие котята. Третий котенок – настоящий – мирно дрых на руках поручика, на которого бабушкин гнев отчего-то не распространялся.

Правильно, не он же «без спроса» полез к психованному зельевару и привлек к себе толпу призраков.

И не он притащил в дом зверя, способного спорталить человека куда угодно, пока тот спит.

И не он рискнул прыгать на такое расстояние без должных умений и практики.

Точнее, Ян кое в чем все же был замешан, но корень-то всех зол в нас с Дашкой, так что...

Плюс: мы живые, сухие, невредимые, разжившиеся кое-какой информацией, и чтобы вернуться домой, достаточно шагнуть в бабулин

портал.

Минус: это будет долгий, очень долгий день в кругу семьи...

Глава 18

Напустили туману, высосали из пальца уйму скрытых смыслов в простых двух буквах – а на самом деле... Спать больше надо! Если верить медикусам, для здравого рассудка очень полезно.

(с) Генри Лайон Олди

К вечеру я узнала о себе много нового и занимательного.

И что к самостоятельной жизни я, оказывается, не готова – это в двадцать шесть-то, после почти девяти лет той самой самостоятельной жизни, – и что решения принимаю неправильные, и что карьеру выбрала не ту, и что слишком привыкла быть слабой и ничего не пытаюсь с этим поделывать.

Я. Не пытаюсь.

Я!

Высказывались все по очереди, начиная с бабули, заканчивая молокососом Матвеем, который попрекнул меня Фафниром. Мол, завела животину, а позаботиться как следует не в состоянии, и дескать, лучше он дракотенка себе заберет. Упомянутый Фафни лишь вдарил лапой с выпущенными когтями по загребущим ручонкам моего братца и зашипел, как недавно на птицелова.

Больше к нему никто не тянулся и отнять у меня не пытался.

Кстати, к вечеру он еще немного подрос, и я начала подозревать, что к концу недели буду жить минимум с мейнкуном, а максимум – с тигром.

Но возвращаемся к поучительным лекциям родни.

Бабушка вещала о самосознании и здоровой оценке собственных возможностей. Тут-то и выяснилось, что моя работа в управлении изначально казалась всем и каждому дурной идеей, а не остановили меня, просто чтобы поржать и посмотреть, как долго продержусь против Ковальчука и ежедневной необходимости применять магию. Нет, в открытую об этом никто не говорил, но догадаться было несложно. Готова поставить всю свою будущую зарплату, что братья и кузены еще и ставки делали.

По официальной же версии, меня не останавливали в надежде поучить уму-разуму. Мол, помаюсь, помыкаюсь, да пойму, что выше головы не прыгнешь.

Что сказать... вера близких так воодушевляет.

Папа разглагольствовал о высоком. Какого-то черта припомнил мои

детские уроки рисования и первое место в художественном конкурсе «Нарисуй мамочку». Ну да, конечно, мне ж целых пять лет было, и те относительно пропорциональные овалы, из которых я и слепила мамочкино тело, разумеется, свидетельствовали о врожденном таланте, который я безбожно загубила.

А все из-за моего страстного желание что-то доказать родне – их слова, не мои.

Дядя Володя хмуро взывал к осторожности. Дескать, времена нынче беспокойные, и негоже слабой девице на мужской работе валандаться. Его речь была, пожалуй, самой краткой и проникновенной.

Кузен Андрюха попытался наехать на Яна и заявил, что мужика надо выбирать сильного во всех смыслах: и физически, и магически, раз уж сама по обоим фронтам в отстающих. Но именно что «попытался». Только он завел шарманку, как я пообещала нанять ведьму и проклясть все его стероиды, благодаря которым Андрюха, собственно, и раскачался до размеров среднего танка.

Потом подумала было объяснить, что Ян мне не «мужик», а просто напарник, причем даже временный, но к тому моменту уже так разозлилась, что промолчала. Ну их, пусть верят, во что хотят.

Кстати, пообщаться и нормально попрощаться нам опять не дали. По возвращении в город его тут же уволок куда-то папа, а я... ну, я оказалась здесь. Только и успела забрать у поручика Фафнира да наскоро кивнуть.

Под конец коллективной отповеди Игорь обвинил меня в ветрености и злопамятности. Откуда он это взял, понятия не имею, но был упомянут случай с Ковальчуком – дескать, врага мне жалче, чем родного брата – и моя оторванность от родных, которым я не звоню, не пишу и не посвящаю твитты. Ну и логичный вывод: я на что-то злюсь, хотя всегда была всеобщей любимицей, меня холили и лелеяли, пылинки с меня сдували, а я неблагодарная зараза...

В этот момент мой мозг отключился, а глаза заволкло красной пеленой.

Не помню, что было дальше, но, нет, я ни на кого не напала. Даже не сказала ничего и не пикнула. Просто выпала из реальности, прослушав большую часть новых претензий, если они, конечно, были.

И вот с этими людьми я собиралась устраивать сеанс семейной психотерапии? Да ни в жизнь.

Сидели мы, кстати, в просторной кухне снятого ими дома, и единственной, кого на это экстренное совещание не допустили, оказалась Дашка. Ее вроде как наказали и оставили у меня в квартире, настрого

запретив покидать ее пределы. За что конкретно – тайна покрытая мраком, но сестрица не спорила, ибо слишком устала и вымоталась.

Собственно, я бы и сама сейчас не отказалась очутиться у себя дома, а не среди толпы с факелам...

Я всего лишь моргнула, честное слово. А когда открыла глаза, вокруг уже не было суровых лиц, читающих мне морали – только родная кухня, магнитики на холодильнике, цветочки на подоконнике и Дашка у плиты, жарящая блинчики.

Фафнир довольно фыркнул, выбрался из моих рук и, проворно спрыгнув на пол, поскакал к миске с молоком.

– Отпустили? – не оборачиваясь, спросила сестра.

– Нет, – заторможено ответила я. – Кажется, сбежала.

– Ну и правильно. Нечего их слушать. Что б умное сказа...

Ее прервал звонок мобильного – в спальне заиграло что-то веселенькое. Явно не мое.

– Ну естественно, – вздохнула Дашка. – Иди отвечай. Твой-то так и не ожил, вот и трезвонят на мой.

Не испытывая ни малейшего желания продолжать общение, я тем не менее покорно поднялась и пошла за телефоном.

– Ты воспитала премерзкую дракошку, Софья, – зашипела трубка голосом бабушки.

– Это дракот, – поправила я.

О том, что он как бы сам таким растет – очень быстро растет – и я не предпринимаю никаких попыток его воспитывать, упоминать не стала.

– Неважно! Мало того, что эта тварь без разрешения выдернула тебе с семейного совета, так она еще и наши порталы перенаправила на свалку!

Представив бабулю в привычном белом костюмчике посреди гор мусора, я не удержалась и хихикнула. А потом запоздало испугалась. Все-таки зарываться с моей бабушкой не стоит...

– Но не думай, – продолжала гневаться она, – что если мы не можем попасть к тебе сегодня, то ты уклонила от общего решения.

– И что же вы там нарешали? – без особого энтузиазма уточнила я.

– В ближайшие дни я разберусь с этим твоим... внутренним расследованием, приковавшим тебя к городу. А потом ты и Дарья отправитесь с Игорем в Ленинград. Поживете с ним какое-то время, он вас на работу пристроит. А то взяли моду скакать как стрекозы...

Какой еще Ленинград? Мы в каком веке?

– Ба... – возмущенно начала я, но была прервана.

– У вас был шанс! Одна трижды замуж собиралась, но только след из

жаб за собой оставила. Вторая возомнила себя сыщицей, а в итоге чуть не угробила и себя, и сестру, и постороннего человека. Хватит, наигрались.

– А как же правило про одного Зеленцова? – съехидничала я.

– Я его придумала, я его и отменяю, – отрезала бабуля. – Хоть буду уверена, что вы в хорошей компании и под присмотром...

– Это Игорь-то хорошая компания? Засранец, поломавший ни в чем не повинному человеку жизнь?

– Не смей так говорить о брате! Он маг. Всем магом свойственно стремиться стать первыми. Ты бы поняла, если бы...

– А, ну да, конечно, – перебила я, совершенно забыв, что нужно бояться.

Или просто устав от слишком долгого молчания.

Ладно, признаю, меня откровенно прорвало и понесло.

– Простите, что не разделяю ваших ценностей! Простите, что уродилась такой убогонькой. Простите, что пытаюсь найти собственный путь в жизни! И знаешь что, бабуль?.. Я ведь поверила. Поверила, будто вы все явились мне на помощь. В супергеройских белых плащах, ведомые дурным предчувствием, пришли меня защитить... А на самом деле вам просто приспичило в очередной раз показать собственную крутость и чужую ущербность.

– Софья...

– Делайте, что хотите. Я никуда не поеду. И Дашку не отпущу, если она сама не захочет. А что-то мне подсказывает, что не захочет.

– Не смей бросать трубку! – рявкнула бабушка.

Честно, никогда она еще не говорила со мной столь... эмоционально. И да – сдержанность пугает куда сильнее, чем подобные крики.

– И не собиралась, – вздохнула я. – Я умею быть вежливой и говорить «пока».

– Софья, мы правда пытаемся помочь, – устало произнесла бабуля.

– Миру помогите. Он как раз нуждается в сильных магах, а вы энергию на ерунду вроде меня тратите.

– Ты не ерун...

– Пока, бабушка, – честно попрощалась я, прежде чем нажать отбой.

Потом погипнотизировала потемневший экран взглядом и со всей дури запустила телефон в стену.

– Полегчало? – раздался за спиной голос Дашки.

– Нет.

Ни капельки. И я мигом очнулась и почувствовала себя идиоткой, потому что никогда прежде не вымещала злость на материальных объектах.

Да я вообще не привыкла злость вымещать, и вот...

– Зато теперь до нас точно никто не доберется, – фыркнула Дашка. –
Даже по телефону.

* * *

Перед сном я решила пошерстить магсеть на предмет информации о дракошках. В конце концов, нужно же было узнать, каких еще сюрпризов ожидать от Фафнира и могу ли я как-то управлять его спонтанными перемещениями. Ведь, похоже, от родни в квартиру он меня спорталил, повинуюсь моим же мыслям.

А может, это просто совпадение, и котенок просто устал от воплей этих двуногих... Как там сказал птицелов? Жалкие людишки...

Порой мы действительно такие жалкие.

Сведений оказалось немного. Как я и думала, маги-владельцы не шибко-то горят желанием делиться тем, как питомцы усиливают их и без того неслабое могущество. Ну а заводчики предлагали информацию только в обмен на свидетельство, куда вписаны имена – мое и Фафнира. Я таковым еще не обзавелась, да и ехать в питомник за разъяснительной лекцией не хотела.

Впрочем, один полезный сайт все же нашелся.

Там люди и маги, сталкивавшиеся с дракошками, делились своими наблюдениями и предположениями, которые в целом сводились к одному: зверь точно знает, что и когда нужно хозяину. Вот так просто.

Причем некоторых спорщиков рассуждения довели до того, что дракошки чуть ли не выстраивают сложные прогностические цепочки. То есть, получалось, что изначально Фафнир знал одно: хозяйке нужно разжиться информацией. А потому при случае переместил ко мне на помощь Дашку, чтобы она напортачила с порталом, и разрыв в материи притянул нас не куда-нибудь, а прямиком к месту службы птицелова, от которого мы и узнали о творящихся делах.

Не то чтобы я в это сразу поверила, но... что-то в этом было.

К примеру, от птицелова мы узнали о трех точках, между которыми появляются разрывы. В одной из них живем мы. Из другой приехал Беляк – наша жертва.

Совпадение?

А еще птицелов назвал поручика «пустым, но зрячим», что все же подтверждало мои догадки о его интуитивных способностях. Или не интуитивных, если учесть дар проявлять все подряд...

Правда, меня тоже обозвали. Сначала Исаев со своим «настоящая брежжатая», потом тот же птицелов, мол, слабая, но брежжатая... И

создавалось впечатление, что слово для них имеет какое-то особое значение – не то, что вкладываю в него я.

Черт, да это же просто должность! К тому же совсем не престижная, а даже наоборот. Это все равно что сказать: «Слабая, но уборщица».

Глупо и непонятно.

В общем, начинала я с запросов о дракошках, а в итоге перерыла всю сеть в поисках данных о брезжатах, коих нашлось еще меньше. Лишь человеческий юридический термин из старинного русского права да кое-какие выдержки из наших должностных обязанностей. О, и еще видео – то самое, где я в розовой пачке, с крыльями и на метле. Так и знала, что кто-нибудь заснял...

Спать ложилась с распухшей от мыслей головой и, если честно, была не расположена к задушевым беседам, но, когда Дашка опять перебралась из спальни ко мне на диван, все же не выдержала.

– Что у вас с Ковальчуком произошло? – спросила, обнимая сестру.

Она вновь была странно отстраненной и философски расслабленной – не то что давешняя нервная истеричка в лесу, – так что удосужилась ответить:

– Прошлое произошло. Его. Мое.

Что в прошлом шефа отметился Игореха, это я знала, но...

– А в твоём-то чего такого?

– Я имела глупость ляпнуть, за кого чуть не вышла замуж, – пробурчала Дашка, – а он завелся. Мол, простите, до графьев мы не дотягиваем и даже как маги слабы, не чета вашим братьям и сватьям.

– Вот придурок.

– Он ведь до вчерашнего дня и правда не воспринимал меня как сестру Игоря...

– Так вы до вчерашнего дня и знали-то друг друга всего день, – напомнила я.

– И ночь, – вдохнула сестра.

– Ах, ну конечно. Ночь – это самое главное.

– Вот когда Яна своего окрутишь, тогда и поговорим.

Наверное, моя покрасневшая физиономия сияла в темноте комнаты точно маяк.

– Ну прям... надо мне больно кого-то окручивать...

– Ну или он тебя окрутит...

– А птицелов тебе чем не угодил? – поспешила я сменить тему.

– Да патлами своими... черными... длинными... Еще б в хвостик стянул, и сразу бы убила.

Мы рассмеялись, и дрыхнувший на подушке рядом с моей головой Фафнир недовольно заворчал во сне и потянулся, задев меня лапой.

– И ты представляешь, – продолжила Дашка, немного успокоившись, – этот гад еще имел наглость мне позвонить!

– Птицелов? У него ж телефона нет...

– Да какой птицелов? Ковальчук!

Я аж подскочила, опять вызвав недовольство кота – на сей раз меня даже легонько укусили попытались, да вот только зубы еще не доросли.

– Seriously?

– Угу. Пока тебе мозги промывали. И ведь не извиниться звонил, а допросить. Все выпытывал, знакома ли мне легенда про каких-то двух братьев, и стишки дурацкие читал.

– А ты?

– А что я? Я выслушала, послала к норгу в задницу и отключилась.

Я вновь легла и задумчиво уставилась в потолок. Ковальчук, конечно, придурок, но с чего он вдруг решил спрашивать о легендах именно у Дашки? Она же...

Ой, хорошо, что я не успела озвучить свои мысли вслух. Как можно было забыть, что сестра у меня, вообще-то, историк и, собственно, в Ярославле устроилась преподавать историю магии.

– Тебе с работы-то не уволили еще? – заодно поинтересовалась я.

– Сама уволилась, – фыркнула Дашка. – Студенты лапочки, но работают там одни снобы и фашисты.

– Как в любом вузе...

Ненадолго же ее хватило...

Или причина в другом, и Дашка решила после всего покинуть город?

– Я слышала, что ты говорила бабушке, – отозвалась она, словно прочитав мои мысли. – И спасибо, но я все-таки с Игорем отправлюсь. Не жить с ним, конечно, но в Питер давно хотела, а раз уж бабуля решила отменить правило... Самое время. Можешь праздновать.

Но праздновать не хотелось. На самом деле мне было чертовски грустно в очередной раз терять сестру, когда мы, казалось, почти нашли общий язык.

– А я ведь записала, – внезапно добавила Дашка.

– Что?

– Стишок Ковальчуковский. Он про ваше дело мельком упоминал и говорил, мол, это тебя касается, вот я и записала. Вдруг вам с майором твоим пригодится.

– Показывай.

Я быстро села и включила свет. Фафнир психанул и, спрыгнув с дивана, гордо удалился в спальню, где ему никто не будет мешать. Все-таки, хорошо, что он так быстро растет, не надо нянчиться. С другой стороны, взрослые коты не так умильны, как крохотные пушистые котятки...

Через минуту я уже держала в руках книгу рецептов, на форзаце которой сестра и записала странные строки:

*«Один скрывает следы и знаки,
Другой вскрывает замки изнанки.
Что первый брат стережет и прячет,
Второй – отважно являет зрячим».*

– И что это за братья? – растерянно пробормотала я, перечитав четверостишие раз десять – и про себя, и вслух, и задом наперед.

Дашка пожала плечами:

– Я как поуспокоилась, пыталась вспомнить. Вертится что-то в голове, а ухватить не могу. Потом в записях своих порылась – ничего.

И у меня в голове вертелось. Казалось, я прежде уже слышала это стихотворение – именно слышала, а не читала. Потому что вместе со строками вспоминался голос. Скрипучий и жутко неприятный, но отчего-то завораживающий...

– Са... Ковальчук еще сказал, что эти братья – не люди точно.

– Звери, что ли? – нахмурилась я.

– Да нет, в смысле, это иносказательно. Вроде как о предметах. Знаешь, как в загадках. Сидит девица, сама в темнице, а коса на улице. И девица тут не девица. Вот братья эти не братья, а просто нечто парное.

– Что-то много тебе Ковальчук успел сказать для разговора на эмоциях, – прищурилась я.

Дашка покраснела:

– Так я ж слушала. Ждала, когда что-то другое скажет, а он...

– А он идиот, – констатировала я уже известный факт и вновь вернулась к четверостишию. – Отважно являет зрячим... Это связано с поруч... с Яном.

– Почему?

– Его сегодня птицелов зрячим назвал. Но даже не в этом дело, а... – Я закусила губу, пытаюсь оформить свои бессвязные мысли в слова. – Тут все упирается в проявление незримого. Грубо говоря, один брат что-то прячет, а второй всем показывает. Как раз это и происходит в последние дни. Еще и разрывы эти... будто кто-то нарочно пытается вывалить на людей все скрытое.

– Может, так и есть, – пожала плечами Дашка. – И Ян твой вообще ни при чем.

– Да, только... – Я замялась. – Не знаю. Но должна узнать, потому что все вокруг нас с ним и вертится. Как бы поздно не оказалось. Как там, кстати, твое предчувствие? Не улеглось?

– На месте родимое, – хмыкнула Дашка. – И у остальных тоже. Вот они и бесятся и утащить тебя из города хотят. Так что ты зла не держи.

– Не держу, – соврала я.

– Держишь. Еще с детских лет, с той истории с блоком.

Значит, мои лесные откровения до нее все же дошли.

– Но теперь ты начала давать отпор и огрызаться, – продолжила сестра, – так что скоро до них дойдет, что ты не один из цветочков из мамулиной теплицы. Безмолвных и бесправных. А теперь... – Она зевнула и, щелкнув выключателем, вновь улеглась. – Спать пора.

– Но... стих...

– В таком состоянии ты сейчас такую разгадку придумаешь, что Стивен Кинг обзавидуется. Ложись. Завра купим телефоны, свяжешься со свои Яном, и продолжите расследование.

Разумеется, Дашка была права.

Я отложила книгу, нырнула под одеяло и послушно закрыла глаза. Вот только не так-то просто уснуть, когда в голове вертятся дурацкие строки, а ты пытаешься не только постичь их тайный смысл, но и вспомнить, откуда вообще их знаешь...

Плюс: я все-таки отключилась.

Минус: новый телефон сожрет мои последние деньги, а зарплаты, благодаря отстранению, не будет еще долго... Точно надо поскорее со всем разобраться.

Глава 19

И с новыми учебниками истории тоже было интересно ознакомиться. Оказывается, творить историю легко. История – это то, что написано в книжках.

(с) Терри Пратчетт

Утро мое началось около полудня под активный массаж груди четырьмя лапами и громкое тарыхтение. За ночь Фафнир еще поднабрал в весе, так что теперь по мне топтался крупный такой котенок на вид месяцев трех отроду – никакого сравнения с тем крошечным комочком, что только позавчера мне вручила сестра.

– Дашка! – позвала я, не обнаружив ее рядом. – А дракошки точно не от драконов произошли? Или мне пора искать жилье побольше?

Дашка явилась через минуту – уже при полном параде: зауженные джинсы, какой-то модный пуловер неопределимого цвета, стратегический макияж и идеально прямые блестящие волосы. Сняв с меня Фафнира, она безжалостно повертела его в руках, мгновение поглядела в наглые голубые глаза и неопределенно пожала плечами:

– Вообще, они обычно нормально растут. Как обычные кошки. Полагаю, он вымахал, потому что ты того хотела.

– Неправда! – искренне оскорбилась я.

– Ну, может, переживала, что он такой маленький, боялась навредить или одного его оставить. Вот он и решил, что если подрастет, то тебе будет удобнее.

Я забрала у сестры кота.

– А можно это как-то остановить?

– Попроси.

Она ушла, а мы с Фафниром устроили игру в гляделки.

– Значит, ты мой личный джинн...

Разумеется, мне не ответили.

– Прекращай это гипер-развитие, – строго велела я. – Вырасти всегда успеешь. А у любого ребенка должно быть детство.

Фафни одновременно зевнул и мяукнул и, задрвав хвост, ускакал вслед за Дашкой.

Через несколько минут я присоединилась к этой парочке на кухне, где мне тут же вручили новый телефон, в который уже была вставлена моя старая симка, и огромную кружку кофе.

– Спасибо... Ты когда успела? – удивилась я.

Дашка демонстративно обвела свой наряд рукой:

– Думаешь, куда я так вырядилась? Работы-то больше нет, мужика нет, вот и прошвырнулась с утра по магазинам.

– Наши ломались?

Я уже пролистывала десятки пропущенных вызовов и непрочитанных сообщений. Номера Яна среди абонентов не было, так что к остальным я даже приглядываться не стала – просто отложила телефон.

Почему он не позвонил? Решил, что я еще не скоро обзаведусь новым мобильником?

Или просто продолжил расследование в одиночку, потому что за мной по пятам ходит треклятая Невезуха?

– О, еще как, – самодовольно улыбнулась Дашка. – И трезвонили – я

сбрасывала, и порталами баловались – Фафни всех перенаправил, кого куда, и даже соизволили ножками прийти под дверь и постучать, но тут я даже спрашивать «кто там» не стала. И естественно, не открыла.

– Думаешь, отстанут? – спросила я.

– Беру удар на себя. Собирайся, лети к своему майору, а я пойду родню отвлекать. Скажу бабушке, что согласна осесть в Питере – и пока она будет исполнять ритуальный танец древних майя, ты успеешь всю преступность искоренить.

Я в этом сильно сомневалась, но в душ потопала. А когда вышла, Дашки уже не было, зато на столе лежало пламенное послание от нее. Крупные, сильно заваленные влево буквы гласили:

«Советую заглянуть в библиотеку на Ленина, в каком-то там ДК. Спроси неотредактированный сборник сказок Иеремии Ту. Я звонила, он у них есть. Если про этих братьев что-то где-то и сказано, то именно там.

P.S. Накрасься ты уже, кого-нибудь великого ради. Женщина ты, или где».

Ну и тушь и губная помада, что, собственно, придавливали записку к столу, были красноречивее всяких слов.

* * *

Девятнадцатый филиал библиотеки имени Лермонтова встретил меня безрадостно – пустыми залами и жующей жвачку коротко стриженной девицей лет двадцати, что при виде нежданного посетителя скривилась, но приготовилась внимать.

– День добрый, – попыталась проявить вежливость я. – Вам сегодня звонили по поводу неотредактированного сборника сказок Иеремии Ту...

И умолкла. Обычно в этом месте человек понимал, что от него требуется, но девица то ли оказалась особо незамутненной, то ли решила надо мной поиздеваться.

– Ну, звонили, – протянула она, не прекращая жевать.

– Вы сказали, что сборник здесь есть, – вновь подтолкнула я.

– Ну, есть.

– И как бы мне его увидеть?

– Дать паспорт, сто рублей за бланк и заполнить анкету, – проямлила все-таки незамутненная дева.

– Прекрасно.

Надо отдать ей должное, работала библиотекарьша быстро и четко – не то что некоторые старушки, на которых я столько раз натыкалась в госструктурах. Те на компьютеры по прежнему смотрят как на врагов народа, а стоит курсору перескочить на соседнюю строчку, тут же орут

«Витя!» или там «Петя!», чтобы некий сисадмин срочно «вернул все, как было».

Тяжела работа сисадмин...

Так что есть в молодости сотрудников некоторые плюсы. Хотя вежливость и образованность в их число, очевидно, не входят.

– А че там за сказки-то? – прочвакала девица, на бейдже которой значилось величественное «Курицына Адель Петровна, библиотекарь». – С трешачком или как?

Мы уже прошли в дальнюю секцию читального зала, специально отведенную под околوماгическую литературу.

– С трешачком, – наобум ответила я, понятия не имея, о чем писал этот Иеремиа.

– Крутота... Надо будет позырить.

Открыв застекленный шкаф висящим на шее ключом, Адель Петровна выудила оттуда толстенный том в типичном для старых книг кожаном переплете и водрузила его на самый дальний стол.

– Читать только за этим столом, – неожиданно строго произнесла она. – Тут защита стоит, а то мало ли... у нас тут одна книжка пацана мелкого обклевала, чуть не посадили всех к чертям.

– Обклевала? – опешила я.

– Долгая история, – отмахнулась Адель Петровна. – Короче, читать тут, страницы не выдергивать... Хотя некоторые пытались без особого успеха. Но все равно не надо. Как закончишь – подойди, я сама все уберу.

– А сфотографировать страницы можно, если вдруг? – Я помахала телефоном.

– Это на здоровье, хоть видео снимай и на ютуб выкладывай. Ну все... не скучай тут... Потом расскажешь, какая сказочка самая трешовая.

Кивнув и дождавшись, когда она уйдет, я уставилась на талмуд и загрустила. Сколько ж там сказок в этой неотредактированной версии? И как найти упоминание неких братьев, о которых ни черта вообще не известно, кроме способности что-то прятать и что-то проявлять?

Впрочем, если просто сверлить книгу глазами и рефлексировать, эффекта точно не будет, так что я со вздохом ее открыла.

Форзац оказался красочным и несколько абстрактным. Рисунок, словно какая-нибудь фреска Боттичелли, вместил кучу народа самых разных форм и размеров на фоне скалистых гор, над которыми кружили всякие крылатые твари. Среди толпы на переднем плане я узнала и своего нового знакомца птицелова, и домовых, о которых уже лет сто никто ничего не слышал, и светлячек – ночных дев, соблазняющих заплутавших

путников...

В общем, многие тут собрались. Я и не ведала, что истории о некоторых существах берут свое начало в сказках Иеремии Ту.

Далее шла пара страниц с надписями на непонятном языке, а потом – ура-ура! – содержание. Страницы, кстати, на ощупь и на вид казались гладкими и новенькими, что противоречило и древнему переплету, и картинке, явно не отпечатанной, а нарисованной специально для этого тома. Либо «внутренности» вставили сюда уже позже, либо книга сама себя защищает от устаревания, что вполне логично и привычно.

Не будь защиты, ее б, наверное, в каком-нибудь защищенном подвале хранили, а читателей подпускали только за бешеные деньги и в перчатках.

Подумав, что раз перчатки мне не вручили, то трогать можно, я пробежалась пальцем по названиям сказок, выстроенным ровным столбиком, ничего толком не поняла и начала сначала.

Похоронная история.....5

Птицелов и мертвая дева.....12

Огоньки во мраке бездны.....27

Да уж, очень позитивные сказки. Надеюсь, в «отредактированной» версии и названия не такие жуткие. Зато хоть библиотекарьше не соврала про трешачок.

Королевские сны.....40

Зови меня драконом.....46

Отмеченная Самим Шуи.....51

Незримое.....65

Дальше я читать не стала, быстро пролистала книгу на шестьдесят пятую страницу и впилась глазами в текст.

* * *

Из библиотеки я выходила в странном состоянии прострации – даже не помню, сказала ли что-нибудь Адель Петровне на прощание – и в нем же доплыла до ближайшей кофейни, где и устроилась в углу, дабы обдумать полученную информацию.

Было ее немного, ибо сказка под относительно милым и безобидным (в сравнении с остальными) названием «Незримое» оказалась в итоге совсем о другом, но выловить в ней нужное все же удалось.

Итак, Ковальчук был прав, когда говорил Дашке, мол, братья – это не люди, а некие парные предметы. Собственно, и создала их пара – семейная.

Как я поняла, эти супруги любили подурачиться и поспорить, и однажды муженек заявил, будто сможет смагичить так, что никто из их братии ничего не увидит и не поймет. Жена спор приняла, но ведь мешать

ей никто не запрещал, так что, пока он корпел над артефактом, скрывающим магический след даже от магов, она сотворила полную тому противоположность – артефакт, проявляющий все скрытое.

Итого все свелось лишь к тому, чье творение окажется сильнее.

Как эти предметы выглядят и кто победил, подлец Иеремия так и не рассказал – вообще, в «Незримом», по сути, был задействован только скрывающий артефакт, а о втором упоминалось вскользь, для полноты картины. Так что я даже не до конца была уверена, что это именно мои «братья».

Однако за неимением других вариантов решила считать, что мои.

Осталось только сделать из этого правильные выводы и...

Ничего. Мне по-прежнему критически не хватало информации.

Допустим, в нынешних событиях действительно задействован проявляющий артефакт. Допустим, его каким-то образом подкинули Яну, чтобы он, сам того не ведая, бегал по городу и показывал людям, как много от них скрыто. Допустим, что у всего этого есть какая-то недоступная для моего скудного умишки великая злодейская цель...

Сразу возникает несколько вопросов.

Во-первых, почему именно Ян? Если надо охватить значительную территорию, следовательно по конкретному району явно не самый лучший выбор. Какой-нибудь доставщик пиццы подошел бы больше.

Во-вторых, что ж там за артефакт такой, что поручик таскал его на себе несколько дней и даже не заметил? В то, что он как-то замешан и обо всем осведомлен, я верить категорически отказывалась. Таких честных мужиков и следаков еще поискать.

В-третьих, умишка у меня, может, и скудный, но кому, в конце концов, может быть выгодна вспышка в городе неестественной магической активности? Шпионские игры и забугорных разведчиков я сразу отмела – Ярославль не самый стратегически важный объект страны. Так почему именно здесь, сейчас и вот так?

Ну и в-четвертых, как все это связано с магическими разрывами, смертью ивановского бытовика Беляка, натравленными на нас призраками и прочей ерундой?

Ясно было только одно: без Ковальчука с этим не разобраться.

Он откуда-то откопал этот стишок про братьев и решил, что все взаимосвязано. Значит, ему известно куда больше, чем нам с поручиком. Ну и возможностей у него гораздо больше.

В голову пришла шальная мысль рассказать шефу все – от и до. Перечислить каждую странность последних дней, описать все свои

злоключения. Ведь должно же ему хватить здравого смысла, чтобы выслушать меня и хотя бы попробовать соединить все точки...

«А не пытаешься ли ты просто сгрузить свои проблемы на чужие плечи?» – оживился внутренний голос, но совсем удариться в шизофрению и ответить я не успела, ибо внезапно стала свидетелем того, как рушится карьера и проявляется истина.

* * *

С Серегой Крапивиним мы были знакомы шапочно. То есть знали, что оба мы брежчатые, но трудились на разных поприщах и пересекались довольно редко, если не сказать – всего раза три.

Брежчатые, они ж не только в правоохранительных органах нужны, а буквально во всех сферах. Сереге, к примеру, посчастливилось работать в пресс-центре мэрии, пусть и знали о его героической деятельности (и вообще о существовании) только бухгалтер и глава службы безопасности.

Сереха собой все равно крайне гордился, и все три раза, что мне довелось послушать его речи, вещал исключительно о собственной важности.

В общем, не нравился он мне. Думаю, как и я ему. Но когда Крапивин проскользнул в кафе вслед за некой бизнес-вумен, трещащей по телефону, я все равно мельком ему улыбнулась.

Здороваться и кивать не стала, потому как Сереха явно был на службе, читай «невидим», и пас ту самую вумен.

Выглядела она, кстати, шикарно. Никаких строгих костюмов, зализанных волос и очков – наоборот, очень женственный наряд с длинной летящей, будто невесомой юбкой, блузкой и кардиганом, модная стрижка, идеальная укладка, изящное тонкокостное лицо. Но в осанке и движениях все равно чувствовалась сила, власть, уверенность – отсюда и выводы о роде деятельности. Даже я залюбовалась, а немногие посетители кафе мужеского полу – и подавно.

Дама же прервала разговор и даже остановилась, чтобы оценить произведенный эффект – лишь на мгновение, но и его хватило для катастрофы.

Наконец заметивший меня Сереха Крапивин прищурился, пытаясь не то понять, чего я разулыбалась, не то вообще вспомнить, откуда он меня знает, задумался, отвлекся и едва не налетел на объект слежки. Остановиться вовремя он все же успел, однако при этом начал терять равновесие, взмахнул руками и взметнул в воздух та самую легкую, летящую юбку.

Вообще, такое в нашей жизни случается, и чаще, чем хотелось бы. В

моей – так тем более. Но в том нет особенной катастрофы. И то, что Крапивин выругался – ерунда. Заклинание скрывает не только брежатого, но и все издаваемые им звуки, иначе бы на эту работу брали только каких-нибудь ниндзя, обученных бесшумному шагу и особой технике дыхания.

Так что в любом другом месте, в любой другой день, оглянувшись и не увидев никого за своей спиной, женщина бы решила, будто юбку ей задрал ветер. Ну вышел кто-нибудь из кафе, поднялся сквозняк, большая новость.

Но именно сегодня и именно сейчас она обернулась, вскинула красное от ярости и уже не такое прелестное лицо к длинному, как каланча, Крипивину и прошипела:

– Совсем ополоумел?

Он даже не сразу понял, что обращаются к нему – выпучил глаза, огляделся в поисках «ополоумевшего», потом, видимо, осознал, побледнел и вжал голову в плечи.

– П-простите... з-запнулся...

– Запнулся он, – сплонула женщина. – За продавщицами на рынке запинайся.

И гордо поплыла к стойке, где бариста уже подготовил для нее, похоже, заранее заказанный кофе на вынос.

Вплоть до ухода вздорной дамы Крапивин стоял у стеночки, куда ретировался после отповеди, а когда дверь открылась и закрылась, быстро прошмыгнул за столик.

За мой столик.

– Видала? – спросил шепотом и без лишних предисловий.

– И тебе привет.

– Привет-привет. Не, ну ты видала?!

– Ну лажанул, – пожалала я плечами. – Бывает.

– Со мной не бывает! – вспыхнул Крапивин. Потом завис, словно что-то вспоминая, и наконец вспомнил: – Зеленцова! Точно... Зеленцова, ты хоть понимаешь, с какими людьми я работаю? Да от меня зависит имидж мэрии, мэра и всего города. Думаешь, я могу облажаться? На мне сейчас три усилка. Три, Зеленцова! На случай если с одним и со вторым что-нибудь случится.

К горлу подступила тошнота.

– И... ты долго ее пасешь?

– Да почитай вторую неделю, – чуть спокойнее ответил Крапивин, осознав, что своей истерикой привлекает ненужное внимание. – Ни одной осечки. Да я с самого утра с ней в машине катаюсь на заднем сиденье. И от парковки сюда спокойно дошел и вдруг...

С каждым его словом меня мутило все сильнее.

– И кто это такая?

Крапивин прищурился:

– А ты не знаешь?

– Впервые ее вижу.

– Это пресс-секретарь нашего мэра.

Я ждала продолжения, а Крапивин затягивал паузу. В нем явно боролись профессионализм и желание лишней раз поведать окружающим о собственной значимости, и в итоге последнее победило.

– Короче... помнишь недавний скандал с наркотой? – Он склонился ко мне через стол и понизил голос. – Ну когда мэр во время пресс-конференции начал петь песни и едва не напал на журналиста?

Я не помнила. Точнее, помнила, что скандал был, но в подробности не вникала. Однако на всякий случай кивнула.

– Ну так там не в наркотиках дело было. Подсадили нашему мэру паразита с изнанки. Этого... как его... что-то с мозгом связанное.

– Мозгоед? – предположила я.

Конечно, у этой твари имелось и более научное название, которое все вечно забывали, но, так как она практически лишала свою жертву разума, прозвище «мозгоед» появилось моментально и прилипло навеки.

– Точно! Ну и в службе безопасности почему-то решили, что Екатерина Андреевна как-то замешана. Слежу теперь, – гордо заявил Крапивин. – Можно сказать, провожу расследование. Работаю под прикрытием.

Он вдруг потрясенно замер, поник и тяжело вздохнул.

– Точнее работал. Меня теперь не то что отстранят – уволят навеки.

– Да как они узнают-то? – нахмурилась я.

– Они все узнают... всегда... – драматическим шепотом сообщил Крапивин. – Ну вот как меня угораздило, а? Может, усилки бракованные?

Он вытащил из-под рубахи три амулета на веревочках и погремел ими, точно связкой ключей.

– Если так, могу свалить все на снабженцев...

– А ты разве не должен и без усилков справляться?

В конце концов, наняли его как раз потому, что он оказался значительно сильнее прочих брежневых. Не как нормальные маги, но и точно не как я.

– Должен, он это все же страховка...

Крапивин явно пытался ухватиться за соломинку, и я не стала ему мешать. Должна же у человека быть надежда.

А вот мои надежды на лучшее таяли с каждой секундой.

– Позволишь эксперимент? – спросила я, чувствуя, как грудь сдавливает все сильнее.

– Какой? – насторожился Крапивин.

– Попробуй сейчас исчезнуть.

Он ахнул:

– Ты что?! – Хипстерская челка вздыбилась, поросшее легкой щетиной лицо искривилось. – На людях?

– Просто попробуй, – настаивала я. – Хоть с усилками, хоть так. На нас никто не смотрит.

Крапивин затравленно огляделся, по-детски закусил пухлую губу и наконец нехотя кивнул:

– Ну ладно.

Секунда. Две. Три...

– Ничего?

– Не-а.

– Так, а теперь продиктуй мне свой номер.

– Вот еще, – фыркнул Крапивин. – Ты не в моем вкусе, Зеленцова.

– Это мне крайне льстит, – парировала я. – Номер продиктуй, мне кое-что проверить надо. Ты же не хочешь, чтобы подобный конфуз повторился?

Он нахмурился, но номер продиктовал – сквозь зубы и не сводя с меня подозрительного взгляда. Я быстро забила цифры в список контактов.

– Ну и что теперь?

– А теперь... – я поднялась, – жди здесь. Seriously, не двигайся с места.

И направилась к выходу.

Номер набрала, едва оказавшись за дверью.

– Зеленцова, что за шутки? – зашипел Крапивин.

Я видела его перекошенную физиономию через стеклянную витрину кафе.

– Не клади трубку и слушай внимательно. Попробуй снова исчезнуть.

– Зеле...

– Пробуй!

Его перекосило еще сильнее, но через несколько секунд раздался ответ:

– Нифига.

– Так... минуту. – Я осмотрелась и пошагала к видневшейся вдали автобусной остановке. – Только не отключайся.

Я не знала, какое нужно расстояние для проверки. По идее, должно

было хватить и нескольких метров, но на всякий случай я добралась до остановки и даже ушла чуть дальше.

– Пробуй еще раз.

Ответа не последовало, и я было решила, что Крапивин все же психанул и нажал отбой, но тут раздался его радостный голос:

– Есть! Сработало! Получилось! – Потом пауза, и уже подозрительное:
– Что ты сделала, а? И что это такое было? Ау, Зеленцова?

Я стояла посреди тротуара, прижимая трубку к уху и тоскливо глядя на проносящиеся мимо машины. Денек выдался теплый, солнце радостно припекало макушку и, отражаясь от лобовых стекол, било в и без того слезящиеся глаза.

– Глюк системы, Крапивин, – отозвалась я наконец. – Не парься. Больше такого не повторится.

Я так заиклилась на том, что все странное в моей жизни – ну, особенно странное – начало происходить с появлением Яна, что другие варианты даже не рассматривала. Не пыталась поглядеть по сторонам и уже даже придумала для поручика неких одаренных предков, наградивших его необычными способностями.

Потом, выяснив про артефакт, ни на йоту не отошла от своих заблуждений и продолжила приплетать все новые открытия к Яну.

А ведь есть такой чудесный принцип, бритва Оккама, наверняка знакомый всем и каждому. И согласно ему, самый простой ответ, как правило, и есть верный.

К примеру, кто вероятнее проявит скрытое – простой человек или пусть слабый, но все же маг? Опять же, кто из них скорее окажется замешан в цепочку странных, но явно взаимосвязанных событий в магической среде? Ну и на кого додумаются натравить призраков – на того же человека, который для них не представляет интереса, или на идиотку, которая их до жути боится?

И ведь даже заверения родни, что я в центре грядущей катастрофы, не раскрыли мне глаза...

Впрочем, я до сих пор ни черта не понимала. Кто, зачем, почему... Но теперь хотя бы знала наверняка, что и проклятье в секционной, и бабушкин портал, и норг, и даже медитирующий птицелов – моих рук дело.

Моих, не Яна.

А уж замешаны ли тут какие-то артефакты – придется разбираться.

Плюс: удачно я заглянула в кафе.

Минус: только, кажется, не заплатила по счету.

Глава 20

Нет ничего хуже, чем вступить в спор с расстроенной женщиной. Впрочем, хуже этого может быть только спор с двумя расстроенными женщинами – если вы, конечно, не готовы заранее принять все их аргументы.

(с) Роберт Асприн

На злосчастной остановке, куда я все же доползла, даже придавленная грузом невероятных открытий, я просидела минут тридцать. Пугая молодежь остекленевшим взглядом и вызывая подозрение бдительных пенсионеров.

Ну, я так думаю. Потому что, когда наконец очнулась, один из сознательных граждан – сухонький старикашка с тростью – уже с невероятной сноровкой тащил в мою сторону полицейского и что-то ему выговаривал, тыкая в меня пальцем.

Я было собралась уйти, но быстро сообразила, что это будет выглядеть совсем уж подозрительно, а погоня мне точно ни к чему. Так что спокойно дождалась служителя закона, продемонстрировала свои документы, объяснила, мол, просто задумалась, и за сим с инцидентом вроде как покончили.

Провожаемая прищуренными взглядами дедов и бабушек – кто б мне сказал, чего они тут кучкуются – я медленно побрела в сторону вокзала, пересекла площадь Мира, протопала по Угличской до пересечения с улицей Чехова и, честно говоря, растерялась.

Ни планов, ни идей, ни каких либо связных мыслей по поводу узнанного в голове не водилось. Обрывки информации дрейфовали по моему сознанию, будто обломки пиратского корабля по океанским просторам, и я сильно сомневалась, что без помощи чудесного вмешательства свыше из них можно будет соорудить хотя бы паршивый плот.

Но, так как чудеса в моей жизни если и случались, то исключительно со знаком минус, я решила воспользоваться кое-чем более приземленным – технологиями.

Точнее, телефоном.

Вариантов для звонка было три.

Во-первых, конечно, бабушка. Ну или папа, тут уже без разницы. За последние дни они оба успели доказать – без особой на то нужды – что обладают огромной силой и властью даже в городе, где их все ненавидят. И думается мне, что при желании эта парочка могла бы легко разобраться даже со столь запутанным делом. И вероятно, желание в них можно

пробудить – ведь тут замешана вся такая беспомощная и непутевая я.

Но тогда не видать мне свободы как своих ушей. Мой звонок явно воспримут как капитуляцию, а просьбу о помощи используют как лишнее доказательство моей никчемности и, соответственно, повод утрамбовать меня обратно под семейное крыло.

Нет уж, увольте. Не настолько я еще отчаялась.

Второй вариант – Ковальчук. Я ведь уже размышляла о том, чтобы все ему рассказать и попытаться добиться ответной откровенности. Мол, у каждого из нас есть кусочки пазла, и только вместе мы сможем собрать цельную картинку. Вот только не факт, что мне поверят. А если и поверят, но с огромной вероятностью просто выудят из меня все важные сведения, а взамен ничего не дадут, оставив на периферии расследования.

Можете считать меня самоуверенной идиоткой, но я знала, что в силах принести пользу, и прямо-таки чувствовала, что мое участие в деле необходимо. Да и, что уж греха таить, просто на просто не хотела отсиживаться в стороне. Это мою жизнь перевернули с ног на голову, привнеся в нее зазорный элемент неожиданности. Так неужели ж я позволю кому-то другому со всем разбираться?

В общем, Ковальчук тоже оказался крайним вариантом, потому что за год проявил немало шовинистских замашек в целом и предвзятости ко мне в частности.

Ну и наконец... майор-не-поручик Ржевский.

Ладно, уже же понятно, что ему мне хотелось позвонить сильнее всего. Потому что он мне нравился, да... даже больше, чем просто нравился. Потому что он открытый, сильный, честный и справедливый. Потому что, как ни странно, мы действительно успели стать напарниками. И потому что он единственный каким-то непостижимым образом слышал и понимал все, что я говорю.

Оказывается, как мало мне нужно... быть услышанной. Даже грустно.

Но у этой кандидатуры тоже имелись свои минусы. К примеру, я по-прежнему дико стеснялась открывать ему всю правду о своей профессии. А еще благодаря мне Ян и так уже вляпался достаточно глубоко, и этим звонком я могла утянуть его на самое дно и серьезно подставить.

Ну и последнее – он мог и сам позвонить, однако почему-то молчал, что не то чтобы было так уж обидно, просто... нервировало.

В общем, куда ни кинь, всюду клин.

И все-таки нетрудно догадаться, чей номер я в итоге набрала. Потому что логика в таких делах бессильна.

Ян ответил после первого же гудка, словно ждал звонка и держал

мобильник наготове.

– Я уж думал, родственники сослали тебя куда-нибудь в Тимбукту.

На лице помимо воли расплылась улыбка.

– Пытаются сослать в Питер, но я активно сопротивляюсь.

– Зря. Погодка там, конечно, так себе, но места красивые.

Я огляделась. Находилась я, скажем так, не в самой живописной части города, однако...

– Мне и тут нравится.

– И это правильно. – Поручик на мгновение умолк, в эфире раздалось странное шуршание, ворчание и, кажется, мат, а потом: – Где тебя подобрать?

– Что?

– Разве ты не за этим звонишь? Думал, мы продолжаем. Я как раз собрался выезжать, есть одна зацепка. Так где ты сейчас?

Зацепка – это хорошо. Оставалось надеяться, что она более внятная, чем моя.

– На перепутье, – вздохнула я. – Решаю, в какую сторону идти – к площади Боевой Славы или все-таки на вокзал...

– Тяжелый выбор, – хмыкнул Ян. – Топай к площади, подъеду через пятнадцать минут, если нигде не встану.

И только когда он отключился, а я послушно направилась дальше по Угличской, в голове что-то щелкнуло: на чем он едет, если машина вчера превратилась в грудку металлолома?

* * *

– Папа? – неверяще переспросила я, когда мы тронулись.

Причем от ответа на мучивший меня вопрос я так обалдела, что даже не уточнила, куда мы, собственно, направляемся.

– Да, – скривился Ян.

– Мой папа?

– Ну не мой же.

– И с какой стати ему давать тебе машину?

Да не просто машину, а новенькую, блестящую и явно дорогую. На логотип я как-то посмотреть не удосужилась, но...

– Во-первых, не мне, а Следственному отделу, – недовольно и несколько смущенно пробурчал Ян. – Предыдущая тоже, по сути, принадлежала городу. Во-вторых, твой папа мне ее только передал, а вообще это вроде как от вашего Надзорного комитета. Компенсация ущерба, нанесенного потусторонними тварями.

Он вновь скривился и с досадой ударил по рулю.

– Слушай, я не просил, ясно? Уже думал, как перед начальством буду оправдываться за смятую в гармошку колымагу – тем более что смяло ее не во время дела, а в моем якобы отпуске. Как только выйду на работу, сдам этот космический корабль вместе со всеми бумажками от комитета, а себе попрошу что-нибудь попроще...

– Чего ты завелся-то? – не поняла я.

– Ну выглядит так... – Ян замялся. – Так, будто я с тобой возился, а потом взял у твоей семьи и... Твой отец так и сказал, мол, спасибо, что присмотрел. Ты ведь не думаешь, что?..

– И в мыслях не было, – быстро перебила я, делая в уме пометку «убить родителя». – Даже если б он отдал ее лично тебе, а не твоему отделу. Ты заслужил.

– Ох, заткнись.

Впрочем, несмотря на сварливый тон, после моего ответа ему явно полегчало, так что я рискнула сменить тему:

– Куда едем, и что за зацепка?

– Едем в гости к Ольге Метельке. – Я уже открыла рот, чтобы высказать все, что думаю об этой затее, но Ян продолжил: – Оказывается, она может много чего интересного рассказать.

Я прищурилась:

– Откуда дровишки?

– Не у одной тебя есть связи, – фыркнул он.

Все оказалось просто и сложно одновременно. Пока я выслушивала нотации родни, бравый поручик без дела не сидел и попытался выяснить как можно больше о прошлом Беляка. Ведь началось все – по крайней мере, для нас – именно с его смерти, а значит, в ней и кроется часть разгадок.

Ивановские полицейские никакой новой информации предоставить не смогли, а среди местных связей самая явная и свежая была нам известна – Ольга Метелька. После вмешательства высшего из Надзорного комитета ее подлечили и отпустили, так что Ян попытался сунуться к ней по последнему известному адресу проживания.

Там его встретила парочка недружелюбных ведьм, сначала попытавшихся поручика проклясть (полагаю, не по-настоящему, а всякими нехорошими словами), а потом сообщивших, что после пережитого стресса и смерти любимого Ольга временно перебралась к матери.

Мать, от которой Метелька и переняла тягу к ведьмовству, как дама продвинутая и умелая нигде не значилась, не привлекалась и не светилась, так что искать ее пришлось как раз с помощью тех самых связей, что Ян упомянул чуть раньше.

В итоге он разжился исключительно номером мобильного, мило побеседовал с «приятной женщиной средних лет», вкратце обрисовал ей ситуацию – разумеется, с выгодной нам стороны – и в итоге договорился о встрече.

Наталья, как попросила называть себя Метелька-старшая, обещала вкусный чай, полное сотрудничество дочери и ответы на многие интересующие нас вопросы.

– Нас? – уточнила я. – Или тебя? Что-то мне подсказывает, что меня там точно не ждут.

Ян поджал губы:

– Я сказал, что буду не один. Никто не возражал.

– Ольга не обрадуется...

– Как я понял, у матери на нее достаточно влияния.

Что ж, наверняка так и есть. Потомственные ведьмы, они такие. Дар ведь в данном случае не передается по наследству, а вот своеобразная мораль и некие сомнительные ценности вдалбливаются с детства. В результате чего дочь, как правило, вырастает с определенной долей ненависти к матери, но и авторитет оной остается непререкаемым до конца жизни.

Знаете, как у Стругацких: «...потому что волчица говорит своим волчатам: “Кусайте как я”, и этого достаточно, и зайчиха учит зайчат: “Удирайте как я”, и этого тоже достаточно, но человек-то учит детеныша: “Думай как я”, а это уже преступление...»

Ведьмы в этом плане самые страшные преступницы, ибо учат они дочерей и думать, и действовать, и чувствовать, как сами когда-то научились. Выжигают в них что-то важное и человеческое, а потом пристально следят, чтобы оно вдруг снова не дало ростки. Говорят, доброй ведьме не выжить. Задурут ей изнанка голову, оставит и без плоти, и без разума. Так что это вроде как даже защита, но... почему не позволить сделать собственный выбор?

Хотя, если судить по моему семейству – маги не лучше в плане воспитания потомства. Наверное, мне повезло уродиться вот такой... бесперспективной.

Вновь вспомнился вчерашний разговор с бабушкой, и настроение мигом опустилось в минусовую плоскость. Ян тоже думал о чем-то не шибко радостном, хмурился и до скрипа стискивал руль.

Если мы явимся на разговор с такими суровыми минами, наверное, даже ведьмы испугаются.

* * *

Наталья Метелька выглядела молодо.

Очень молодо для такой взрослой дочери. Столкнись я с ней на улице – не дала бы больше тридцати. Но теперь, зная, с кем имею дело, я приглядывалась, принюхивалась и выискивала мельчайшие детали, которые помогли бы составить достоверный портрет.

Потому что этому глянцевому лицу я не верила ни на грош.

Пахло от Метельки-старшей сеном и мокрым деревом. Не то чтобы я не любила эти запахи, но в моей личной обонятельной палитре они были символом недружелюбного настроения. Так что, как я и подозревала, мне не обрадовались.

Вот только немного не та ведьма, от которой я эту реакцию ждала. Матери-то я когда успела насолить?

– Проходите, – почти искренне улыбнулась хозяйка, заправляя за ухо волнистую прядь светлых волос.

А я вдруг вспомнила, кого она мне напоминает. Актрису из «Сокровища нации», – все время забываю, как ее зовут, – вот прям один в один, даже, наверное, красивее. Ольга, привлекавшая внимание накладной (как выяснилось) косой и ладной фигуркой, не унаследовала и десятой доли материнского очарования.

А я на фоне этой парочки вообще буду смотреться деревенским заморышем, хоть и вняла совету сестры и накрасилась. Толку-то...

Покосившись на Яна, я заметила на его лице такую же «почти искреннюю» улыбку, как у Метельки-старшей, и чуть расслабилась. Ему тоже было неудобно, а значит, магическое обоняние не подвело, и моя настороженность вызвана отнюдь не банальной бабской ревностью. Ну, по крайней мере, не только ею.

– Думаю, на кухне будет вполне удобно, – вещала хозяйка, провожая нас в светлую, вылизанную до блеска кухню, будто сошедшую со страниц модного каталога мебели. – Ольга присоединится к нам через минуту. Чаю?

Прежде чем ответить, Ян посмотрел на меня, и я уверенно кивнула:

– Да, пожалуй.

Но при этом одарила ведьму предостерегающим взглядом.

Понятия не имею, заморочилась ли она раскапыванием моей подноготной и выяснила ли уровень силы, но пусть лучше даже не пытается что-то подсыпать магу... или его спутнику.

Ведьма едва заметно дернула уголками губ, сдерживая не то гримасу, не то улыбку, и водрузила на стол коробку с чайными пакетиками – каждый в отдельной нетронутой упаковке.

Да, намек понят.

– Я, наверное, начну, чтобы не тратить ни свое, ни ваше время, пока Ольга приводит себя в порядок. – Наталья разлила воду по чашкам и устроилась во главе стола, так что я оказалась по левую ее руку, а Ян – по правую. – К тому же эта часть истории для нее крайне болезненна, так что лучше пусть не вспоминает лишний раз.

Верилось с трудом, но мы с поручиком синхронно кивнули.

– Я сама узнала обо всем буквально на днях, а то бы непременно попыталась что-нибудь предпринять, но, увы... Они познакомились в сети. Думаю, этот негодяй специально искал сильную, но наивную глупенькую девочку, чтобы задурить ей голову и использовать в своих целях, вот и наткнулся на мою Оленьку.

– Негодяй?.. – уточнила я, и ведьма тут же полоснула по мне острым как бритва взглядом.

– Беляк. Антон Беляк. Проходимец-ц-ц... Хм, простите. Так вот, ему нужна была ведьма. Точнее даже не ему, а им. Там же целая секта идиотов, возомнивших, будто они лучше знают, что нужно нашему миру.

– Маги? – На сей раз вопрос задал Ян.

– Да, маги. Разной направленности и одаренности, но все без исключения свято верующие в благое дело.

– И впрямь попахивает сектой...

– Я не скажу вам, кто их возглавляет и наставляет... – Наталья отхлебнула чаю и уставилась на нас поверх ободка кружки, так что пришлось последовать ее примеру, иначе обид не оберешься. – Просто сама не знаю. Наверняка его цель отличается от их, и он точно так же использует глупый молодец, как этот подлец использовал мою девочку, но это уже другая история, и не мне с ней разбираться. И даже не расскажу, чем он забил головы этих идиотов – у них спрашивайте. Но точно скажу, что их много. И что разрывы материи – их рук дело.

Я в общем-то не сильно удивилась, но для приличия округлила глаза.

– Да-да, кому-то понадобилось напустить в наш мир тварей с изнанки. Именно на это подбивал тот негодяй мою девочку, но она вовремя опомнилась, иначе бы...

– Неправда, – донесся от двери хриплый голос, и я обернулась.

Не знаю, как уж там Ольга приводила себя в порядок, но выглядела она сейчас заплаканной девочкой-подростком – в шортах, майке и с двумя тонкими косичками. Хотя, возможно, образ намеренный и рассчитанный на Яна.

– Она что здесь делает? – продолжила Ольга, так и стоя в проеме.

– Она ведет это дело наравне со мной, – отрезал Ян.

– А я слышала, что вы оба уже не у дел, – как бы между прочим сообщила Наталья.

– Вас дезинформировали.

– Ну...

– При ней говорить не буду. – Ольга надула губы и скрестила руки на груди, все больше напоминая подростка.

Взгляд ее матери стал таким... До этого я называла его острым? Теперь это был луч бластера, рассекающий все на своем пути.

– Немедленно прошла, села и все рассказала.

Не думала, что Ольга так быстро сдастся. Ожидала еще как минимум одну капризную сценку, но она опустила глаза в пол и понуро прошла на свободное место.

– Рассказывай, – подтолкнула Наталья. – Ты же так громко тут заявила, что я говорю неправду. Вот и поправь мать, а то такой конфуз.

– Я не опомнилась, – пробурчала Ольга, не поднимая головы. – Это Антон передумал.

– Решил покинуть секту? – недоверчиво спросил Ян.

– Там не секта, там... единомышленники. Но не в том суть. Он, когда меня вербовал и сюда ехал, не знал всего. Не знал, что будут разрывы и... жертвы.

– Жертвы?... – эхом повторила я.

– В Подмоскowie трое ребятишек пострадали, – совсем тихо, почти шепотом произнесла Ольга. – И у нас тут семья из пяти человек, и... еще другие. Хоть и не умер никто, но... сами понимаете. Столичные надзорники все подчистили и замяли, как и всегда, когда дело изнанки касается, но кое-что просочилось. Кто-то видел, кто-то слышал, кто-то рассказал. Остальным плевать, а Антон – он не такой.

Она наконец посмотрела на нас, и я вдруг поняла, что матери не удалось выжечь ее до основания. Эта конкретная ведьма умела любить.

– Был... был не такой. Он сказал, что все это неправильно, что сам положит всему конец. А мне велел не вмешиваться...

– Он все-таки призвал Карателей, – констатировала я.

– Да. Я говорила! Я предупреждала... А он сначала пропал на неделю, а потом попросил отвести туда, где алмиану продают. Ну мы и пошли к Чудику. Только я просила без меня ничего не делать. Да и вообще... он же замешан был изначально, а у Карателей своя мораль.

Итак, наша жертва все-таки почти самоубийца. Ну, по крайней мере, пометка «несчастный случай» на его деле теперь вполне справедлива.

– Он позвонил в среду утром, перед рассветом, – продолжила Ольга,

ковыряя край стола указательным пальцем, за что и получила от матери по рукам. – Сказал, что не справился. Что следующей ночью умрет, потому что яд принят, а Каратели не явились... Они признали его виновным и не пришли, понимаете?

На кухне повисло тягостное молчание. Только настенные часы отбивали ритм, да равнодушная Наталья постукивала по чашке ложечкой.

– Ты говорила об этом, когда тебя задержали? – нарушил тишину Ян.

– Еще чего, – фыркнула Ольга. – Я точно знаю, что среди тамошних тоже кто-то замешан, а жить пока хочется.

– А нам, значит, доверяешь? – усомнилась я.

Она пожала плечами и кивнула на Яна:

– Он человек, а ты... к тебе почему-то побежал Антон перед смертью.

Об этом я уже слышала, но теперь наконец дождалась подробностей.

– Он же попрощаться позвонил. Извиниться, что втянул. И встретиться отказался, мол, мне будет слишком тяжело, а ему еще надо успеть сделать нечто важное. Вроде как Каратели не помогли, так он и сам не промах. Ну я и решила посмотреть, на что он потратит последний день своей жизни. А он... в кафешку... с какой-то... еще и подарки ей...

Ольгу таки прорвало, и следующие пять минут мы одеревенело сидели на стульях, слушая невнятные бормотания сквозь поток слез. Наталья утешать дочь не спешила и даже не смотрела в ее сторону. Ян то краснел, то бледнел, но тоже не дергался. А я... ну, я и близких-то не умею успокаивать, а тут...

В итоге я все же потянулась через стол и легонько потрепала Ольгу по плечу. Это так ее ошарашило, что слезы вмиг высохли.

– Он стер мне память, – призналась я, глядя в огромные круглые глаза.

– Я не помню ни его, ни нашу встречу, ни подарка. Он для чего-то использовал меня. И уж явно не предавал тебя.

– Правда? – сипло спросила Ольга.

– Правда.

– Он... – Она прокашлялась. – Он очень уверенно тебе что-то говорил. Склонялся близко-близко. А ты все хмурилась. А потом он достал из кармана эту побрякушку и... Ты вроде не хотела принимать, но он все говорил, говорил, и в итоге ты ее прям там же и нацепила.

– Как выглядела побрякушка, помнишь? – тут же оживился Ян.

– Я ж издали наблюдала. Кулон какой-то. Или просто что-то на цепочке. Не знаю. – Ольга снова всхлипнула. – А потом я наткнулась на эту дуру, и нас на всю ночь... в обезьянник... а Антон у... у-у-ме-е-е-ер...

Мне было ее жалко, честное слово. Но несчастных жертв долбанных

заговорщиков – еще жалче. А так же всех будущих случайных жертв, если мы все это не остановим. Так что, кивнув Яну, я поднялась:

– Соболезную. И большое спасибо, ты нам очень помогла.

– Да, спасибо, – спешно подскочил следом поручик.

Ольга только в очередной раз всхлипнула, а Наталья сладко улыбнулась:

– Не за что.

Но услуга оказана, пусть для этого ведьме всего-то и потребовалось приструнить дочь – все равно рано или поздно эта зараза объявится на моем пороге, источая аромат сена и мокрого дерева.

Это в одиночку Ян мог поговорить с ними без всяких условий, а мое присутствие автоматически приносило в дело элемент «платности». Однако ничего ему говорить я не стала ни до, ни после.

До – потому что не желала остаться за бортом. А после – какой смысл?

В любом случае, мы узнали много. Очень много. Осталось только со всем разобраться.

Плюс: по-моему, очевиден.

Минус: не уверена, что готова к таким масштабам происходящего...

Глава 21

Всякого насторожит, если ему скажут, что сегодня ему крупно повезло.

Обычно такое не к добру. Стоит кому-нибудь сказать, что сегодня вам крупно повезло, как непременно случается какая-нибудь гадость.

(с) Терри Пратчетт

– Давай по полочкам, – начал Ян.

– Давай.

Мы сидел в его-не-его новой машине, припаркованной возле моего дома, уже около часа, но складной версии пока не выходило. Большой частью в этом виновата я – слишком уж сумбурно и путано я рассказывала об артефактах и своих сегодняшних приключениях, так что даже сама порой не понимала, к чему веду.

Но терпеливый поручик все задавал и задавал наводящие вопросы в попытке разобраться и вот, кажется, к чему-то пришел.

– Некто, назовем его Икс, задумал нечто. Что конкретно – непонятно, но для этого ему необходимо выпустить в мир как можно больше тварей, а заодно проявить всякое невидимое, правильно?

– Ну вроде как да...

– Далее. Икс не желает сам пачкать руки, потому набирает армию

адептов, вручает им флаг и отправляет в крестовый поход. Если верить тому мужику из леса, то территория распространения не так велика.

– Да, – подтвердила я. – Две линии, от Москвы до Ярославля и от Твери до Иваново.

– Хорошо. – Ян ненадолго замолчал, словно перебирая в уме факты. – Среди адептов обнаруживается совестливый бытовик, которого смущают случайные жертвы. И тогда он решается на отчаянный шаг – вызвать Карателей, чтобы те почикали всю секту вместе с главарем.

– Угу, но Каратели его отшивают, и яд срабатывает.

– Да, но... срабатывает с отсрочкой, и бытовик успевает... что-то.

Я скривилась:

– Встретиться со мной, опоить и вручить какой-то кулон.

– Так. Потом он возвращается в чужой дом, где обитал вот уже несколько дней, и готовится встретить смерть, но перед этим некто, предположительно, другие сектанты, его находят и считывают память. Вопрос: зачем?

– Чтобы узнать, кому он отдал кулон?

Ян задумчиво постучал пальцами по рулю.

– Думаешь, кулон – и есть тот самый проявляющий скрытое артефакт?

– Ну, учитывая, что прежде за мной таких способностей не наблюдалось, – я хмыкнула, – наверняка.

– Но в последние дни его на тебе не было, а эффект он оказывал.

– Удаленно? Или... или я его проглотила?

– За столько времени он бы уже, прости, вышел, – рассмеялся Ян. – Или как минимум устроил бы тебе визит в больничку. Ладно, это пока оставим. Возвращаясь к основному сюжету... бытовик считывают память, но в процессе он умирает, и, возможно, что-то сектанты все же не успевают узнать.

– А потом на сцене появляемся мы, – закончила я, – и начинается черте что.

– Это точно...

– И что в итоге?

– В итоге, – вздохнул Ян, – самое важное – найти кулон. Если Беляк потратил на него последние свои часы, то это несомненно важно. Полагаю, на этой штуке держатся планы Икса, и, украв ее, парень хотел эти планы поломать, раз уж ритуал провалился.

Я покачала головой:

– Ты гадаешь.

– Я выстраиваю версию, – возразил Ян.

– Тогда объясни, почему я. Почему из всех жителей Ярославля Беляк выбрал меня, чтобы вручить столь ценный артефакт?

– Потому что ты настоящая брежзатая, – внезапно произнес поручик и даже выпрямился, будто его осенило. – Ты ведь знаешь, кто такие брежзатые, не так ли?

Ну вот и настал тот неловкий момент, когда придется во всем признаваться. Щеки ожидаемо обдало жаром, и я отвела глаза, но все же ответила:

– Это моя должность в управлении. Есть и другие, в разных областях. Мы... следим, чтобы секреты магического сообщества оставались секретами.

– И чего ты краснеешь? – не понял Ян.

Черт, ну и зачем он включил это освещение в салоне.

– Потому что мы... как скрытые видеокамеры. На каждом углу, а вы и не знаете. Один из нас может в спальне у твоей кровати стоять, пока ты там...

Слишком поздно я поняла, что выбрала не самый удачный пример. Лицо теперь горело так, будто его облепили горчичниками, но я упрямо поджала губы и продолжила:

– Все мы слабые маги, способные только на заклинание невидимости. Мы подглядываем, подслушиваем и докладываем руководству все, что услышали и увидели. Мы следим за людьми. Я следила за тобой, понимаешь?

– А я знал! – внезапно расхохотался Ян и ударил ладонью по приборной панели. – Вот как чувствовал, а! На месте преступления, да? Летала там на своей метле... а мне будто кто затылок сверлил.

Я наконец оторвала взгляд от бокового окна и осмелилась взглянуть на поручика:

– И тебе совсем не обидно?

– Очень обидно, – вмиг посерьезнел он. – Что ты мне раньше не рассказала. Соня... ты правда думаешь, что все люди такие наивные? Поверь, многие догадываются, что от нас скрывают не то что половину, а девяносто девять процентов правды. Но, как я уже говорил, так живется проще. А тем, кто не догадывается, лучше и не знать и спать спокойно. Что толку, если все вокруг начнут видеть в кошмарах, к примеру, этих ваших призраков да шугаться каждого шороха в ночи?

– Да тут ведь не в сокрытии правды дело, – не унималась я, – а в слезке. Это другое.

– Ну, среди наших гуляла байка о том, что вы подглядываете за нами

через глаза домашних животных и насекомых, так что некоторые мужики даже стали отказываться что-либо обсуждать, коли рядом есть какой-нибудь кот или собака. Не поверишь, я как-то позвонил коллеге, а он мне, дескать, подожди, я выйду, у меня тут Рекс под боком.

Я, не сдержавшись, прыснула и прикрыла рот кулаком.

– Так что в некотором роде это даже облегчение, узнать, что хомячок моего брата не передавал в ваше управление мои личные разговоры.

Я боком откинулась на спинку сиденья и замороженно уставилась на Яна. И откуда он только такой взялся, а?

– Я твои личные разговоры не слушала, – заверила. – Только на месте преступления. Один разок. А потом у меня забрали метлу и велели работать с тобой в паре.

Он тоже повернул голову и улыбнулся:

– В наказание?

– Это Ковальчук так думал.

– Он просчитался.

– Согласна.

Я вдруг поняла, что мы сидим близко-близко, хотя прежде салон машины казался невероятно просторным, и неотрывно смотрим друг друга в глаза. И разумеется, в голову тут же полезли всякие дурацкие мысли.

К примеру, о поцелуях. Я ведь давно мечтала его поцеловать. Точнее, чтобы он меня поцеловал, потому что так положено. Ну и просто приятно. В груди опять заныло, зажгло, затрепетало – все сразу. И я вспомнила, как безумно волновалась перед своим первым в жизни поцелуем, свершившимся в подъезде родительского дома.

Страшно было жутко. И немного стыдно, потому что я поклялась подружкам, будто уже целовалась в летнем лагере, а они разнесли по всей школе, и Димка Мечников наверняка тоже все слышал. И вот он склоняется ко мне, а я понятия не имею, что делать: куда губы девать, куда нос отворачивать, а ведь еще язык пристроить надо и зубами никуда не врезаться, я слышала, что зубы – это самое сложное.

В итоге я так перенервничала, что до крови прокусила несчастному Мечникову губу и попыталась сбежать, но он поймал, прижал к стене и... Дальше было слюняво и, если честно, не очень приятно, но безумно занимательно.

С тех пор много воды утекло, и поцелуи уже давно не вызывали во мне подобного нервного напряжения и неуверенности.

До сего дня.

Что-то в Яне Ржевском вновь превращало меня в ту угловатую, до

смерти перепуганную девчонку, которая не знает, что делать с собственным ртом. Про руки вообще молчу.

Не то чтобы я была уверена, что Ян собирается меня поцеловать, или ждала чего-то такого, но, согласитесь, когда дв...

Поцеловал.

Просто наклонился и поцеловал, пока я предавалась воспоминаниям и рефлексии.

Неожиданно и сладко.

И в этот раз я даже не думала кусаться.

* * *

Мысли в кучу удалось собрать далеко не сразу. Я даже забыла, о чем мы только что говорили, и растерянно посмотрела на Яна, с трудом сдерживаясь, чтобы не коснуться припухших губ рукой.

Он тоже выглядел несколько взъерошенным и ошалевшим – ну наконец-то хоть что-то выбило поручика из колеи! Я даже на секунду возгордилась. И этой секунды ему хватило, чтобы прийти в себя.

– Настоящие брежжатые, – напомнил Ян.

– А, ну да. – Я вздохнула, откидываясь на сиденье. – Исаев так меня назвал. И именно он натравил на меня Беляка. Но я не понимаю, при чем тут «настоящие», если брежжатый – это просто должность.

– Значит, не просто. Значит, чего-то ты сама о себе не знаешь. Ведь Беляк специально искал... тебя.

– Нам опять не хватает информации.

Ян рассмеялся:

– Ты удивишься, но ее всегда не хватает. В любом деле.

– Я вот чего не понимаю... – Я пригладила растрепанные волосы, которые так и норовили залезть в глаза. – Метелька хоть и поостереглась делать признание в управлении, но про меня и подарок от Беляка вопила достаточно громко, а ведь она уверена, что среди наших есть сектанты. Так что если до этого они могли не знать, у кого кулон – не до конца считали память, – то потом-то уж сложили бы два и два. И... что? И ничего. Меня никто не схватил, не пытал, не убивал...

– А как же призраки? – напомнил Ян. – Сама сказала, их натравила.

– Просто пытались напугать, иначе б мы так легко от них не ушли. Так что нападали скорее на двух неугомонных и любопытных идиотов, которые лезут, куда не следует, чем на хранительницу некоего важного предмета. То есть, они либо так и не сообразили, что Беляк передал его мне, либо кулон вовсе не так важен, как мы тут напридумывали.

– Либо им выгодно, чтобы он оставался у тебя.

Я нахмурилась:

– И в чем тут может быть выгода?

– Увы, этого нам без кого-нибудь из сектантов не постичь. Может, там есть еще раскаявшиеся, или кто-нибудь пошел против босса, или...

– ...еще бесконечное множество вариантов – на сколько хватит фантазии.

– Точно.

Я устало потерла лоб рукой и уставилась на темный двор через лобовое стекло:

– У меня там кот один, если Дашка не пришла. Он, конечно, донельзя самостоятельный, может и в магазин за жратвой спорталиться, если что, но все равно...

– Да-да, конечно. И нужно отдохнуть и пере... переспать с этими мыслями. Утро всегда рождает свежие идеи.

Я смущенно кивнула и потянулась к дверной ручке, а когда выбралась наружу, Ян уже обошел машину и встречал меня с пассажирской стороны.

– Я про...

– Не надо, – перебила я и улыбнулась.

– Тогда дождусь, когда ты включишь свет в комнате. – Он кивнул на мои окна.

– А ты откуда знаешь, в какой квартире я живу?

– Посчитал.

Наверное, правду говорят, что ночь раскрепощает и толкает на то, на что при свете дня ты никогда не решишься. Вот и я в другой ситуации вряд ли бы сама потянулась за вторым поцелуем.

И да, он оказался не хуже первого.

* * *

Попав в квартиру, первым делом я ринулась в комнату, окна которой выходят на парковку, и включила свет. Затем подошла к окну и махнула рукой. Да так и стояла там, пока Ян не уехал, и костерила себя за то, что...

Что?

Нет, я не собиралась звать его к себе, скажем, на чашечку кофе. Ночь на дворе, какой кофе?

Или собиралась?

Или не собиралась, но лучше б позвала, потому что завтра все может показаться глупым и ненастоящим, и вообще не про нас?

Нелепые мысли набатом стучали в висках, но мне все же удалось стряхнуть с себя оцепенение и продолжить свой путь по квартире.

Следующим пунктом в списке наиболее важных дел значился Фафнир,

так что я бодро пошагала на кухню и...

– Твоего дракота пришлось усыпить, – прозвучал за спиной знакомый голос, – слишком уж буйно он отреагировал на мой визит. Нам надо поговорить.

Плюс: коленки мои выдержали и не подогнулись.

Внезапно еще один плюс: кажется, я теперь знаю, кто у нас возглавляет секту...

Ну и существенный минус: с такими знаниями долго не живут.

Глава 22

*Лучше уж я сам все окончательно испорчу, зато прямо сегодня,
без всякого там томительного ожидания и дыхательной гимнастики!*
(с) Макс Фрай

– Совсем больная?! – возмутился Ковальчук, расхаживая по моей кухне и гневно размахивая руками. – Нашла, блин, вселенское зло!

– А что я должна была подумать? Вламываетесь в квартиру на ночь глядя, еще и котенка моего усыпили...

Фафнира я, кстати, проверила, выглядел он вполне здорово, а что спал, так это, наверное, даже к лучшему, но самоуправство шефа все равно раздражало.

– Твой котенок, – прошипел он, потирая невредимую на вид шею, – мне чуть глотку не перегрыз. Скажи спасибо, что я его просто о стенку не шмякнул.

– Вот, – буркнула я, – еще одно доказательства вашей злодейской сущности. Животные все чувствуют, ничего от них не скроешь...

– Дура ты, Зеленцова, – отмахнулся Ковальчук. – Так что и спорить с тобой бессмысленно.

– Как вы вообще здесь оказались? – не стала я развивать тему собственной глупости, ибо дура и есть, хоть и несколько не по тем причинам, о которых думает шеф. – Фафнир тут такую защиту организовал, что даже порталы моих родных с пути сбивает, а не то что...

«Не то что ваши», – хотела я сказать, но осеклась. Он ведь никогда не ходил порталами. Точнее, полагаю, когда-то мог – в далеком прошлом, до встречи с моим разлюбленным братцем. Но за время нашего знакомства Ковальчук всегда прибегал к помощи штатного пограничника.

В общем, наверняка не просто силы берег.

Лучше б я закончила предложение. Сделала бы вид, что ничего не знаю и не понимаю, как прежде. А так мое вспыхнувшее от смущения лицо было красноречивее всяких слов.

Ковальчук досадливо поморщился:

– Рано или поздно все учатся ходить ножками. – А потом неожиданно фыркнул. – И замок у тебя препаршивый, я его по видео-уроку взломал.

Представив, как шеф, нервно озираясь и поглядывая на экран телефона с открытым ютубом, ковыряется в моей двери, я вроде как даже рассмеялась. Совсем чуть-чуть, но что-то вроде «пф-ф-фр» из меня точно вырвалось.

Я прокашлялась и скрестила руки на груди:

– Ну явились вы, и что дальше?

– Дальше ты мне расскажешь все, что узнала, – сурово произнес Ковальчук. – Про скрывающих и являющих братьев, про Беяка и Метельку, про разрывы...

– С какой это стати? – возмутилась я.

Меня, значит, отстраняют, что-то там пытаются расследовать, чтобы найти причину меня не то посадить, не то уволить, а теперь я вдруг должна делиться, ибо дедушка Ленин велел. Ну уж нет!

Каюсь, в тот момент я как-то забыла, что еще недавно сама рассматривала подобный вариант развития событий. Просто наглая физиономия шефа пробудила во мне все самое худшее, в том числе алогичность.

– Зеленцова, шутки кончились, – отчеканил он. – Скоро мы все погрязнем в такой заднице, что прежние проблемы тебе покажутся ерундой. Комитет уже не справляется с разрывами. Вреда от них пока не очень много, так как твари прорываются, но не проявляются. За исключением того норга и твоих призраков, и мне нужно знать...

– Баш на баш, – быстро выпалила я. – Хочу быть в курсе всего. И я вновь официально участвую в расследовании.

– Да хочешь, я тебя хоть повышу прямо сейчас, – отмахнулся шеф, – плевать. Ну и участвуй, сколько влезет, все равно иначе всех погребет... Короче, что тебе нужно? Подписанный кровью договор? Клятва на мизинчиках? Обет, принесенный великому Ктулху? Говори уже.

– Вашего слова будет достаточно, – сухо кивнула я.

– Хорошо, даю слово. Ты рассказываешь мне, я тебе, и мы вместе пытаемся спасти мир. Только... – Он неопределенно взмахнул руками. – Майора своего больше не втягивай. Нечего ему во всем этом делать.

«Моего». Хорошо звучит, пусть и неправда.

– Согласна.

И нет, я не подлая предательница, хотя, наверное, чуток есть. Просто... Ковальчук говорил о спасении мира с таким каменным лицом, что мне

стало страшно. Я и прежде понимала, что все серьезно, но как-то... все равно не воспринимала слишком всерьез. А теперь осознала. Прониклась. И в первую очередь испугалась за Яна.

Да, он сделал в этом расследовании куда больше моего и выручал меня своей выдержкой не единожды. Но если даже Ковальчук напряжен, то силы там явно неравны. Нечего в этой битве делать человеку. Мне, по идее, тоже, но отступить уже поздно, да и любопытство не позволит.

В торжественной тишине мы с шефом пожали друг другу руки, и он тут же приступил к делу.

– Для начала, – пробормотал, выудив из кармана уже изрядно помятую Дашкину записку, которую я, уходя, так и оставила на столе. – Ты ходила в библиотеку? Нашла что-нибудь?

– Да и да.

Я быстро рассказала об артефактах из сказки, и Ковальчук с досадой потер лоб.

– Проклятье... пока не очень информативно.

– А откуда вы взяли этот стишок? – в свою очередь спросила я, и он немного смутился.

– Была такая охотница... Анна Маклейн. Она писала страшные сказки, но в целом ее дневники можно считать вполне достоверным научным пособием. Я услышал... услышал от одного подозреваемого первую строчку, пытался вспомнить, где прежде ее читал, и полез в дневники. Загадка оттуда.

– Так это все же загадка, – отрешенно пробормотала я.

Анна Маклейн. Страшные сказки. Скрипучий, жуткий, но завораживающий голос...

*«Один скрывает следы и знаки,
Другой вскрывает замки изнанки.
Что первый брат стережет и прячет,
Второй – отважно являет зрячим».*

Загадка, ответ на которую я знала в детстве. Парные кулоны, похожие на расписные пряники, что складываются в земной шар. Когда одна половина на свету, другая – в тени.

На самом деле загадок было намного больше, и когда-то я знала ответы на все.

*«Ночные стражи, дневные стражи,
Не сыщешь в мире других отважней.
И каждый знает – под их крылом
Не слышит смерть и не видит зло».*

Брежатые. Или память играет со мной злую шутку? Откуда все это взялось?

– Баба Аня, – прошептала я и, кажется, прервала какую-то проникновенную речь Ковальчука.

– Что? – нахмурился он.

Типичная старушка из сказки про Красную Шапочку. Пучок седых волосы, очки-половинки на цепочке, вязаная кофта, таинственная улыбка. И повидавшие всякое мудрые глаза.

– Баба Аня, – повторила я громче и прокашлялась. – Анна Маклейн – это псевдоним Анны Митюшкиной. Подруги моей бабушки. Она... нянчилась со мной и Дашкой, когда мы совсем мелкие были.

– Знаешь, где она живет? – взбодрился шеф.

Я фыркнула:

– Я даже не уверена, что она вообще жива. В детстве казалось, что она уже древнее этого города.

– Так она местная?!

– Когда-то была.

– Ладно, сейчас попробую узнать.

Ковальчук полез за телефоном, а я вдруг поняла, что так и не рассказала ему о главном – о своей проявляющей способности. О зельеваре и Беяке. О птицелове и Метельках. О том, до чего мы с Яном успели додуматься, пока не... пока не отвлеклись.

К концу моей истории шеф сидел, упершись локтями в стол и яростно тер лицо растопыренными ладонями.

– Черт. Говоришь, про брежатых тоже от этой бабы Ани слышала? – наконец спросил он.

– Да, но...

– И кулона на себе так и не нашла? – Он прищурился. – Хорошо искала?

– Я каждый день хожу в душ, одеваюсь и раздеваюсь, – вспыхнула я. – Уж точно бы заметила на себе какую-то странную побрякушку.

– Но эффект от артефакта есть... Значит, он все-таки на тебе.

– Я же сказала...

– Да слышал я, что ты сказала, – отмахнулся Ковальчук. – Но если есть эффект, значит, есть и его источник. То, что мы его не видим – второстепенно.

– Ничего себе, второстепенно...

– Так. – Он встал и все-таки выудил из кармана мобильник. – Жди здесь, я сейчас.

И уверенно пошел в комнату. В мою комнату.

– Чувствуйте себя как дома! – крикнула я вдогонку и плюхнулась на стул.

Вообще, шеф был прав. И я на всякий случай даже еще раз ощупала свои грудь и шею, закрыв глаза и всецело сосредоточившись на внутренних ощущениях. Ну не верилось мне, что можно...

– Пытаешься самоудавиться? – с любопытством поинтересовался Ковальчук, и я распахнула глаза и убрала руки с шеи.

Как-то быстро он вернулся.

– Что-то узнали?

– Да. Митюшкина жива. Правда перебралась в Тверь.

От Москвы до Ярославля, от Твери до Иваново.

Еще одна точка, но что это значит?

– Собирайся.

– Мы... мы едем в Тверь? – с трудом выдавила я.

– Идем порталом, – буркнул Ковальчук. – Я вызвал пограничника, ждет нас внизу, ибо в дом твой действительно не пробиться.

И он почти с уважением глянул на все еще дрыхнувшего Фафнира.

– Но... ночь же почти, и... – Я попыталась выразиться помягче: – Метелька говорила, что в управлении есть эти...

– Да. Я знаю. Михаил не из «этих».

И я как-то сразу взяла и поверила.

Хотя про ночной визит к очень пожилой женщине шеф так ничего и не ответил.

* * *

Не то чтобы я рассчитывала полюбоваться ночной Тверью, но оказаться сразу в тускло освещенном подъезде перед дверью нужной квартиры точно не ожидала.

Вот всегда было интересно: как пограничники попадают в незнакомые места? Встроенный навигатор у них, что ли?.. Надо будет спросить при случае – не у Дашки, конечно, ее-то навигатор сбоит давно и прочно, но у Игорехи или бабули.

Когда перестану злиться и вновь начну с ними разговаривать.

Ковальчук без раздумий нажал на дверной замок и оглянулся к Михаилу:

– Жди здесь.

Тот послушно отступил в тень, а я, глянув на часы, поняла, что время не такое уж позднее, но это даже хуже. К старикам лучше соваться в пять утра, когда они уже встали, чем в одиннадцать вечера, когда они видят

десятый сон.

Из квартиры не доносилось ни звука, и Ковальчук вновь надавил на звонок.

– А у кого вы узнали адрес? – спросила я.

– У твоей бабушки.

– Что?! – Эхо звонко поскакало по безмолвному подъезду, и я понизила голос до свистящего шепота: – Что?

– Расслабься, – хмыкнул шеф, – я не говорил, что ты со мной. А адрес она дала в обмен на услугу – очень уж хотела, чтобы связанное с тобой расследование остановили. Вот мы и договорились к взаимному удовлетворению.

Вот же... хитрец. Ведь уже со мной договорился, что мне возвращают работу, так еще и у бабули умудрился кусок урвать. Я собралась было высказаться по поводу чьей-то прошаренности, но в этот момент дверь наконец распахнулась – без единого щелчка и скрипа, – и из ярко освещенного проема на нас хмуро уставилась та самая Анна Маклейн, она же Митюшкина.

Стоило мне увидеть это сморщенное, но по-прежнему строгое лицо, как воспоминания нахлынули гигантской волной, грозя поглотить меня не на одну минуту. Баба Аня никогда не была добренькой и милой и пугала нас с Дашкой порой похлеще родной бабушки, но мы всегда радовались ее визитам, потому что они означали очередную увлекательную историю и новую загадку, ответ на которую предстояло найти зашифрованным в сказках.

Теперь-то я понимаю, что дружба тогда еще относительно молодой Вероники Зеленцовой и, похоже, вечно древней Митюшкиной должна была выглядеть странно, и наверняка их связывало нечто иное, но кто в детстве задается подобными вопросами?

Впрочем, судя по степени суровости на лице бабы Ани, узнать всю правду мне не светило и сейчас.

Если честно, я вообще думала, что она вот так посверлит нас глазками-бусинками, утонувшими в складках и морщинах, да захлопнет дверь перед нашими носами. Но вместо этого баба Аня молча отступила в сторону и замерла, ожидая, когда мы пройдем в квартиру.

Я растерянно покосилась на Ковальчука, тот ответил мне решительным взглядом, и мы дружно шагнули вперед.

Дверь за нашими спинами закрылась так же бесшумно, как открылась.

* * *

В квартире пахло сладостями и старостью. В голову полезли сказки о

ведьмах и пряничных домиках, но я быстро взяла себя в руки. Это уж точно выдумка, а бабу Аню я знаю... Ну, вроде как.

По-прежнему не издавая ни звука, она провела нас в полупустую, освещенную не хуже стадиона во время матча комнату, в которой из мебели обнаружилось только пять кресел, стоящих вокруг странного шестиугольного стола, сама уселась в ближайшее и жестом предложила и нам не стесняться.

– Вы меня, наверное, не помните, – осторожно начала я, ерзая на невероятно жестком сиденье. – Я...

– Помню.

А голос ее не изменился. Такой же пугающий, но стоит его слышать – и хочется еще и еще.

– Софья Зеленцова. – Баба Аня помолчала. – Ты выросла.

За двадцать-то с лишним лет? Надо полагать.

И снова тишина. Я незаметно пихнула в бок Ковальчука, а то расселся тут, и он резко выпрямился и прочистил горло.

– Эм, простите, что так поздно, на...

– Не прощаю, но тебе все равно.

Вот нравится же ей ставить людей в тупик. Шеф моргнул, но взял себя в руки и продолжил:

– У нас есть пара вопросов о ваших сказках и загадках.

– Нет, – внезапно выдала старуха.

– Что? – опешил Ковальчук.

– Ты молчи. Пусть она спрашивает, что хочет, – кивнула она на меня. –

Так быстрее до сути доберетесь.

Шеф открыл и закрыл рот. Откинулся на спинку кресла и, повернув ко мне хмурую физиономию, замер в ожидании.

– Что...

Я честно собиралась спросить про сказки. Про артефакты, про то, знает ли баба Аня, что творится в том числе и в ее городе. Но язык выдал нечто совершенно иное, возмутив Ковальчука и развеселив старуху.

– Зачем вы нянчились со мной в детстве?

– Хорошая выросла, – протянула она. – Не испортила тебя Вероника, не задурила мозг. И Витька ее неугомонный, кровопивец малолетний, не превратил в свое подобие.

– И все же...

– А просто так. – Баба Аня неожиданно искренне улыбнулась, отчего вновь стала похожа на мое о ней воспоминание – милую бабушку из сказки. – Любопытно мне было, не каждый день брежжатые рождаются.

Шеф тут же встрепенулся, но вмешиваться не стал, только уши наострил – они у него в такие моменты даже слегка шевелятся, давно заметила.

– Кто такие брежатые?

– Ты знаешь.

– Ночные стражи, дневные стражи... – процитировала я, и баба Аня довольно кивнула. – Но чем я отличаюсь от других? Почему я настоящая?

Теперь она уже в открытую смеялась – как-то натужно, тяжело, сотрясаясь всем телом, но все же.

– От каких, других? Вас, брежатых по пальцам можно пересчитать. А те, кого так называют – обычные недоучки да слабаки.

– Да, объясните же уже по-человечески! – не выдержала я. – Меня скоро тошнить начнет от всех этих намеков и недомолвок!

– Коза Вероника, – проворчала успокоившаяся старуха. – Перестаралась все же с опекой... Мол, незачем тебе знать. И другим незачем. Впрочем, нынче все брежатые таятся, даже если знают о своей сути, а уж коли тебе невдомек...

– Я сейчас драться начну, – буркнула я, – и на возраст ваш не посмотрю.

– Ладно-ладно, – замахала руками баба Аня. – Сама ж сказала, брежатые – это стражи. Хранители. Чего угодно. Не в невидимости ваша суть, как придумали эти идиоты-надзорники. Испоганили слово. Ваша суть в защите. Что к тебе попадет – никто не найдет.

– И каждый знает – под их крылом не слышит смерть и не видит зло, – вновь вспомнила я загадку.

– Точно. Когда-то вас ой как уважали и ценили. Вы и людей охраняли, над коими угроза нависла. И чьи-то сокровища берегли. Да что угодно. Болтали, дескать, даже от проклятья могли спрятать.

– Но когда все успело так измениться? – ошарашенно произнес Ковальчук, видимо, позабыв, что ему велели помалкивать.

Баба Аня пожала плечами:

– Да давненько уж. Наверное, когда под их крыльями повадились преступники прятаться. Когда начали использовать все, кому приспичило. Когда брежатым надоело быть чужими сейфами. Старые умирали, новые молчали о даре – а маги как увидят, коли и его можно сокрыть? Хранители исчезли, а словечко осталось. Ну надзорники и воткнули его бездумно, как всегда.

Переносицу сдавило, и я потеряла ее одеревеневшими пальцами.

– Бабушка знала, – сказала скорее себе, чем кому-то еще.

Знала и молчала. Знала и позволяла остальным измываться надо мной, снимая несуществующий магический блок. Знала, что я совсем из другого теста, и не уставала напоминать, как я слаба и неприспособлена к жизни.

Захотелось прямо сейчас отправиться к ней и...

Плеча коснулись узловатые старушечьи пальцы.

– А удержала б ты тайну в детстве, если б она сказала? – грустно ухмыльнулась баба Аня. – Сумела б не хвостануть ни перед кем? Не попытаться доказать, что ты не слабый маг, а сильный страж?

Это вряд ли. В детстве и юности мне частенько хотелось всем вокруг утереть нос...

– Вот и не думай всякое. Позже, конечно, надо было все тебе открыть, но раз уж жизнь так сложилась...

– И как... – попыталась сформулировать я, – как... это работает? Если, к примеру, мне дали предмет... Как я его спрячу?

Баба Аня хитро прищурилась:

– А кто ж тебя знает? Когда мелкая была, я ж для того и приходила... чтоб понять. Дам тебе монетку, говорю, мол, спрячь, чтоб чужие не нашли. Хлоп – и монетка исчезала. Потом говорю, отдай бабушке, и ты ее будто из воздуха доставала и возвращала.

От потока новой информации голова шла кругом.

– И часто вы так со мной играли?

– Частенько. Вероника мне должна была, вот и отдавала долг этими встречами. Думала, мне для исследования, а потом услышала, как я вам с Дашкой сказки рассказываю да загадки загадываю, ну и погнала прочь.

– А вы, значит, хотели нас просветить? – скривилась я.

– Скорее, дать пищу для размышлений. Вот вспомнила же ты, пришла сюда. Значит, не зря.

– Еще как не зря... – Я резко встала и прошла к незанавешенному окну, за которым виднелся среднестатистический российский двор, утопающий в ночной мгле. – Про артефакты вы им рассказали?

За спиной молчали, и я обернулась.

– Только не спрашивайте, кому.

– Приходил один мальчишка, – нехотя признала баба Аня, – расспрашивал про «братьев». Мол, где, по-вашему, они могут быть. Я и озвучила пару предположений...

– Вот так... первому встречному?

– Этого щегла я тоже впервые вижу. – В голосе ее сквозило раздражение. – Но не гоню, сидит, слушает.

Старуха помолчала, потом тоже поднялась.

– Я стара. И уже никому не нужна. А когда моей работой интересуются...

– Спасибо за помощь! – Ковальчук подскочил с такой скоростью и с таким энтузиазмом, будто мысленно уже раскрыл дело и рвался в бой – ломать, крушить, спасать, арестовывать, делать-хоть-что-нибудь. – Позвольте последний вопрос?

– Валяй.

– Как выглядел этот мальчишка?

* * *

Мне следовало больше удивиться достаточно четкому и узнаваемому описанию Рогожина из уст старухи. В конце концов, моя личная неприязнь не превращала человека автоматически в засранца.

Но я не удивилась. Потому что и Метелька говорила о сектантах в управлении, и Ковальчук о них знал, так что даже время от времени прослушивал кабинет охотников – именно это заклинание я случайно «обнажила», когда пыталась подслушать его разговор с папой. Собственно, точно так же шеф узнал и первую строчку из загадки про братские артефакты. Только, судя по его хмурому лицу, там был замешан кто-то еще из наших, а конкретно Рогожин стал для шефа сюрпризом.

Выходя из квартиры бабы Ани, я по-прежнему многого не понимала.

К примеру, почему крайними точками креста выбраны именно эти города? Почему вообще крест? Кто возглавляет этот «крестовый поход»? В общем, почти все те же вопросы, что и прежде.

Но, по крайней мере, теперь я знала, что предатели действительно нашли те артефакты из сказки. А потом Беляк один из них спер, выяснил у старого знакомого зельевара, что в городе живет настоящий брежатый, и спрятал кулон у него. Точнее, у нее.

У меня, короче.

Понятия не имею, как ему удалось меня уговорить. И как я потом умудрилась «включить» способности, о которых прежде и не ведала, и спрятать артефакт «под крыло».

Но как-то все сложилось.

А потом я носилась по городу и проявляла все скрытое, свято веруя, что дело в Яне.

Да, теперь эти предположения казались особенно глупыми.

Как бы там ни было, наконец-то мы знали достаточно, чтобы начать отлов заигравшихся гаденышей. Не знали только, что гаденыши уже решили отловить нас.

В портал я шагал без опаски, погруженная в тяжкие думы о

собственной сути, и не сразу заметила, что прибыли мы отнюдь не к моему дому и даже не к управлению или хотя бы в хоть отдаленно знакомое мне место.

Мы очутились на каком-то складе – это все, что я успела рассмотреть, когда соизволила оглядеться. Высоченный потолок, какие-то толстые трубы, огромные ящики... Прямо декорации для финального сражения со злодеем из голливудского блокбастера.

Зря я об этом подумала, зря-зря-зря.

Потому что следом за спиной раздался голос тихушника Михаила:

– Прости, шеф.

И сознание заволкло тьмой.

Плюс: ну теперь-то я точно встречу лицом к лицу с мировым злом!

Минус: вот оно мне надо было?

Глава 23

Некоторые планы кажутся гениальными в момент прихода в голову, без сучка и задоринки проходят стадию разработки и блестяще проваливаются уже на первой секунде осуществления.

(с) Ольга Громыко

По затылку меня не били – это я поняла сразу, как только сознание соизволило вернуться из самоволки. Голова не болела, не трещала, не раскалывалась. Но и не магией оглушили, потому что не осталось на языке соответствующего привкуса и обоняние молчало.

Так что понятия не имею, чем они воспользовались. Может, газом каким или укольчиком – хотя ничего такого я тоже не почувствовала. Даже тошноты не было. Не то чтобы я жаловалась, но как-то не радуется осознание, что тебя в любой момент могут выключить, словно микроволновку из розетки.

А еще не радуется, что винить в ситуации некого, кроме самой себя. Ну, разве что еще Ковальчука, но это не очень большое утешение.

Мы ведь сами... как бараны приперлись на мясокомбинат.

Гении сыска, блин.

Собственно, от мысленных воплей второго гения я и очнулась.

«Зеленцова! Клянусь всем, что для меня дорого, если ты сейчас же не откроешь глаза, будешь у меня остаток жизни полы в управлении мыть».

«Ага, щас», – подумала я.

Кажется, очень направленно подумала, потому что шеф опять разорался:

«Ну наконец-то! Сколько можно прохлаждаться!»

Да уж, просто удивительно, что голова не болела, с таким-то звуковым сопровождением.

«Уже и помереть спокойно не дают», – послала я Ковальчуку ворчливую мысль и таки распахнула глаза.

Только теперь стало понятно, что я лежу на боку на чем-то твердом и холодном. Руки связаны за спиной, ноги пока не отзываются на призывы мозга, но что-то подсказывает, что и их связали, а напротив в позе зародыша валяется заметно потрепанный Ковальчук.

Били его явно долго и со вкусом. Все лицо в крови, рассеченная губа уже успела опухнуть, вместо носа красовалась картофелина, а под глазами налились шикарного цвета синяки. Но при этом шеф чему-то криво улыбался и будто даже пытался сдержать смех.

«Эк вас отделали, – констатировала я. – Их вы тоже своими воплями достали?»

«Нет. Пытался сбежать».

«Чего ж не сбежали?»

«Да как идиот решил тебя с собой прихватить, на том и попался».

«М-м-м. Героично. – Я вновь ненадолго зажмурилась, собираясь с мыслями, которые норовили уплыть вдаль. – Вслух говорить совсем нельзя?»

«Совсем. Мы тут не одни».

«Рогожин?»

«Не только. Это... Так, давай быстро. Магия тут не действует. Вообще. В защиту они вложились всем скопом, так что не проломить. Я сейчас не опаснее обычного человека, а ты... ты другое дело. Попробуй что-нибудь сделать. Ну, по-брежатовски».

«В смысле? – опешила я. – Да я, можно сказать, минуту назад узнала о своих способностях! Что я, по-вашему, могу сделать?»

«Понятия не имею. Погрузись в себя. Прочувствуй свою суть. Блин, я тебе что, гуру дзен-буддизма? Импровизируй!»

Сумасшедший дом. Я попыталась было перевернуть на спину, чтоб увидеть хоть что-нибудь помимо избитой рожи Ковальчука и металлической стены за ним, но он тут же зашипел:

«Ш-ш-ш, не шевелись. Не привлекай внимания. Не на что там смотреть».

Честно говоря, наличие мысленной связи с шефом уже начала напрягать. Кстати, об этом...

«Если магия не работает, как мы общаемся?»

«Нашу связь поддерживает подписанный договор. Его никак не

отключишь».

Я осторожно потерлась ухом о плечо и поняла, что за кофту ничего не цепляется. Сережку-артефакт сняли.

«То есть, для общения даже никакие дополнительные гаджеты не нужны?» – не поверила я.

«Их вам выдают для успокоения. Ну и чтоб трещали, предупреждая о скором вторжении в мысли начальства».

Тогда понятно.

«Рогожин не в курсе...»

«Да отстань ты со своим Рогожиным! – Я видела, как гневно исказилось лицо Ковальчука. – Он тут самая мелкая сошка».

«Ну извините, других участников я не знаю».

«Проклятье... сейчас узнаешь...»

Шеф умолк, а в следующую секунду за спиной раздались шаги – грубые ботинки по обшитому металлом полу.

– Очнулась, птичка? Вот и славненько. Сейчас и поговорим...

* * *

Так нечестно.

Это все, о чем я могла думать, пока меня тащили куда-то прочь от Ковальчука, а потом усаживали на стул – только о несправедливости жизни.

Ведь в книгах как... Случилось что-то, нашли зацепки, допросили свидетелей и всех, к кому привели улики, выстроили цепочку, поймали преступника. И конечно, это будет кто-то неожиданный, но стоит оглянуться назад, как сразу понимаешь, мол, да-да, можно было догадаться, хоть и с трудом.

Так вот, про охотников я уже поняла. Червячок сомнения завелся в мозгу еще в день подслушанного в управлении разговора, хотя в нем и не было ничего особо подозрительного. Затем баба Аня описала Рогожина, ну и как-то сразу в линию с ним встали Махов и Антадзе – вполне логично, что неразлучная тройца и здесь действовала сообща.

И да, я ожидала увидеть и других охотников. Еще одного-двух. Но не всех. И никак не весь наш чертов отдел! Не весь! Вместе с раздражающим Максом Пружинкой и безобидной Липкой Аббасовой, которая даже сейчас, практически на поле боя (и плевать, что противник связан), сидела в уголке и что-то вязала.

Выходило, что только мы с Ковальчуком остались не удел. Ну ладно, с ним вся эта кодла работала много лет, могли изучить характер, понять, что шеф какой-нибудь там супер-принципиальный и его на восстание против системы не поднимаешь.

Но я? Меня ведь даже не пытались завербовать.

Обидно, право слово. Я, конечно, не великий маг, но это не помешало им принять в свои ряды другого брежнего – Олега Понамарева, который и занимался сейчас моей транспортировкой, при этом все время называя «птичкой». Убила бы.

Да уж, неисповедимы пути женской логики. Оказалась в тылу врага, в окружении тех, кто невесть сколько времени уже пытается наводнить этот мир тварями с изнанки, а переживаю о том, что меня не позвали поиграть в эту песочницу. Разумеется, я бы отказалась, но сам факт...

С другой стороны, нынешнее положение вещей свидетельствует еще и о нашей с Ковальчуком слепоте и глупости. Опять. Все ж таки, наверное, можно было углядеть, что вокруг одни негодяи.

Эта мысль заставила меня грустно усмехнуться, и окружающие мигом всполошились.

– Чего это она? – К моему лицу склонился хмурый Махов. – Твоя отравка ей там ниче не повредила? А то лыбится как малахольная.

– Да не, там безобидный укольчик, – отозвался незнакомый мне парень. – А если б и повредила... нам же главное, чтоб она дышала. Видишь – дышит.

Помимо этого чужака тут ошивалось еще несколько мужчин, которых я видела впервые, и одна дама, которую я встречала в управлении, но настолько мельком, что сейчас даже не могла вспомнить, год назад это было или месяц.

– Ну гляди, – хмыкнул Махов. – Если что, открутят твою голову, не мою.

И отошел к своим.

Вообще, все кучковались разномастными группами и о чем-то тихо переговаривались, отчего помещение дико смахивало на универскую курилку. Казалось, вот-вот появится еще кто-нибудь и, попросив у первого встречного зажигалку, отойдет в уголок, чтобы подымить и подумать о вечном.

Наверное, только связанная я на кривобоком стуле посреди зала не вписывалась в эту картину.

Какого черта тут происходит? Собрание анонимных злодеев?

«– Здравствуйте, меня зовут Семен Рогожин, и в детстве я отрывал насекомым лапки...»

– Привет, Семен...»

Пришлось тряхнуть головой, чтобы избавиться от очередной нелепой ассоциации. А то расхохочусь, и меня окончательно запишут в

умалишенные – уж не знаю, насколько это плохо в данной ситуации.

– Ну что, птичка, сцапали тебя все-таки, – негромко прозвучало сбоку, и я скосила глаза на замершего рядом Понамарева. – Не думала ж ты, что сможешь вечно прятаться.

Хм, нет, не думала. Я как бы вообще не пряталась.

– Я сейчас даже не понимаю, о чем ты говоришь, – рискнула я подать напрочь осипший голос.

– Ну-ну, – хмыкнул он. – И это не твоя родня сомкнула вокруг коль...

– Олег, пошел вон, – резко бросил издалека Антадзе, и болтливое брежжатово как ветром сдуло.

Впрочем, наверное, пора переставать называть его брежжатым, если уж в нашем городе я такая одна. Впору загордиться, да только как-то не получалось.

Я настороженно оглядывала присутствующих и пыталась вычислить, кто здесь более-менее главный. Ну, то есть с кем мне доведется побеседовать, ведь усадили меня сюда, как Иванушку в печь, явно для этого.

Заподозрила было Антадзе – вот как он ловко Понамарева отвадил, – но тот тут же вернулся к оживленному разговору с другими охотниками и больше не обращал на меня внимания. Потом метнулась глазами к незнакомцам, которые волею судьбы стояли вместе, но и им тоже не было до меня дела. Ну и я даже не подумала посмотреть на Липу Аббасову, и конечно же, именно она вскоре присела передо мной на любезно принесенный кем-то стул.

Хоть вязание отложила, уже прогресс.

Пока мы молча гипнотизировали друг друга взглядами, я судорожно вспоминала, что вообще знаю об этой артефакторше. Сорок пять лет, но уже седа как Дед Мороз. Разведена, трижды бабушка. Грубовата и прямолинейна, любит вязать и облепиховый чай.

Вот и все.

Самое удивительное, что мы общались практически ежедневно, но лишь перекидывались ничего не значащими фразами, а потому, по сути, так и остались посторонними. Липа не вызывала во мне ни неприязни, ни любви. К примеру, Пружинка раздражал до одури, так я и обращала внимание на каждую мелочь в его поведении и выводов бы о нем смогла сделать гораздо больше.

А Липа... была просто Липой.

– Полагаю, ты тут вроде как серый кардинал.

Да, я заговорила первой, несказанно удивив нас обеих.

– Только тс-с, – подмигнула она, быстро оклемавшись. – Остальные не догадываются.

– Ну да, разумеется. И... что это за цирк?

Тонкие брови взлетели над круглыми очками.

– Цирк? По-моему, довольно милый кружок по интересам.

– И интересуется вас?.. – подтолкнула я.

– В данный момент – ты. Точнее кое-что, что случайно попало в твои волшебные ручки.

Полностью индифферентные к нашему разговору лица окружающих подсказывали, что интересую я, скорее, одну только Липу.

Я демонстративно огляделась, мол, не вижу особого ажиотажа, а она захохотала и взмахнула рукой:

– Ну ладно, ладно. Остальные тут ждут явления главного. А ты вроде как подарочек для него.

И такая откровенная насмешка над окружающими проскользнула в ее тоне, что я поняла: с серым кардиналом я попала не просто в мишень, а в яблочко.

– Только нет никакого главного, – уверенно произнесла я. – Это все ты.

И голос старалась повесить, незаметно так, на всякий случай, хотя уже знала, что нас никто не слышит. Потому что на Липкин смех никто и ухом не повел, да и иначе не говорила бы она со мной вот так открыто.

Внутренняя магия тут не работает, но раз сохранилась наша с Ковальчуком договорная связь, то могли найтись и еще какие-нибудь лазейки. К примеру... ну да, кто у нас Аббасова? Правильно.

Она разжала и вновь стиснула кулак, но я успела увидеть небольшой камешек на ладони.

– Очень торопилась сделать к сегодняшнему вечеру, – пояснила Липка.

– Даже не оформила как следует. Но он работает. Смотри. – Она демонстративно распрямилась, прокашлялась и вдруг завопила во все горло: – Вы все безмозглые кретины!

Естественно, охотники и Ко даже не повернулись в нашу сторону.

– А их не смутит полная тишина в эфире? – хмыкнула я, осторожно пытаюсь освободить связанные за спиной руки.

– Ну кое-что они слышат, – пожалала плечами Липа. – В основном, как я уговариваю тебя по-хорошему отдать Второго Брата. Чем я, собственно, сейчас и займусь.

Ее «по-хорошему» свелось к банальной, но достаточно болезненной пощечине.

– Знаешь, как ты меня достала за эти дни? – И веселость всю как

корова языком слизала. О да, теперь Аббасова шипела почище иной змеюки. – Как мне хотелось придушить тебя собственными руками? Как я сыпала в твою сторону проклятьями, жаль только исключительно словесными?

– Всегда приятно знать, что сидишь у кого-то в печенках, – улыбнулась я, хотя хотелось плакать.

Меня в жизни не били. Сама – да, падала, врезалась, расшибалась, ну так то сама. А рука у Липки оказалась тяжелая, почти мужицкая. Ну, мне так показалось.

Кстати, мой любимый защитный амулет с меня, видимо, сняли вместе с сережкой, иначе боль не была бы такой сильной...

– Дура ты, Зеленка, – покачала головой Аббасова. – И за какие только заслуги тебе такой дар достался?

– Ты знаешь...

– С недавних пор.

– В любом случае значительно дольше, чем я.

Она откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди:

– Ты хоть понимаешь, во что влезла?

– Так просвети, – с энтузиазмом предложила я.

И вдруг вспомнила про шефа. Что-то он затих. Никогда не умела разговаривать одновременно вслух и мысленно, но попытаться стоило. Главное – не спалиться.

«Шеф, вы там живы?»

Тишина.

Либо у камешка гораздо больше свойств, либо Ковальчука попросту снова вырубил.

Об ином варианте и думать не хотелось...

– Конечно, – хохотнула Аббасова. – Сейчас возьму и в духе всех негодяев расскажу тебе, что делала и зачем.

– А почему нет? – пожала я плечами. – Тогда сможешь забрать артефакт.

– Вот так просто? – прищурилась она.

– Мертвецу безделушки без надобности. А любопытство гложет. Да и как-то обидно страдать непонятно за что.

Замолчала Аббасова надолго. Серьезно, минут пять просидела с каменной миной. А потом к ней подошел один из охотников с вопросом в духе «долго еще?» и был послан в весьма грубой форме. Но не обиделся, не психанул и ушел, из чего я сделала вывод, что, хоть никто и не знает, что возглавляет их женщина, вес она все равно имеет немалый.

– И кем ты назвалась? Любовницей главного? – съехидничала я. – Сестрой? Матерью?

– Какой матерью? – искренне возмутилась Липка. – Думаешь, они бы стали доверять какому-то молокососу? Не-е-ет. Впрочем, любовница тоже не подошла – слишком зыбкая позиция. А вот сестра в самый раз. Младшая. Любимая. Родная кровь. Доверенное лицо.

– Да рассказывай уже все, – вздохнула я. – Чем я тебе теперь наврежу? Зато потом сама заберешь своего Второго Брата, или как там эта штука называется. Чем хочешь поклянусь.

– Клятвой надзорников клянись, – буркнула Аббасова. – Такая точно не подведет.

Я послушно пробормотала слова когда-то заученной клятвы и мы обе напряженно замерли. Липка – что-то выискивая на моем лице, а я – прислушиваясь к себе. Никаких изменений не почувствовала, но даже если... я ведь действительно не собиралась нарушать обещание.

Наконец Аббасова удовлетворенно кивнула и расслабилась.

– Итак... – с намеком протянула я. – Ты решила захватить мир.

– Пф, на кой мне мир? – Она заправила седую прядь волос за ухо и оскалилась. – Нет, я решила возглавить Магическое управление.

Наверное, у меня очень некрасиво распахнулся рот, потому что Аббасова почти обиженно скривилась.

– Ну а что такого? Вот ты помнишь, чтобы во главе управления когда-нибудь стояла женщина? Хоть один такой случай в истории назови.

Такого действительно не случилось, но ведь это не повод...

– Вот и я не помню, – прервала она поток моих мыслей. – Сильнейшие маги сгнивали на бесперспективных должностях только потому, что у них между ног ничего не болталось. Разве это справедливо?

Ясно. Липка Аббасова несла возмездие во имя луны и женского начала, но я все равно не понимала, как подобные устремления могли привести к событиям последних дней.

Ну, минут десять я ничего не понимала, а потом узнала все – даже больше, чем собиралась и хотела.

Итак, Липа Аббасова решила возглавить Магическое управление. Да не просто так, нет. Липа Аббасова захотела возглавить его героически – разоблачив заговор, уничтожив врагов и спася чью-нибудь жизнь.

Но вот беда, как назло ни одного заговора в управлении не зрело, а на спасение жизней отправляли не скромную артефакторшу, а храбрых охотников. Даже мне подобные бездари, брежатые, вели и то более насыщенную и интересную жизнь, чем Липка Аббасова, но случаем не

пользовались, героями не становились, и это ее злило до полопавшихся капилляров в глазах.

И тогда Аббасова решила взять собственную судьбу в свои руки. То есть этими самыми руками создать заговор и торжественно его разоблачить, попутно уничтожив пару шишек из управления – кого физически, а кого морально, – дабы продемонстрировать, сколь ненадежны мужики и как прекрасна на их фоне она, Липа.

Подготовка была долгой и кропотливой, а вербовка адептов – масштабной и агрессивной. Разумеется, Аббасовой надо было привлечь максимально много народу из нашего управления – подневольного народу. И лишь руководство оставить за бортом, чтобы потом на некоторых свалить сам заговор, а на других – недосмотр. Как оказалось, меня не тронули из-за семейных связей, благослови бабулю языческое божество. Дескать, внимание клана Зеленцовых в таком деле явно излишне.

Ну а еще я была человеком новым, подозрительным, да и в целом незначительным, чтобы так рисковать.

Всем адептам внушалось одной: высшие и их приближенные превратили магов фактически в обслуживающий персонал. В уборщиц и дворников, которые подчищают грязь с пути бездарного человечества, а ведь все должно быть наоборот.

Нет, Липка не пропагандировала превосходство магов, ведьм и иже с ними, не настолько она глупа, чтобы ударяться в фашизм. Она просто умело намекала, что вместо жизни в тени каждый из нас может быть героем. И не сражаться с монстрами под покровом ночи, а рубить их прямо на глазах изумленной публики, дабы потом с чистой совестью услышать аплодисменты в свой адрес.

Красиво, что сказать.

Ну и чтобы не вышло, что в заговоре участвует только наше управление, также была проведена агитация в еще трех городах. Естественно, в столице – потому что надо. В Твери – потому что там жила Анна Маклейн, и там же нашлись так необходимые для представления артефакты. И в Иваново – потому что просто рядом с Ярославлем. А еще между этими города прочерчивались красивые линии, образующие крест, и под это дело Аббасова тоже провела какую-то романтическую легенду, чем только расположила к себе последователей.

Для роли харизматичного лидера специально был придуман безымянный «главный», которого никто никогда не видел, но с которым многие общались. А потом начали врать, что и встречались для повышения собственного статуса в глазах соратников. Вскоре винтики так завертелись,

что Липке уже и придумывать ничего не надо было – все делали завербованные идиоты.

Основной план можно свести к нескольким пунктам:

1. Наделать разрывов в материи вдоль тех самых прочерченных на карте линий от города к городу.

2. Проявить вырвавшихся на свободу тварей с помощью найденного Второго Брата.

3. Собрать адептов в одном месте, якобы для встречи с главным, который и поведет их в бой с монстрами.

4. Сюда же приволочь козла отпущения – Ковальчука.

5. Уничтожить и заговорщиков, и монстров, применив собственноручно созданные артефакты и тем самым продемонстрировав еще и свою гениальность.

6. Стать героиней и возглавить управление, так как нынешнего главу после такого конфуза не то что сместят, а еще и наверняка посадят.

На мой вкус, все это тянуло на билет в Кащенко, но Аббасова буквально лучилась благоразумием, когда рассказывала мне о своих деяниях. И да, было крайне странно сидеть и слушать о скором массовом убийстве, когда все жертвы стоят всего в нескольких шагах от нас...

Так вот, все это Липка провернула бы еще на прошлой неделе, но тут на ее пути встал совестливый Антон Беляк. Он действительно вызвал Карателей, вот только не знал, что сумасшедшая Липа уже прознала о его замысле и организовала ему проклятье на результат. То самое, что я невольно проявила в морге. Проклятье нарушило ритуал, вот Каратели и не явились, а яд начал свой неумолимый бег по венам Беляка.

Тогда он, уж не знаю каким чудом, выкрал Второго Брата из-под носа Аббасовой и спрятал его у меня – единственного настоящего брезжатога, которого нашел в Ярославле.

И тут начинается самое для меня интересное...

Считывали память Беляку наши же охотники – Рогожин и Махов. И не успели совсем чуть-чуть. Добрались до момента моего прихода в кафе, узнали меня, а потом Беляк скончался от отравления алмианой, и им пришлось уносить ноги.

И возник вопрос: неужели предатель действительно отдал мощный артефакт неумехе Зеленцовой?

Доказательств не было. Связываться с моим кланом по-прежнему не желали. Но после долгих ночных обсуждений решили провести проверку.

Помните мой спор с охотниками о пробежке вокруг парка? Так это проверка и была.

Оказывается, Первый Брат – скрывающий магию – слабее Второго. И Рогожин действительно победил нечестно, смагичил, но ни я, ни свидетели ничего не заметили, а значит, проявляющего артефакта при мне не было.

По мне, так это не доказывает, что Беляк мне его не передал, но охотники рассудили, что такую ценную штуку я бы с себя не сняла, так что...

В общем, на меня вроде как махнули рукой и принялись активно изучать последние часы жизни Беляка в поисках других вариантов. Даже вновь отправили кого-то на место преступления, куда полиция пока не явилась, чтобы еще раз все обыскать, забрать гаджеты трупа и зачистить наверняка оставленные предыдущей командой следы.

Вот почему полицейские слышали шум и решили, что спугнули убийцу, хотя время обнаружения тела и время смерти разделяло несколько часов. И вот откуда полная стерильность комнат на втором этаже – чистильщики, блин.

Это потом уже Аббасова догадалась, кто я на самом деле. И что сила истинного брежатога прячет не только сам артефакт, но и подавляет его мощь.

– Не ты одна сказки читала, – скривилась Липка на мой удивленный вопрос, мол, откуда... – Только веры во мне побольше. Как и здравомыслия.

А вот это спорное утверждение...

Она так и не поняла, что я такого сделала, раз Второй Брат активировался. На мизерную долю, на одну тысячную, но вдруг заработал и начал проявлять все незримое в непосредственной от меня близости.

Полагаю, виной всему усилки, который я нацепила перед полетом на место преступления. Он подпитал артефакт, и его воздействие чуток прорвалось наружу. Ведь именно тогда все и началось, пусть и не сразу – я еще успела тайком понаблюдать за Яном.

Как бы там ни было, это уже неважно, ибо теперь Аббасовой со товарищи предстояло забрать у меня Второго Брата, а моя нахлынувшая родня их не просто настораживала, но еще и активно лезла под ноги.

Я и о половине предпринятых бабушкой и папой защитных мер не подозревала. Если б не они, я бы уже давно оказалась на этом самом стуле. Собственно, призраки – это уже отчаянный шаг, чтобы загнать меня в выстроенные адептом портал, однако и тут семья помешала, перехватив меня буквально на бегу.

Честно, вспоминая последние дни, лично я видела множество возможностей для похищения, но куда мне до психов с альтернативной логикой... Или же, если судить по подслушанному разговору охотников,

моя беготня с проявлением изнанки им действительно была в чем-то выгодна. Зачем мешать, когда я добровольно воплощаю их план, пусть и в уменьшенных масштабах?

Ну а в итоге... вот она я, связанная и бессильная, и вот она Аббасова – довольная как слон и ждущая свою награду за откровенность.

– То есть, – резюмировала я, – сейчас ты заберешь у меня артефакт, проявишь всяких тварей в радиусе... эм, насколько, кстати, широко он действует?

– О-о-о, – протянула Липка, – если с парой усилков, так до Москвы дотянет.

– Угу. Значит, проявишь кучу тварей, чтоб простой люд наложил в штаны, а потом уничтожишь всех здесь и пойдешь героически зачищать улицы? Одна?

Она слегка покраснела:

– Не одна, но это тебя не...

– Антадзе, – быстро сообразила я, и теперь Липка раскалилась как конфорка. – Ходил о вас слушок одно время. Да и слышала я, как он обещал ответить перед главным... Скажи, меня ведь какое-то время не трогали, потому что я играла вам на руку? Скакала по городу, проявляла всякое...

– И это тоже, – проворчала она и резко хлопнула в ладоши. – Так, хватит. Теперь ты знаешь все. Умрешь просвещенная. Пора исполнить клятву.

Я радостно кивнула:

– Без проблем. Я поклялась, что ты заберешь свой артефакт. Забирай.

Глаза за стеклами стали такими же круглыми как очки.

– Что-о-о?

– Забирай, говорю, – повторила я. – Или ты думаешь, что я в курсе, как его достать? Откуда, если я узнала о собственнй сути за пять минут до похищения?

– Но...

– Я слово держу, мешать не буду. Забирай.

Чистейшая бравада. А сердце так и норовило выскочить из груди, потому что... ну как мне сейчас просто свернуть шею да обыщут? Проявится ли артефакт после моей смерти?

Я решила, что вряд ли. Потому что тогда они бы давно это сделали. Да и тот парень, вещавший про укольчик, сказал, что я должна дышать. Значит, с моей смертью Второй Брат будет утерян.

Наверное. А может, и нет.

И вот из-за этого «может» горло и перехватывало от страха, а руки потели, мешая ковырять плотную веревку.

– Тварь, – прохрипела Аббасова и даже вскочила и вновь занесла надомной руку, но ударить не успела, потому что в следующую секунду склад озарился сиянием тысячи порталов.

Ну, по крайней мере, мне так показалось.

Плюс: все-таки некоторые законы голливудского кино действуют безотказно.

Минус: Ковальчук по-прежнему не отзывался.

Глава 24

Где-то в глубине его сознания зародилось неприятное чувство. Он подумал о том, каково придется, скажем, лисе, столкнувшейся мордой к морде с разъяренной овцой.

Тем более если эта овца может позволить себе держать на службе волков.

(с) Терри Пратчетт

Если вы когда-нибудь видели, как разбегаются по углам тараканы, стоит включить свет, то легко представите, какая вокруг воцарилась паника.

Кто поумнее, сразу ринулся к пограничникам в надежде, что те сейчас быстренько откроют порталы и... Не тут-то было. Как выяснилось, резерв всех присутствующих по-прежнему был заблокирован, так что массовое явление спасителей выглядело совсем уж странно.

И только я догадывалась, кто мог привести сюда мою личную армию – ведь Аббасова удосужилась защититься только от человеческой магии и наверняка даже не подумала о маленьком синем дракотенке, который скоро получит в подарок свой личный завод по производству сливок, клянусь, дайте мне только выбраться.

Когда зверю отрезают пути к отступлению, он либо притворяется мертвым, либо нападает. Вот и адепты культа героической Липки разделились на две категории: одни распластались по стеночкам, ожидая, когда все завершится, а другие бросились на пришельцев.

Я так и не разглядела, кого привел Фафнир. Увидела только его самого, мелькнувшего между множества человеческих ног, и все. А потом меня ухватили за волосы и куда-то поволокли.

Волокла, разумеется, не Липка. Она хоть и баба сильная, но не настолько. Нет, удирала она на пару с любовничком – Антадзе, а меня они прихватили, наверное, все еще рассчитывая получить артефакт.

И тогда я вспомнила про ее план. Собрать всех в одном месте и убить.

Что мешает им сейчас привести его в исполнение?

Крысы в коробке – поливай бензином и поджигай.

Я задержалась в руках Антадзе и еще яростней зацарапала по веревкам, чувствуя, что пальцы и запястья уже мокрые от крови. Но боли не было – только безумное желание вырваться, остановить, помешать...

Ведь там наверняка все мои родные. И Ян. Ян бы тоже не остался в стороне – скорее, это именно он всех всполошил. Черт, я в этом почти не сомневалась. И разве я могу позволить какой-то умалишенной угробить целую кучу народу, включая моих любимых, а потом еще и собрать героические лавры?

Ну уж нет.

Мы уже добрались до скромной металлической двери, надежно скрытой за очередной гигантской трубой, и если никто не видел, как мы сюда вошли, то вряд ли додумается тут искать... А стоит нам выйти со склада, и все. Вряд ли Аббасова станет тянуть с воплощением задуманного и ждать, когда кто-нибудь сбежит.

Я понимала, что действовать надо решительно. И что мне совершенно нечего противопоставить артефакторше, обвешанной амулетами, и мускулисту охотнику.

Вот если бы заранее знать о силе брежатых. Изучить вопрос. Потренироваться делать хоть что-то. А я даже примерно не представляла, на что способна и как это можно использовать для самообороны.

Ладно, будем рассуждать логически.

Брежатые – хранители. Они прячут людей и вещи под неким метафорическим крылом, где недоброжелатели и воры не могут их найти. Ну и что это за крыло?

Почему-то мне представился некий пространственный карман. Этакий схрон, тайная комната, которая всегда со мной и куда я могу в любое время запустить руку. В моем воспаленном от ужаса сознании выглядела эта комната как треклятая Секунда, где мы с поручиком не так давно прохлаждались.

Белая пустота без конца и края. Мое лично убежище. Мо...

Наверное, все же стоило вообразить что-нибудь более подходящее ситуации. Ну или хотя бы более позитивное.

Потому что в один миг Антадзе вталкивал меня в распахнутую дверь, а в следующий – мы уже стояли посреди белой пустоты с одинаково обалдевшими физиономиями.

Я первая сообразила, что нас раскидало на приличное расстояние друг от друга. И первая же увидела Второго Брата, преспокойно лежащего на

небольшом пьедестале точнехонько по центру между нами.

Действительно, разрисованный пряник на веревочке. А столько проблем.

Я хотела было рвануть вперед и схватить его, но что-то меня остановило, и я, наоборот, попятилась еще дальше от безумных бывших коллег. Да, никого из нас еще не уволили, но как-то сомнительно, что нам еще доведется попить вместе чаю в комнате отдыха.

А вот Аббасова не удержалась и таки рванула за вожденной добычей. В чем-то я ее понимаю: столько ждать, строить планы, надеяться, а потом – бац! – и все провалить из-за дурацкой побрякушки. Разочарование века.

Но вот попытки напасть на брезатого на его территории понять не могу. Даже мне, полному профану в этом вопросе, было ясно, что здесь я царь и бог. А Липка, завладев артефактом, первым делом злорадно захохотала и, выудив из кармана очередной невнятный камешек, швырнула его в меня.

Ничего не произошло.

Она попробовала снова – на сей раз при помощи пасов руками и бормотания себе под нос.

Опять безуспешно.

И тогда Липка рявкнула:

– Давид!

Красивое, оказывается, у Антадзе имя. Надо уже завязывать запоминать всех исключительно по фамилиям, а то столько интересного пропускаю...

Охотник вынырнул из ступора и точно пес по команде ринулся вперед.

Однако, что подразумевала под своим криком Липка и что планировал сделать со мной Давид, я так и не узнала, ибо от вида его перекошенного лица так перепугалась, что взвизгнула, зажмурилась и, кажется, вырвалась из своей тайной комнаты.

Почему кажется?

Потому что, как только белизна пустоты сменилась безликой металлической стеной, сознание меня покинуло, так что я даже не была уверена, что мне не померещилось.

* * *

Приятно наконец-то научиться летать. Даже не летать, а парить.

В невесомости.

Когда сердце легкое, как пушинка, а пахнет вокруг манной кашей, карамельками и маминой помадой. Знаете, такой... старой, из девяностых,

сейчас таких уже не делают. У нее был самый странный и самый прекрасный запах в мире, навсегда въевшийся в мою память.

– Мама, – невнятно пробормотала я и взмахнула почему-то резко отяжелевшей рукой.

– Да, родная?

– Мама, я влюбилась.

Кто-то сдержанно хихикнул, и мама с улыбкой в голосе отозвалась:

– Это чудесно, родная.

– Он самый лучший. Как папа, только книжки не пишет.

– Эй! – возмутился невесть откуда взявшийся папа, и я поняла, что невольно выдала семейный секрет.

Кто-то уже откровенно ухохатывался – причем на несколько голосов.

Похоже, вокруг меня собралась целая толпа.

– А еще я не бездарь, – решила сообщить, раз уж все в сборе.

– Никто так никогда и не думал, родная.

– Думали, – пробубнила я.

Язык с каждым словом становился все больше и неподъемнее.

– Думали... д-мали... т-ка я не б-дарь... я ос-бенная.

– Конечно, ты особенная, – согласилась мама. – Всегда была особенной. А теперь спи. Спи, родная...

Маму я почти всегда слушалась, так что и теперь покорно погрузилась в сон.

* * *

Следующее пробуждение было уже осознанным.

Даже не открывая глаз, я поняла, что лежу в кровати в собственной квартире – узнала по очень болезненно торчащей пружине, – кто-то держит меня за руку, а на грудь всем своим кошачьим весом давит урчащий Фафнир.

Чувствовала я себя настолько прекрасно, как если бы после долгой и напряженной рабочей недели завалилась спать на сутки и вот наконец пришла в себя – отдохнувшая и полная сил. Разум был чист и ясен, тело рвалось на подвиги, а на эмоциональном фоне царило такое умиротворение, что я даже заподозрила, будто таки познала дзен.

Но глаза открывать не спешила, пытаюсь угадать, кто же несет вахту у моей кровати.

– Очень романтично, – сказала, узнав легкий запах кофе и пены для бритья. – Чувствую себя героиней фильма, чудом избежавшей смерти.

Ян крепче сжал мою ладонь:

– Ну, фактически так и есть. – Затем помолчал немного и спросил: –

Ты глаза-то открывать собираешься?

– А очень надо?

– Да. Хочу убедиться, что ты в здравом уме, прежде чем тебя поцелую.

– Не самая лучшая идея, – усмехнулась я, – учитывая, сколько я провела в отключке.

На самом деле, я и сама не знала точную цифру, но все же догадывалась, что зубы не чистила давненько.

– Угробила всю романтику, – вздохнул Ян и все же легонько коснулся моих губ своими. – Привет...

– Привет.

Мы снова замолчали, и лишь урчание Фафнира нарушало тишину.

– Глаза открою, если убережешь с меня этот трактор и приляжешь рядом.

– Развратница, – хмыкнул Ян. – Между прочим, твои родители на кухне.

– Как? – потрясенно воскликнула я. – И они позволили тебе находиться с бессознательной мной без присмотра?

– Ну... после того, как ты публично призналась мне в любви, я уже практически член семьи.

Я живо вспомнила свои полукоматозные бредни, и к щекам прилила кровь.

– Кто сказал, что речь шла о тебе? Я имен не называла.

Кажется, не называла...

– Твоя родня уже решила, что обо мне, так что, боюсь, выбора у тебя теперь нет.

– Что ж... – преувеличенно тяжело вздохнула я. – Так и быть. Придется смириться...

В следующую секунду тяжесть с груди исчезла под возмущенный таким произволом мявк, меня очень осторожно сдвинули к центру кровати, и матрац покачнулся под весом Яна.

– Довольна? Открывай глаза.

И я открыла, чтобы увидеть его лицо близко-близко.

Какое-то время мы просто смотрели друг на друга.

Так странно... еще несколько дней назад я и не знала никакого Яна Ржевского, а теперь мы лежим почти вплотную, и в голову лезут всякие глупые мысли.

Вроде того, что мне совсем не хочется знать, что произошло на том складе. Что будет достаточно, если он просто скажет, мол, никто из наших не пострадал, и все. Что гораздо больше меня волнует, взаимны ли мои чувства. И что если Ян сейчас же ничего не сделает, я укушу его за нос.

- И откуда ты свалилась на мою голову... – пробормотал он.
 - С метлы.
 - Точно. Теперь придется тебя украсть, а то добровольно твои не отпустят.
 - Куда?
 - Ко мне.
 - Зачем?
 - Ну должен же и я чистосердечно признаться своей семье, читай «брату», что влюбился. И что она самая лучшая.
 - Повезло ей, – улыбнулась я.
 - Она у меня вообще... везучая.
- * * *

Ян все же рассказал мне обо всем.

О Фафнуре, что появился в его квартире посреди ночи. О том, как этот гениальный зверь не просто привел его на склад, но предварительно собрал целую армию из Зеленцовых и не только.

Думаю, каждый из них пережил немало прекрасных мгновений, когда был разбужен или вытащен из душа наглым синим дракотом, которого мало заботил чужой внешний вид. Я уже жалела, что не увидела явления группы поддержки во всей красе – и как это охотники и прочие не поумирали со смеху, а даже умудрились испугаться.

С Липкиными адептами, кстати, разделались довольно быстро. Скрутили и сдали на руки представителям Надзорного комитета. А вот меня искали около часа – так удачно я завалилась за трубу и действительно впала в некое подобие комы, что даже Фафнур меня больше не чувствовал.

Не хочу представлять, что испытывали в тот момент родные. Сама бы я, наверное, с ума сошла, но все хорошо, что хорошо кончается.

На меня все же наткнулись при тщательном обыске склада, быстро транспортировали домой и вызвали единственного человека, кто хоть как-то пытался изучать брежатых – Анну Митюшкину, которая и поставила мне диагноз: нервное и магическое истощение.

Не как бывает, когда под ноль опустошаешь резерв, а как когда разрываешь связь с «крылом» – так она называла мою тайную комнату – без должного настроения. В общем, если вкратце, то я слишком резко выбралась из пустоты, вот и поплыла.

Лечилось сие банальным отдыхом, вот я и отдыхала. Уже двое суток.

И лишь один раз приходила в себя – чтобы сделать свое эпохальное признание, похвалиться собственной нетаковостью и снова вырубиться. Вполне в моем духе.

Ян провел со мной не все время, приходилось все же решать некоторые рабочие вопросы, да и брат дома переживал, но я порадовалась, что в момент окончательного пробуждения первым делом увидела его. А вот семья моя торчала здесь неотлучно. И если он правильно все понял, то Зеленцовых в Ярославле значительно прибавилось.

– Ковальчук? – спросила я, как только немного осмыслила услышанное.

– Жив-здоров. Уже бесчинствует в управлении, разоблачая затаившихся супостатов и обеляя собственное имя.

Иного я и не ожидала.

Оставался последний вопрос. Не то чтобы сильно меня тревоживший, но...

– А Аббасова с Антадзе?

Ян замялся:

– Ну... как бы... Под твое крыло без тебя не попасть. И не выбраться без тебя.

– То есть они все еще там?

– Да. И целая толпа ждет возможности их оттуда достать, так что...

Да уж, кажется, мое погружение в будни истинного брежнега будет экстренным.

Если честно, было немного противно сознавать, что где-то – фактически во мне, ибо ощущалось это именно так – сидит парочка сумасшедших преступников. Так что я и сама собиралась побыстрее их оттуда вытащить.

И в то же время побаивалась даже представить, в каком виде застану – после двух-то суток в пустоте... Оставалось надеяться, что они там не поубивали друг друга. Не очень-то хотелось становиться вместилищем для трупов.

Так или иначе, можно было считать, что все плохое закончилось.

И началась моя новая жизнь.

Плюс: моя новая жизнь прекрасна.

Минус: в ней по-прежнему слишком много родственников, которые так и норовят без стука ввалиться в комнату в самый неподходящий момент.

Глава 25

Пение дело такое: только начни петь своему отражению в зеркале, потом запоешь дуэтом с какой-нибудь синичкой, затем подтянутся прочие лесные обитатели, ну а дальше остановить тебя можно будет только

огнеметом.

(с) Терри Пратчетт

Что я там говорил? Прекрасна?

Трижды «Ха!»

Моя новая жизнь тяжела, чудовищна, полна потрясений и...

Ладно, все-таки местами прекрасна, но места эти столь незначительны и мимолетны, что не уверена, нужно ли их вообще считать...

Поверили? Правильно, не стоит, мне просто необходимо выговориться, понять, пожаловаться, и все снова пойдет на лад. Так что, пожалуй, начну.

Потрясение первое, навсегда оставившее кровотокающий след в моей душе: мы все-таки вытащили из-под «крыла» сладкую парочку артефакторша плюс охотник. Вытаскивать отправились втроем: я, мой высший знакомец Николай Алексеевич из Надзорного комитета и Ян, отказавшийся отпускать меня одну «с этим странным мужиком».

Высшему он почему-то люто не доверял, и я даже не тешила себя иллюзиями, будто это ревность. Нет, скорее, обычная человеческая интуиция.

Так вот, за то время – без малого еще сутки, – что мы готовились к «походу» и учили меня, собственно, «заглядывать под крыло», я успела навоображать всякого. И что Аббасова сумела даже в таких условиях изобрести какой-нибудь убивающий артефакт из своих камешков, так что встретит нас во всеоружии. И что Антадзе ее все-таки прикончил ввиду полной неадекватности. Или что она его прикончила, ибо воистину! Ну и еще множество всяких ужасов, вплоть до того, что они умерли от голода и жажды и превратились в призраков...

В общем, как сами понимаете, встречаться с ними я желанием не горела. Однако в назначенный час, убедившись, что четко чувствую, что и как нужно сделать, я провела высшего и поручика в свою тайную комнату...

И потом долго пыталась развидеть увиденное – насчет остальных не знаю.

Аббасова и Антадзе отнюдь не ударились в насилие, а решили скоротать время и развеять скуку древним как мир способом, так что нашим взорам открылось излишне много анатомических подробностей.

Мало того, чтобы вытащить парочку наружу, мне к тому же предстояло их коснуться – что я, зажмурившись, и сделала, когда Яну и Николаю Алексеевичу удалось растащить практически слипшиеся тела.

Дальнейшая судьба несостоявшихся героев меня мало волновала, и если честно, я так до сих пор и не поинтересовалась, какое наказание им

назначили. Судя по довольным улыбкам окружающих, когда в разговоре мельком всплывает эта история, Аббасова и Антадзе получили по заслугам. Большого мне и не надо.

Потрясение второе, изменившее мое мировоззрение в целом и отношение к родным в частности: передо мной в некотором роде извинились, причем как все скопом, так и в индивидуальном порядке.

Бабушка, стиснув зубы, покаялась, что, да, знала о моих особенностях, и да, переусердствовала с защитой, но теперь поняла свою ошибку, и больше такого не повторится. В последнее я бы ни за что не поверила, но, как только все устаканилось, бабуля собрала вещички и спортанилась куда-то в жаркие страны, откуда ее до сих пор не могут выковырять даже кровавыми жертвоприношениями.

Папа извинился за свое поведение после нашего с Дашкой небольшого приключения в лесу, но все же покривил душой и по большей части изображал раскаяние. А вот за то, что использовал некоторые эпизоды из моей юности в своих шедевральных произведениях, просил прощения вполне искренне. И я бы прониклась, кабы не видела его новые черновики, в которых, несмотря на все замены и метафоры, легко угадывались события последних дней.

Игорь извинился... не передо мной. Но так как я отказывалась с ним общаться, пока он не уладит все с Ковальчуком, можно считать, что это раскаяние и меня касалось. В общем, не уверена, что на сей раз обошлось без мордобоя – с их способностью залечивать разбитые физиономии черта с два поймешь, – но первый шаг к примирению был сделан путем долгой беседы в каком-то баре, откуда Игорь вернулся пьяный вдрызг и ненавидящий Ковальчука еще сильнее. Чем все это закончится, не знаю и иногда боюсь представить, однако братец обещал не сдаваться.

Остальные извинялись в основном за то самое коллективное снятие блока, в котором так или иначе принимали участие, и наперебой предлагали с помощью гипноза/йоги/заклинания/проклятья-наоборот избавить меня от боязни призраков. Ян, конечно, поначалу удивился, что я наотрез отказалась, но потом, узнав моих родных чуточку получше, согласился, что решение было верным. Иначе б все это вылилось в очередной эксперимент и добавило бы мне новых фобий.

Ну и последним извинился Ковальчук. Он, конечно, не семья, но, чую, это явление временное, ибо, несмотря на недавний отъезд Дашки в Питер и их прежние странно молчаливые встречи (всегда в присутствии свидетелей), меня не покидало ощущение кипящих страстей. Не представляю, к чему все это приведет, но вряд ли шеф долго продержится.

Поскачет следом как миленький – впечатлять и завоевывать. Полагаю, и каяться он пришел только в надежде выяснить что-нибудь о сестрице, но я по-партизански увильнула от ответа и получила-таки долгожданное:

– Прости. Я не знал, что ты не знала.

Говорил он, разумеется, о событиях далекого прошлого и поступке Игоря.

– Могли бы догадаться, – принципиально побухтела я. – Я вот целый год гадала, чем могла вам не угодить. И даже пришла к выводу, что дело все же в моей семье, но без каких-либо вводных сложновато, знаете ли...

Я, наверное, осталась единственной, кто упорно продолжал Ковальчуку выкаты, даже с Яном они довольно быстро перешли на «ты», а меня будто заклинило, и просто ком в горле вставал при попытке обратиться к нему не как к начальнику.

– Прошу прощения, – повторил Ковальчук.

– А даже если не знали, – не сдавалась я, – то все равно некрасиво мстить беззащитной девушке за здорового лба, с которым ее и связывает-то всего лишь общий генетический код, а никак не образ мысли и нормы морали...

– Прости. – Уже сквозь зубы.

Думаю, повыпендривайся я еще немного, и шеф бы зарычал, но я сумела вовремя остановиться.

– Ничего страшного, – величественно взмахнула рукой, – бывает.

– Ну а раз так, – быстро выпалил он, – то советую рассмотреть вот это предложение.

И мне всучили пачку бумаг, которые и стали моим третьим и самым главным потрясением.

Итак, потрясение третье, перевернувшее мою новую жизнь с ног на голову и поставившее меня перед непростым выбором...

Мне снова предложили работать под началом Ковальчука. И снова с тем же словом в графе «должность». Вот только с двумя существенными поправками. Во-первых, трудиться предстояло в Надзорном комитете. А во-вторых, в качестве настоящей брежатов.

На тридцати страницах мелким шрифтом подробно расписывались мои потенциальные служебные обязанности, права и возможности, и голова от них не просто шла кругом, а практически уплывала в неведомые дали.

Пробежав глазами все в первый раз, я обещала подумать. И потом неделю вообще к этим листам не прикасалась и старалась о них не вспоминать. Но мысли нет-нет да обращались к заманчивым перспективам.

Тогда я показала бумаги Яну, и он несколько дней ходил хмурый, явно борясь с порывом высказать свое нелестное мнение о наших надзорниках, но при этом не желая как-то влиять на мой выбор.

– Ты должна сама решить, – как попугай талдычил он, стоило мне вновь попросить совета.

И я понимала, что Яну затея не понравилась от слова «совсем».

Не то чтобы мне предлагали что-то страшное и жутко опасное, но... да, опасность была. Зато был и шанс в полной мере познать собственное я, свои скрытые способности и суть истинных брежатых.

Я долго размышляла о том, что не одна такая, и другие пока либо просто прячутся, либо даже не знают о своем даре. И ведь родятся еще новые, и неужели им тоже придется влачить жалкое существование слабых магов, до которых никому нет дела? Неужели из-за эгоистичной жажды спокойной жизни я не рискну открыть эту дверь и положить начало... Нет, не так. Не рискну открыть эту дверь и вернуть в наш мир истинных хранителей?

Да, наверняка путь будет сложным. Наверняка мне будут поручать всякое, отчего захочется либо удавиться, либо удавить. Но Надзорный комитет уже шел навстречу, предлагая мне в качестве руководителя и надежного плеча старого знакомого. И пусть наши отношения с Ковальчуком трудно назвать теплыми, другого шефа я просто не представляла.

Ну и наставница мне полагалась. Разумеется, та, о ком вы подумали.

Короче говоря, выбор был сложный, но, наверное, я с самой первой секунды знала, что соглашусь. Ведь иначе никогда больше не получу такого шанса найти себя вне клана Зеленцовых.

Потрясение четвертое было не таким уже и потрясающим и, наверное, даже в какой-то мере меня порадовало. Наконец-то – наконец-то! – в идеальном поручике Ржевском нашелся изъян.

Даже два изъяна.

Во-первых, выяснилось, что он храпит. Не сильно. Так, скорее посапывает, но, впервые проснувшись от этого свистяще-хрюкающего звука, я так воодушевилась, что наутро описывала Яну чуть ли не громоподобный храп, всю ночь не дававший мне глаз сомкнуть. Он покраснел, устыдился и собрался немедленно бежать к магу-целителю, чтобы эту проблему решить, но я не пустила.

Знаю, храп – это не слишком здорово и полезно, но хочу насладиться этим недостатком любимого поручика, пока есть возможность.

Ну и во-вторых, Ян-то у нас, оказывается, тот еще враль, и узнала я об

этом совершенно случайно...

Когда все события после смерти Беяка и до моего пробуждения от псевдо комы были расследованы, изучены под микроскопом и разложены по полочкам, когда все вопросы были сняты и закрыты, когда каждая душа в этом городе успокоилась, меня по-прежнему мучил один момент.

Казалось бы, незначительный, но он никак не укладывался в общую картину, и эта мерзкая мысль жужжала у виска назойливой мошкой, не давая нормально спать, есть и жить.

Тайна исчезнувшего санитаря.

Я не понимала двух вещей: кем этот санитар был и почему он исчез тогда, когда я вроде как, наоборот, проявляла все подряд, и противостоять этой моей силе не мог никто.

Я перерыла все возможные пособия по магам, ведьмам, потомкам Изгоев и прочим магическим существам. Я изучила каждую сказку и легенду, до которой смогла добраться. Я задавала нелепые вопросы в интернете, за которые меня высмеивали все кому не лень. Я даже обратилась к бабуле, но та была слишком занята, плаваясь на солнце, чтобы внять моей проблеме.

В итоге – ни одной зацепки. Ни одного намека на личность и суть этого загадочного незнакомца, что смерил меня равнодушным взглядом, а потом испарился, стоило мне отвернуться.

Ян видел, что меня что-то гложет, и даже настойчиво интересовался сутью проблемы, но я не хотела окончательно выставить себя перед ним идиоткой, мол, схожу с ума из-за такой ерунды.

Оказалось, зря так долго тянула – сдалась бы раньше, избежала бы многих бессонных ночей.

Когда же я все-таки не выдержала и раскрыла Яну свою страшную тайну, он отреагировал странно. Закашлялся, побледнел, покраснел, поджал губы и... раскатисто захохотал.

– Прости-прости-прости, – забормотал, чуть успокоившись и заметив мой обиженный взгляд. – Ты не поняла... я не потому что... ой, не могу...

– Я тебя укушу, – пообещала я.

– Извини, я правда... – Ян глубоко вдохнул и выдохнул. – Хорошо, теперь точно все.

Он сжал переносицу, будто это могло остановить новый приступ смеха.

– Видишь ли, какое дело... – начал осторожно. – Санитар не исчезал.

– Как так? – опешила я.

Ян неловко улыбнулся:

– Вот так. Там в холле дверь есть, за кадкой с пальмой. Всего лишь подсобка, но Колька там постоянно прячется, когда его начинают бесить. Неисправимый мизантроп. И... когда ты повернулась ко мне, он слинял.

– Но ты... ты... – Я судорожно ловила воздух ртом. – Ты тогда сказал, что я сама с собой разговариваю! Явно намекнул, что там никого не было!

Ян попытался меня обнять, но я вывернулась и истерично ткнула пальцем ему в грудь.

– Ну прости, Сонька, ну чего ты... Просто понял уже, что ты видишь куда больше, чем я, вот и решил посмотреть на реакцию. Ты ж не завопила, мол, караул, куда мужик делся, правильно? Нет, ты сделала вид, что там и правда никого не было, а значит...

И да, с одной стороны он был прав, но с другой – я обиделась. Потому что «быть правым» и «поступить правильно» подчас совершенно разные понятия.

Потрясение пятое обрушилось на меня после бурного примирения – Ян вдруг решил познакомить меня со своим братом.

Точнее, он уже давно собирался, а я все отнекиваясь, переживая, что не понравлюсь, что оплошаю, что скажу что-нибудь не то и все испорчу... Но, так как Ян все это время обитал у меня, мнительный Дмитрий – да-да, его действительно зовут Дмитрий Ржевский – вообразил, будто я его за что-то заранее невзлюбила, потому и избегаю встречи.

Пришлось исправляться.

И уж не знаю, кого я ожидала там увидеть – наверное, уменьшенную копию поручика, – но Дима оказался очень серьезным, невысоким темноволосым мальчиком, и со страшим братом их роднили только искренняя открытая улыбка и темно-карие, почти черные глаза.

Я же так перенервничала, готовясь ко встрече с единственным родственником Яна, с тем, чье мнение для него очень важно, что весь день несла какую-то чушь, едва не спалила их квартиру, пока помогала с готовкой, а потом с психу перетащила нас всех в свою тайную комнату. Ну, под то самое крыло брежатого...

Димка пришел в неопишуемый восторг и спросил, могу ли я ту создавать всякое, как было в «Матрице». Честно говоря, такая мысль мне даже в голову не приходила, но стоило ей только появиться...

Ведь разве это не логично?

Если именно в таких местах брежатые прошлого прятали не только предметы, но и людей, должны же они были создавать для них более комфортные условия, чем просто белая пустота. Ведь и она, по сути, плод моего воображения – просто первое, что я представила в момент

опасности, не более.

Итого мы несколько часов провели, сначала проверяя эту гипотезу, а потом, когда она подтвердилась, превращая мой схран во все, на что хватало фантазии – от дворцовых покоев до магического леса.

Наверное, не стоило тестировать новые способности без надлежащего контроля и вот так, нахрапом, потому что следующий день я провалялась пластом с дикой головной болью. Еще и нотации Яна выслушивала, хотя он и сам принимал участие в веселье, а прервать меня пытался лишь изредка и не очень настойчиво.

Короче, думаю, это еще один его недостаток, да. И когда он открылся, я поняла, что уже не просто влюблена, а люблю, однако до сих пор в этом не призналась.

На сей раз мужчина должен быть первым.

Шестое потрясение – Ян действительно никакой не интуит.

Он не чувствует магию. И разумеется, не видит, когда рядом уже нет проявляющего артефакта.

А вот меня – чувствует. В любом виде, под любым мороком и пологом. Как тогда, на месте преступления. Не спрашивайте, как, почему и для чего, мы сами еще не разобрались, но обязательно разберемся.

Конечно, я помню слова птицелова про «пустого, но зрячего» и понимаю, что наверняка это как-то связано с определенным типом магического поля или типа того и рано или поздно найдется еще кто-то или что-то, подвластное внутреннему зрению Яна, но...

Скажем так, романтик во мне хочет, чтобы я по-прежнему оставалась единственной, кого он чувствует. Пусть это глупо, ненаучно и вообще.

Может девушка помечтать?

Ну и седьмое потрясение. Последнее, обещаю.

Дашка таки была права.

То есть, этому, конечно, тоже нет никаких научных подтверждений, но, когда однажды утром вместо насыщенно-синего дракота к нам в кровать запрыгнул нежно-голубой в серую полоску, первым делом я решила, будто Фафнира подменили, а вторым – вспомнила слова сестры.

«Когда хозяин встречает взаимную истинную любовь, дракошка меняет цвет».

И хотя с момента начала наших с Яном отношений времени прошло уже прилично, опять же, может девушка помечтать?

Завтра ровно четыре месяца с того памятного вечера, как я вскарабкалась на метлу в розовой балетной пачке и с крыльями за спиной.

Магическое сообщество уже давно перестало бурлить по поводу

безумной секты Аббасовой и последующих за ее поимкой разоблачений. Управление выстояло, хоть и лишилось убойного отдела в полном составе.

Из Зеленцовых в Ярославле осталась только я, хотя теперь, ввиду моих открывшихся способностей, Матвей порталится к нам в гости каждые выходные, чтобы вместе с Димкой, с которым они подозрительно быстро нашли общий язык, «погаматься» в моем схроне.

Совсем не о карьере детской игровой комнаты я мечтала, но что поделать...

Настоящая карьера тоже скоро сдвинется с мертвой точки – завтра же я иду на собеседование в Надзорный комитет. Собеседовать буду скорее я их, чем наоборот, ибо выяснилось, что заполучить меня прямо-таки жаждут, а вот у меня все еще полно сомнений и страхов.

Ян рвется пойти со мной, чтобы детально изучить все документы, если мне вдруг взбредет в голову что-нибудь подписать, но тут я тоже пока не решила... Насколько адекватно являться на деловую встречу с женихом?

Ну а в остальном у меня сомнений никаких. Да, порой мне хочется вот так пожаловаться, а вскоре, если и когда начнется обучение у бабы Ани и работа с Ковальчуком, захочется еще сильнее, и я, наварное, доведу Яна своим нытьем так, что он меня бросит и улетит к моей бабуле на моря, но...

Да, все будет хорошо. Потому что у Зеленцовых иначе не бывает.

Глава внеочередная, внезапная и запоздавшая

История, которую Соня не могла бы узнать

ни из сказок Иеремии Ту, ни из своих детских книжек, ни даже от Анны Маклейн,

поскольку случилось все много позже и не предавалось широкой огласке.

Шаман... раздражал.

Раздражал каждым своим редким словом, каждым тягучим, словно пережеванная ириска, движением, каждым колечком дыма, что выпускал из скукоженного, как попка курицы, беззубого рта.

Казалось, это и не рот вовсе, а отверстие, предназначенное исключительно для мундштука древней и потрескавшейся деревянной трубки, и что эта трубка родилась и выросла вместе с этим дочерна загорелым телом, дабы периодически затыкать это отверстие.

В общем, шаман раздражал.

Хотя, конечно, не так сильно, как предыдущие «духовные наставники» Ярополка, с которыми его свела судьба в лице неугомонной родни.

К первому, бритоголовому монаху в балахоне цвета детской

неожиданности, чья лысина блестела на солнце как начищенный пятак и чьи глаза были так же узки, как у самого Ярополка после развеселой встречи с друзьями за кружкой-десятью медовухи... так вот, к первому он добирался несколько месяцев.

Точнее один месяц бродил вокруг неприступной скалы, соображая, как бы половчее на нее взобраться, ведь по всему выходило, что монах ждет его на вершине. А когда наконец взобрался – никакого монаха там не оказалось, лишь выдолбленная на камне надпись, гласившая «УСЕРДИЕ».

Второй месяц Ярополк искал лысого пройдоху уже с совсем иной целью и облазил множество темных и сырых пещер, в кои заводила его путеводная нить, но в результате нашел только очередное послание на одной из каменных стен: «СМИРЕНИЕ».

Третий месяц Ярополк пил, а на четвертый отправился к жалкому человечешке, что посоветовал ему этого монаха, и пригрозил возить его мордой по столу до тех пор, пока монах не объявится. И получил от человечешки давно заготовленный листок бумаги с новым словом: «ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ».

Пятый месяц прошел в тумане ярости и жажды крови, но вот наконец среди заснеженных гор какой-то далекой страны Ярополк сошелся со своей целью лицом к лицу. Монах улыбался, и зубы его сверкали в солнечных лучах не хуже кристально чистого снега вокруг.

«УМИРОТВОРЕНИЕ» – огромными буквами было написано у ног монаха, и Ярополк тоже улыбнулся. Светло и широко, от всей своей русской души. И от этой же души скрутил монаха в узел, ткнул мордой в сугроб и удалился восвояси.

Смирившийся, добившийся цели и умиротворенный.

Ко второму врачувателю – самому настоящему и прославленному психотерапевту – Ярополка отправили маги из Надзорного комитета. Тут с поиском проблем не возникло: очкастый профессор с закрученными усиками, в строгом костюме и с огромным галстуком-бабочкой ждал пациента в своем офисе ежедневно ровно к трем часам пополудни.

И Ярополк послушно таскался в этот офис. Втискивал свое немаленькое тело в узкое и явно не предназначенное для подобных габаритов кресло, отчего то рыдало и скрипело на протяжении всего сеанса, и говорил-говори-говори без устали обо всем, что врачеватель желали узнать.

И за две недели визитов не дождался ничего иного кроме покровительственных кивков, задушенных хмыков и веского: «Пнятненько».

На третью неделю врачевателя нашли пациенты – связанного и втиснутого в узкое кресло, а перед ним на столе лежал диктофон из которого вновь и вновь доносилось только одно слово в его же исполнении: «Пнятненько».

Можно было подумать, что у Ярополка проблемы с гневом и именно затем он ищет кудесника-целителя, но истинная боль птицелова лежала куда глубже, чем способен уловить человеческий глаз.

Давным-давно, когда беда только обнаружилась, ее сочли ведьминым проклятьем, так и появился на щеке Ярополка защитный знак – птица, пронзенная стрелой. Но то ли защита оказалась паршивой, то ли поздно ею озаботились... не сработала метка.

Позже лекари говорили, что то не проклятье, а дурная привычка, и избавляться от нее надо, как от всякой привычки – отсечь и заменить другой. И Ярополк пытался. За несколько лет он освоил рыбалку (скука), фехтование (забава для белоручек), вышивку и макраме (но никому не признался), игру на лютне (мухи дохли от такой музыки) и многое-многое другое.

А «дурная привычка» и не думала отсекается.

Потом тот самый монах, позже откушавший снежка, заявил, будто узрел истину, и это просто огромная кошка пробежала по тени Ярополка, оставив на ней свой след. Собственно, с целью духовного очищения и удаления отпечатка кошачьей лапы и был затеян весь этот долгий путь, коего птицелов не оценил.

Ну и, разумеется, психотерапевт... Психотерапевт записал в своем блокнотике сакральное: «Эдипов комплекс» и сделал рядышком кучу пометок о неподобающей любви к матери, которая и ассоциируется у Ярополка с неуловимой птицей, а значит, является корнем всех его проблем.

И только шаман, раздражающий загорелый шаман с куриной задницей вместо рта, с порога заявил:

– Болезнь это. Обсессивно-компульсивное расстройство. – Потом подумал немного и добавил: – Десять тысяч баксов, и через десять дней в твоей голове не останется ни одной навязчивой идеи.

Деньги для Ярополка значили мало, а вот возможность избавиться от неуправляемого желания ловить птиц – много. Потому на рассвете в уговоренный срок он притащил в указанное место нужную сумму и стал ждать, очень надеясь, что этот старикан в меховой шапке-ушанке (и это в тридцатиградусную летнюю жару) не вздумает учить его смирению.

Ждал Ярополк на прекрасной лесной поляне в окружении пушистых

елочек, пахучей травы, ярких цветов и бабочек и, разумеется, щебечущих птичек. Благо, все они были одного и того же скучного цвета и ловить их совершенно не хотелось.

Он ждал и ждал, солнце поднималось все выше и выше, пока не стало напекать макушку, и Ярополк уже готов был плюнуть на все и идти искать шамана, чтобы собственными руками скормить ему пачку долларов. Но вдруг слышал шорох, обернулся и увидел объект своих невеселых дум на пенёчке всего в нескольких метрах от себя.

Шаман привычно выпустил в воздух колечко сизого дыма, почмокал куриной попкой и протянул руку, куда пыхтящий от злости Ярополк быстро вложил деньги. Купюры молниеносно исчезли в складках не по погоде теплого пальто, и оттуда же на свет божий появилась прозрачная пластиковая бутылочка с мутной коричневой жижей.

– Пей, – велел шаман и вновь затаился.

– И чего потом? – Ярополк открыл крышку и с сомнением принялся, но жижа пахла... ничем.

– Потом будешь лечиться. Пей.

– Десять дней, говоришь? – на всякий случай уточнил Ярополк.

– Десять-десять. Пей.

– Ну смотри, старый. Если что, я тебя между пальцев перетру и не замечу.

С этими словами птицелов залпом осушил бутылку, что в его огромных руках казалась детской игрушкой, и напряженно замер, готовясь к переменам.

Десять дней до полного исцеления...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Существенно ничего не изменилось. Разве что в висках вдруг болезненно застучало, и Ярополк поморщился и зажмурился, ожидая, когда неприятные ощущения пройдут. А потом распахнул глаза, дабы высказать шаману все, что думает о его дурацких настойках, но того и след простыл.

Ярополк покружился на месте, поэгейкал для приличия, растерянно почесал затылок и, пожав плечами, зачем-то двинулся в чащу. Именно «зачем-то», потому что в лес он точно не собирался, и явно не после того, как его в очередной раз надули и выставили простофилей. Но ноги будто сами несли к нужной цели, а глаза нет-нет да и стреляли по сторонам в поисках потенциальной добычи.

Да, Ярополк не исцелился и жаждал поймать красивую цветную птичку.

Например, цвета индиго. Или терракотового. А еще он недавно узнал

новое название – «мордоре». Хорошо бы было поймать крылатую цвета мордоре.

И наверное, чудесам все же еще есть место в этом мире, потому что стоило пронестись мысли, как с дерева на дерево вдруг перелетела как раз такая птица! В первое мгновение Ярополк даже глазам своим не поверил, но тут она еще и запела, обнаруживая свое местоположение среди ветвей, и он убедился – точно мордоре. Ну или красно-коричневый с золотым отливом, кому как больше нравится.

Любому начинающему птицелову более опытные коллеги будут долго и нудно рассказывать о том, что такое «точок» и как надо изучать повадки да направление кочующих стаяк, дабы расставить силки. Но Ярополк был птицеловом от природы и всю эту книжную науку не уважал.

Зачем она, коли он наделен способностью бесшумно и незаметно забраться на любое дерево и поймать добычу собственными руками? Чем и воспользовался, уже через минуту нежно сжимая в ладони трепещущее тельце.

Однако, стоило спрыгнуть на землю и взглядеться в черные выпуклые глазки, как с птицей начало происходить что-то неладное. Она вдруг перестала дергаться и будто вздулась, уже не помещаясь в руке, так что даже пришлось ослабить хватку, а потом и вовсе разжать пальцы.

Распухшая птица полетела вниз, по пути все сильнее раздаваясь во все стороны, увеличиваясь, сбрасывая перья и обретая женские черты. Уже через пару минут у ног Ярополка сидела ослепительно прекрасная юная дева в белоснежном сарафане в алый цветочек, и по спине ее водопадом струились блестящие волосы цвета мордоре.

Дева проморгалась, распрямилась и счастливо рассмеялась, глядя на Ярополка:

– Полкаша, ты чего застыл столбом? Там же ярмарка! Ярмарка, Полкаша! Бежим скорей!

И он побежал – опять же, волею ног, а не разума. Потому как разум вообще отказывался понимать, что происходит, и переваривал одну единственную мысль: «Полкаша? Полкаша?! ПОЛКАША?»

И как-то даже не удивительно было, что после нескольких шагов вместо леса они оказались на ярмарочной площади – шумной, людной, разноцветной. Со всех сторон доносились запахи и крики, над головой летали бумажные журавли, а пестрые торговые ряды вызывали желание развернуться и бежать прочь, но девоптица крепко держала за руку и вела как раз туда. К ненавистным шмоткам.

– Платьишки, Полкаша! Шарфики, Полкаша! Туфельки, Полкаша! –

беспрестанно щебетала она, закидывая на необъятные плечи Ярополка тряпку за тряпкой и пихая в его огромные ладони крохотные черевички из мягкой кожи.

Они еще и одного ряда не прошли, а правый глаз новоиспеченного Полкаши уже заметно подергивался. К концу второго – к нему присоединился левый глаз. А когда на плечах и в руках Ярополка не осталось места, а в карманах – золотых монет, девоптица с волосами цвета мордоре недовольно уперла руки в бока:

– Ну как же так, Полкаша, мы же договаривались, помнишь? Тянешь ручки – покупаешь вещички.

– Шаман! – взревел Ярополк на всю площадь, но никто из гуляющего люда и бровью не повел.

– Какой, шаман, Полкаша, ты здоров?

– Шаман, вытаскивай меня отсюда! – завопил Ярополк пуще прежнего.

– Ну ладно, ладно, – сжалилась девоптица. – Вижу, утомился ты, хотя и трех часов не прошло.

– Шаман! – с истерично-паническими нотками в голосе взмолился Ярополк. – Для первого дня достаточно!

И в следующий миг он уже стоял на знакомой поляне, чувствуя на плечах вес «платишек и шарфиков», а в руках – вес «туфелек» и хрупкой ладони девоптицы.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Ночью Ярополку снилась ярмарка и шмотки. Ночью Ярополк собирался плюнуть на все и уйти в закат.

Но с утра своевольные ноги все же привели его на проклятую поляну к проклятому шаману, уже сидящему на пеньке и пускающему в пространство кольца дыма.

– Какой-то ты неправильный шаман, – проворчал Ярополк, принимая бутылку с жижей – точно такой же, как вчера. – Где костер, танцы с бубнами, песнопения?

– Пей, – равнодушно велел шаман и после первого же глотка испарился.

А птицелов снова очутился в лесу.

Сегодня это был лес знойный, тропический, экзотический. Пушистые ели сменились незнакомыми остролистыми деревьями и болтающимися тут и там лианами, по которым перебирали проворными лапами диковинные зверьки.

Ну а уж разноцветных птиц тут оказалось – не счесть. Рай для

птицелова. Ад для Ярополка. Вчерашние события были еще слишком свежи в памяти, потому он упорно отводил глаза от ярких пятен, что мелькали тут и там, будто нарочно дразня и провоцируя.

Ну и как клептоман, даже не подозревающий, что уже стянул чужую вещь, Ярополк и не заметил, как в его ладони вдруг оказалась зажата прекрасная желтокрылая птичка с апельсиновой грудкой.

И кошмар вчерашнего дня повторился. И обратилась птица прелестной девой с бронзовой кожей и золотыми волосами. И рассмеялась она, глядя на Ярополка:

– Ярик, солнце мое ясное, ты чего такой серьезный? Улыбнись, Ярик, улыбнись, к нам едет моя мама!

Он готов был сразу орать и звать шамана, но горло перехватило, словно туда песка насыпали, и Ярополк опомниться не успел, как уже бежал с девоптицей под руку к небольшой деревянной хижине, с основы до плоской крыши заросшей пестрыми цветами и вьюнками.

А потом сидел за обшарпанным столом, глядел на неуместную в данной обстановке фарфоровую чашку, куда ему все подливала и подливала чай постаревшая копия девоптицы, и мысленно молился о скорой смерти.

– ...И сад сорняком зарос, не следишь совсем, Ярик, – попеняла, очевидно, теща.

– ...И баньку б давно срубил, а то ж и отдохнуть никого приличного не позвать, что в вашей глуши делать?

– ...И крыша, того и гляди, обвалится. Я вот сижу-сиду и прямо чувствую, как она трещит надо мной, грозя похоронить здесь навеки.

Ярополк с надеждой возвел глаза к потолку...

– ...А детей в такой обстановке растить нельзя. Негоже приводить в этот мир детей, коли сами на ногах едва стоите...

– Так мы и не собираемся, мама! – вмешалась золотоволосая девоптица.

– Как это не собираетесь? – возмутилась теща. – А я, по-вашему, вечная? Мне, по-вашему, внуков понянчить не хочется?

– Но ты же сама сказала, мама...

– Я сказала, что б вы на ноги встали, а не про детей забыли.

Ярополк гипнотизировал взглядом чашку, в которую с крыши действительно летела какая-то шелуха, отчего по бурой поверхности шли круги.

– ...И работу пора нормальную найти, а то много ли он подымет на своих кокосах?

– Шаман!

На сей раз умолять не пришлось, и уже через секунду Ярополк стоял на прекрасной лесной опушке, чувствуя, как бешено колотится сердце, а на языке горечью оседает невкусный тещин чай.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Птица парила над водой. Крохотная, пестрая, будто совместившая в своем оперении все возможные оттенки неба и моря, и Ярополк не смог удержаться. Он плыл на вручную сколоченном плоту, казалось, целую вечность.

И сначала у него были весла, а потом – только воля великого океана.

Сначала его сопровождал азарт погони, а потом – только затмившая разум жажда обладания.

Сначала он не понимал, что творит, а потом увидел в своей руке небесную птичку и сокрушительно вздохнул. Через несколько мгновений на мокрых досках рядом с ним стояла бледная дева с нежно-голубыми глазами и короткими пушистыми волосами цвета морской волны.

Но не смеялась она, как прежние – катились слезы по фарфоровым белым щекам.

– Яр, мой Яр, – причитала девоптица, – ты совсем меня не любишь. Океан для тебя всегда важнее.

– Яр, мой Яр, – всхлипывала девоптица, – над городом тучи собираются, в такую погоду мне всегда тоскливо.

– Яр, мой Яр, – рыдала девоптица, – сердце мое пронзила стрела отравленная. Больно мне, Яр! Дышать больно, жить больно, думать больно...

А потому уже не было ни плота, ни океана. Точнее, океан остался далеко внизу – бился суровыми волнами о неприступные скалы, рвался на другую сторону, да никак пройти не мог.

И стоял Ярополк бок о бок с девоптицей на высокой башне белокаменного замка, что высился на краю обрыва. И считал Ярополк слезинки, что падали из прекрасных лазурных глаз.

– Это все ветер, Яр, он задевает какие-то струны в моей душе...

– Это все солнце, Яр, оно так невыносимо прекрасно...

– Почему ты не говоришь, что я тоже прекрасна, Яр?

– Ты не любишь меня, Яр! Я знала, что ты меня не любишь! Ох, утешь меня, Яр, утешь своим поцелуем!

А потом и слова потонули в сплошных рыданиях, так что уже непонятно стало, что вызывает слезы – ветер, солнце или отсутствие заверений в вечной любви.

– Шаман, – тихонько прошептал Ярополк, практически не открывая

рта – ну чисто чревовещатель. – Ша-ама-а-ан, я тут все.

– С кем ты говоришь, Яр? Почему ты никого не говоришь со мно...

А вот и родная поляна. Спасибо, шаман.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Обошелся без птиц.

Ярополк и сам не понял, как удержался. Не то шаман отправил его в мир, лишенный соблазнов, не то лечение и вправду уже давало свои плоды.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Поляна. Шаман. Колечки дыма. Бутылка. Уже привычно, уже без слов.

Ярополк вознамерился повторить подвиг предыдущего дня, но все пошло не так с первых секунд.

Во-первых, он очутился в пустыне. В жаркой пустыне, и куда ни глянь – до самого горизонта одни барханы и ни следа хоть какой-нибудь жизни. Даже заваливающего кактуса или, там, вездесущей ящерики...

«Ну тут уж точно птиц не будет», – самодовольно подумал Ярополк, и вот тогда-то случилось во-вторых.

Точнее, не случилось ничего. Шаман не откликнулся на зов, ноги не спешили вести хозяина к цели, разум вяло отмахивался от любых вопросов и растекался лужицей в черепной коробке.

Ярополк плавился от жары.

Он пробовал идти, куда глаза глядят, но то и дело натыкался на собственные следы и понимал, что бродит кругами.

Он пробовал кричать – но барханы проглатывали его слова и топили в песках.

Он стянул футболку и повязал ее на голову в надежде избежать солнечного ожога и теплового удара, но, наверное, слишком поздно, потому что, отчаявшись, вдруг узрел величайшее чудо в своей жизни.

Прекраснейший пруд с кристально чистой водой, в которой отражались плывущие вдаль облака. Над водой, почти касаясь поверхности длинными листьями, склонялись уставшие пальмы, а в небе над ними мельтешила стайка зелено-коричневых птичек, песней заманивая Ярополка в свои сладкозвучные сети.

И он пошел. Не к птицам – к воде. Хотя в данной ситуации это почти одно и то же.

Нырнул в пруд с разбегу. Вскрикнул радостно, когда неожиданно холодны капли освежили тело и прояснили разум. Глянул в небо и захотел как сумасшедший.

– Заигрался, шаман! Ахахахаха! Не нужны мне твои птицы, мне и водицы хватит!

А потом почувствовал, как трепыхается что-то в ладони. Глядь – а там сразу пяток пернатых уместился. И все раздуваются, расширяются, лысеют, что деревья по осени.

Секунда-две-три – и сидит уже Ярополк под пальмой, а вокруг него пяток девиц крутится. Кожа – что глина коричневая. Глаза – что листва зеленые. Улыбки белозубые, узоры на гладких головах занимательные.

– Не трогай Яро, глупая, устал он, не видишь что ли? – шипит одна, отталкивая вторую.

– Сама бы лучше шкурами занялась, чем тут ошиваться, не твой сегодня день, – возмущается третья.

– Так и не твой, Яро сегодня мне обещан, а вам бы морды умыть – красные от песка, – влезает четвертая.

А пятая молчит да плечи Ярополку наминает, да по животу рукой гладит. Второй, третьей, четвертой. Э-э-э...

– Яро сам решит, кто ему сегодня ужин готовит, а кто танцует.

– Вот и не мешай ему решать, вот и не распускай свои лапы загребущие.

– Это у тебя загребущие!

– Эй, а ты куда полезла!

– А ну-ка все разошлись, Яро мой!

– Ты в гладь до водную взгляни на рожу свою змеиную, а потом зарься на чужое!

Если б были у девоптиц волосы, то таскали бы они уже друг друга за них, как пить дать. А так только по рукам шлепали, да пинались, через несколько минут, похоже, окончательно забыв и про Ярополка, и про шкуры, и про ужин.

И вновь шамана он звал шепотом – ни к чему привлекать к себе внимание.

Благо, хоть слух у этого старого хрыча хороший.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

На шестой день Ярополк подумывал схитрить. Не выпить жижу полностью да посмотреть, что из этого получится. Но прозорлив шаман, ой, прозорлив. Глянул так строго своими глазами бесцветными, трубкой взмахнул и выпустил кольцо дыма прямо птицелову в лицо.

И вот уже... и не в лесу, и не в океане, и не в пустыне. А в квартире. Обычной, городской. Чистенькой, спокойной, тихой. И никакого птичьего щебета, и никакого бабского гомона.

Упал Ярополк в мягкое кресло, веки смежил и размечтался уже отоспаться здесь, как вдруг слышит:

- Чирик.
- Ну уж нет...
- Чирик...
- Ни за что!
- Чирик-чирик... чирик-чирик... чирик-чирик...

И с каждым разом все жалостливее, все заунывнее.

Не выдержало огромное сердце гиганта Ярополка. Пошел он на звук да у окна очутился, а за ним – птичка. Тоже простая, обычная, серенькая, каких сотни, тысячи, миллионы. Лапки у нее в леске запутали. Птичка взлететь пытается, а леска к оконной ручке привязана – крепко держит, не отпускает.

– Горе ты, – пробормотал Ярополк и строго так добавил: – Я только пути ослаблю, а тебя трогать не буду. Не нужна ты мне, поняла? Хватит с меня птиц, довольно.

- Чирик-чирик...

Да только кто ж спрашивал птицелова? Одна рука к леске потянулась, а вторая за крыло ухватила. И вот уже сидит Ярополк на полу, а рядом птица в конвульсиях бьется – в очередную деву обращается.

Сероглазую, русоволосую, грустно-серьезную.

Но не плачет она. И не ругается. И вообще внезапно молчит.

Пригляделся Ярополк – хороша все-таки, хоть и обычная.

Улыбнулся – она робко улыбнулась в ответ.

Ладонь протянул – она ухватилась. Встали оба.

Миг-два в глаза друг другу смотрели, и вдруг Ярополк уже за столом сидит, борщ уплетает, а девоптица у плиты стоит и ворчит-ворчит-ворчит без продыху.

– ...И картошку купил ужасную – одни глазки, рук моих тебе не жалко совсем.

– ...Хоть бы мусор вынес, вонь стоит – дышать нечем.

– ...Опять дружок твой заходил, все зазывает куда-то. По барам? По кабакам? С лестницы я его спустила, чтоб неповадно было семьи рушить.

– ...Пришел, носки по всей квартире разбросал, а я собирай. Неужто сложно хотя бы в одном месте их оставлять?

– ...Просишь, просишь, а в итоге все самой делать. Кран течет, машинка сломалась... а все потому что руки у тебя из одного места растут...

Ярополк последние капли с тарелки хлебом собрал, ложку облизнул и улыбнулся:

- Вкусный борщ, благодарствую. Шаман!

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

– Красива ли я, Ярополк?

– Да.

– Любима ли я, Ярополк?

– Разумеется.

– Умна ли я, Ярополк?

– Безусловно.

– Я толстая, Ярополк?

– Нет.

– Ты... ты что, на меня посмотрел, прежде чем ответить?

– ШАМАН!!!

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Славный выдался денек. Солнечный. Безветренный. И даже места глухие, безлюдные, птицами наводненные, настроение Ярополку не испортили. Они и кружили над ним, и на плечи пытались усесться, а кто-то и гадил мстительно, но птицелову все было нипочем.

Бродил он тропками нехожеными. Наслаждался остервенелым пением девоптиц неразвоплощенных. И руки вот ни капли не чесались к ним прикоснуться.

Даже когда обычные лесные птички сменились экзотическими и разноцветными. Даже когда среди них он заметил те, что давно мечтал найти. Вроде «авантюрина», «бедрa испуганной нимфы», «афалина», «дрокового» и «могово-гуляфного».

Ладно, что уж греха таить, чесались руки. Но Ярополк стойко держался до последнего луча солнца, с которым и вернулся на уже родную поляну.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

– Ну вас, баб! – орал Ярополк небу, которого и не видно было из-за целых туч галдящих пернатых. – Наловился!

И смеялся зловеще. И неприличные жесты показывал.

А потом просто носился по округе и все вопил и вопил:

– Ну вас, баб! И не смей забирать меня, шаман, понял? Я им все выскажу... я им выскажу!

Высказывался Ярополк, опять же, почти до заката. А как окрасился горизонт алым пламенем – уснул под деревом.

Счастливый. Спокойный. Умиротворенный.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

На десятый день шамана на поляне не оказалось. Лишь на старом трухлявом пеньке под камнем лежал измятый пожелтевший листок всего с двумя словами, написанными разномастными прыгающими буквами:

«Умиротворение, понятненько?»

**ТЕПЕРЬ ТОЧНО
КОНЕЦ**